

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

2

2019

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	РУБАНОВ А. В. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: sociology@bsu.by
Заместитель главного редактора	ЛЕГЧИЛИН А. А. – кандидат философских наук, доцент; заместитель декана по научной работе, заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: liahchylina@bsu.by
Ответственный секретарь	ДОБРОРОДНИЙ Д. Г. – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: danila_dobr@mail.ru
Агилера М.	Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П.	Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А.	Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П.	Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Данилов А. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л.	Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П.	Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н.	Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В.	Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И.	Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Косецки А.	Пултуска академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
Купченко В. Е.	Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А.	Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С.	Институт социально-гуманитарного образования, Минск, Беларусь.
Мазилев В. А.	Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Новиков В. Т.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Порус В. Н.	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Ротман Д. Г.	Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Румянцева Т. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б.	Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Стёпин В. С.	Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
Терещенко О. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Фурманов И. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шатравский С. И.	Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В.	Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А.	Академия последиипломного образования, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editor-in-chief **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; deputy dean for scientific activity, head of the department of philosophy of culture of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

Executive secretary **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
- Andryushchenko V. P.** National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
- Babosov Y. M.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Beznyuk D. K.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Vodopyanov P. A.** Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
- Wolfert P.** University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
- Hihin V. F.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Danilov A. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Zhuravlev A. L.** Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Zelenkov A. I.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Ivanic P.** Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
- Karamushka L. M.** N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
- Kirvel C. S.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
- Kozlovski V. V.** Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
- Koroleva I.** Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
- Kosecki A.** Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułtusk, Poland.
- Kupchenko V. E.** Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
- Lazarevich A. A.** Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Laptenok A. S.** Institute for Social and Humanities Education, Minsk, Belarus.
- Mazilov V. A.** Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
- Novikov V. T.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Porus V. N.** National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
- Rotman D. H.** Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Rumyantseva T. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Slepovich E. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Stelingowska B.** Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
- Stepin V. S.** Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Tereschenko O. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Titarenko L. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Toshchenko Zh. T.** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Fourmanov I. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Shatrauski S. I.** Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Jakubovská V.** Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
- Yanchuk V. A.** Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
- Yaskevich Y. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 111.83

ЦЕННОСТИ ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечается, что период *осевого времени* (VIII–II вв. до н. э.), как определил его К. Ясперс, был временем активного углубленного осмысления основополагающих истин человеческого бытия. Усилиями великих мыслителей указанного периода преодолены жесткие родовые, этнические и сакральные традиции поведения и осуществлен свободный выбор новых жизненных ценностей, ставших нравственными координатами последующей жизни людей. В идеях основателей зороастризма, конфуцианства, даосизма, индуизма, буддизма, библейских пророков, греческих философских школ, а несколько позднее и ислама можно обнаружить общие базовые нравственные ценности, ориентацию на человеколюбие – при определенном различии взглядов на способы их реализации.

Ключевые слова: *осевое время; саморефлексия; ценностный выбор; зороастризм; конфуцианство; даосизм; индуизм; буддизм; библейские пророки; греческая философия; ислам.*

VALUES OF AXIAL AGE

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article shows that the period of *axial age* (VIII–II centuries BC), as K. Jaspers defined it, was a time of deep understanding of the fundamental truths of human existence. Great thinkers of this period overcame rigid patrimonial, ethnic and sacred traditions of behavior and chose freely new values that became moral milestones of the life of people afterwards. It is

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Ценности осевого времени. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019;2:4–8.

For citation:

Rubanau AV. Values of axial age. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2019;2:4–8. Russian.

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

possible to identify similar basic moral values, orientation to humanity in the ideas of the founders of Zoroastrianism, Confucianism, Taoism, Hinduism, Buddhism, prophets in the Bible, Greek philosophical schools, and later on Islam, with a certain difference of views on the ways of realization of these values.

Keywords: *axial age*; self-reflection; value choice; Zoroastrianism; Confucianism; Taoism; Hinduism; Buddhism; prophets in the Bible; Greek philosophy; Islam.

К. Ясперс назвал *осевым временем* мировой истории эпоху VIII–II вв. до н. э. (на территории от Тихого океана до Атлантики), оценив ее как водораздел между инерцией доосевого традиционализма и осознанием возможности самостоятельного ценностного выбора при одновременной ответственности за него. В тот исторический период было положено начало осмыслению (через углубленную саморефлексию) основополагающих истин бытия и сформировались ценностные основания дальнейшей человеческой жизни.

Поиск смысла бытия и подлинных жизненных ценностей выразился в появлении зороастризма в Иране, конфуцианства и даосизма в Китае, индуизма и буддизма в Индии, библейских пророков, греческих философских школ и др.

Суть осевого ценностного поворота состояла в том, что раньше человек иногда мог нарушить общепринятые нормы, но не мог обратиться к альтернативным жизненным ценностям. Совершенно новым социальным явлением стало отрицание предельно жестких требований родовой, этнической или сакральной общности и обращение к человеку с призывом преодолеть инерцию сложившейся практики бытия, самому осуществить ценностный выбор и строить свое поведение в соответствии с ним.

Истоки новой ценностной ориентации мы встречаем уже в зороастризме. Его основоположник – пророк Заратустра, известный древним грекам как Зороастр. Согласно преданиям он провел многие годы скитаясь в поисках истины. Его гимны (гаты) позволяют предположить, что, будучи свидетелем многочисленных случаев насилия, убийств, грабежей, совершаемых приверженцами старых языческих богов (дивов), он преисполнился страстного стремления к справедливости, установлению нравственного закона, одинакового и для сильных, и для слабых, чтобы восторжествовали покой и порядок и все люди могли вести добрую и мирную жизнь.

В соответствии с учением Заратустры существует единственный всемогущий и вездесущий, исполненный блага бог добра – Ахурамазда – символ света, жизни и правды. Но наряду с ним издревле существовал и бог зла – Ангро-Майнью, который олицетворяет мрак, смерть и вместе со своими пособниками дэвами творит зло. Ахурамазда непрерывно борется с ним и в этой борьбе опирается на своих помощников, которые несут добромыслие, правду, бессмертие. Человек создан Ахурамаздой, но свободен при выборе добра (или зла), и поэтому

доступен воздействию злых духов. Делая тот или иной выбор, человек должен осознавать, что создан для окончательной победы над злом и несет ответственность за окружающий мир. Моральный закон, который оставил своим последователям Заратустра, гласит: живи в соответствии с доброй мыслью, добрым словом и добрым делом, отрекайся от тех, кто творит насилие над живыми существами, и наградой будет спасение души. Основоположник зороастризма был первым, кто говорил, что над каждым человеком после его смерти будет суд, предупреждал о всеобщем Последнем суде и вечной жизни, о рае и аде, о грядущем воскресении душ [1, с. 25–40]. Пожалуй, самое известное его высказывание таково: «Счастье тому, кто желает счастья другим» (Ясна 43:1) [2].

Противопоставление в облике человека должного существу, только уже более развернутое, мы встречаем в Бхагават-гите – древнейшем памятнике религиозно-философской мысли, символе духовной жизни Индии. В ней утверждаются такие нормы человеческой жизни, как очищение своего существования от скверны материального мира, развитие духовного знания, благотворительность, самообладание, простота, неприменение насилия, правдивость, свобода от гнева, сострадание ко всем живым существам, свобода от алчности, доброта, скромность, сила духа, чистота и свобода от зависти, стремление к славе и т. п.

Эти и другие близкие им трансцендентальные качества отличают божественные натуры, которые противопоставляются натурам демоническим. Для последних характерны гордость, высокомерие, тщеславие, гнев, грубость, невежество, завистливость, злонравие, самодовольство и др. Важнее всего для демонических натур чувственные удовольствия. Опутанные сетью сотен тысяч желаний, поглощенные вожделениями и гневом, ради удовлетворения этих чувств они добывают деньги неправедными путями. Особо порицаются в Гите такие приводящие к деградации души качества, как вожделение, гнев, жадность [3, с. 699–726].

Суть буддизма – учение о загрязнении (омрачении) и очищении (просветлении), возвращении к истинной природе человека. К загрязнению (осквернению), деградации, страданию приводит, по мнению буддистов, суета обычной жизни (сансарическое бытие) и порождаемые ею дурные страсти. Очищение человека связывается с его усилиями по моральному и интеллектуальному самосовершенствованию. Более поздняя ветвь буддизма (махаяна) отказалась от присущего его ранней

ветви (хинаяне) эгоистического идеала личного спасения и заменила его идеалом спасения всего человечества, всех живых существ.

Десять добрых дел для буддиста – это спасение жизни других людей, щедрость, благочестие, правдивость, примирение врагов, слова, способствующие миру и согласию, слова, приносящие пользу, умеренность, милосердие и сострадание, понимание истинного смысла учения. Десять грехов – убийство, кража, прелюбодеяние и сексуальные извращения, ложь, сплетня, ругань, пустословие, жадность, желание причинять вред, ложные воззрения [4, с. 226–227]. Будда учил: «Самое необходимое – это любящее сердце. Ненавистью не одолеть ненависть; лишь любовью ненависть побеждается. Это вечный закон» [5].

Согласно даосизму в основании мирового порядка находится всеобщий закон – дао. Предназначение человека состоит в том, чтобы познать дао и добиться слияния с ним своей души. Это предполагает следование принципу у-вэй – недеянию, т. е. отрицанию целенаправленной активности, идущей вразрез с естественным миропорядком. Лао-цзы учил: «Жизнь – серия естественных и спонтанных изменений. Не сопротивляйся им, это не приведет ни к чему хорошему. Позволь действительности быть действительностью. Позволь всему течь своим чередом».

В афоризмах Лао-цзы сформулированы основные нравственные правила поведения человека, следующего принципу у-вэй: «Воздержание – это первая ступень добродетели, которая и есть начало нравственного совершенства»; «Знающий меру доволен своим положением»; «Мудрец избегает всякой крайности»; «Нет беды тяжелее незнания удовлетворения»; «Осуществление недеяния всегда приносит спокойствие».

Во-вторых, важно доброе отношение к людям: «Долг без любви не радует (печалит). Истина без любви делает человека критичным (зависимым от критики). Воспитание без любви порождает противоречия. Порядок без любви делает человека мелочным. Предметные знания без любви делают человека всегда правым. Обладание без любви делает человека скупым. Вера без любви делает человека фанатиком. Горе тем, кто скуп на любовь. Зачем жить, если не для того, чтобы любить?»; «По воле фортуны человек может управлять целым миром некоторое время, но по воле любви и добра он может управлять миром вечно»; «Закон достойных – творить добро и не ссориться» [6].

В высветлении благодати, породнении с народом и остановке на совершенном добре состоит путь «Великого учения», созданного Конфуцием. Он утверждал, что благодать украшает личность. Для всех и для каждого – от сына неба до простолюдина – усовершенствование собственной личности является главным делом. Конфуцианство сформу-

лировало золотое правило морали – взаимность, которую основоположник учения называл всепроникающим стержнем. Это правило гласит: «Благородный муж требует от других людей только то, чем обладает сам, и порицает в других людях только то, чего не имеет сам».

В основе поведения должно лежать человеколюбие. На вопрос: «Что такое человеколюбие?» – Конфуций отвечал: «Любовь к людям». Главное содержание этого понятия – «не делай людям того, чего не желаешь себе». Человеколюбив тот, кто способен распространить в Поднебесной такие качества, как почтительность, великодушие, правдивость, сметливость и милость. Очень важно также сдерживание себя, ограничение во всем. Если будешь добр, обретишь небесное предопределение, а будешь недобр – утратишь его. Первый путь, великий и прямой, достоин благородного мужа. Чтобы обрести его, необходимо быть верным и благонадежным. По другому пути – малому и кривому – идет маленький человек, гордый и заносчивый, искусный специалист в практических делах. Если благородный человек за счет богатств развивает свою личность, то маленький за счет личности развивает богатства [7, с. 227–233].

У семи греческих мудрецов мы встречаем такие изречения, как «Ничего слишком», «Не лги, но говори правду», «Радей о честном», «Требуя, чтобы ответственность несли другие, неси ее и сам» (Солон), «Будь прекрасен делами», «Не обогащайся нечестным путем», «Учи и учись лучшему», «Праздным не будь, даже если ты богат» (Фалес); «Что возмущает тебя в ближнем, того не делай сам», «Лелей благочестие, воспитание, самообладание, рассудок, правдивость, верность, опытность, ловкость, товарищество, прилежание, хозяйственность, мастерство» (Питтак); «К несправедливости питай ненависть, благочестие блюди», «Удовольствия обуздывай», «Силой ничего не делай» (Клеобул); «Знай себя», «Не хули ближнего», «Предпочитай убыток позорной прибыли», «Обуздывай гнев» (Хилон); «Большинство людей дурны», «Бери убеждением, а не силой» (Биант); «Удовольствия смертны, добродетели бессмертны», «Сделайся достойным своих родителей», «Дал слово – держи: нарушать подло» (Периандр) [8, с. 92–94].

Вспомним библейские заповеди, сформулированные в Ветхом Завете в Книге Исход (20:12–17): «Почитай отца твоего и мать твою»; «Не убивай»; «Не прелюбодействуй»; «Не кради»; «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего»; «Не желай... ничего, что у ближнего твоего» [9, с. 79], – и, наконец, венчающую их заповедь в Евангелии от Матфея (22:39): «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [9, с. 1066].

Воспроизведем более поздние по времени нормы морали из аятов Корана: «О вы, которые уверовали! Кланяйтесь и падайте ниц, поклоняйтесь

вашему Господу и творите добро, – может быть, вы будете счастливы!» (сура 22 «Хадж», аят 77); «А богобоязненным будет сказано: “Что ниспослал вам Господь?” Они ответят: “Благо”. Тем, кто творил в этом мире добрые деяния, будет воздано добром. А жилище в будущем мире лучше. И как прекрасно жилище богобоязненных!» (сура 16 «Пчелы», аят 30); «[Рабы Милостивого] – это те, которые не расточительствуют и не скупятся, а тратят умеренно» (сура 25 «Различение», аят 67); «...Торговлю Аллах дозволил, а лихву запретил» (сура 2 «Корова», аят 275); «Аллах искореняет лихву и поощряет милостыню» (сура 2 «Корова», аят 276) и т. д. [10].

Что общего между этими положениями, взятыми из различных духовно-религиозных источников? Как нам кажется, во-первых, это единодушие в неприятии ценностей и жизненной практики, присутствующих реальному миру; во-вторых, сходство идеалов, которые противопоставлялись этому миру, состоящее в их ориентации на человеколюбие, стремлении сделать объектом осмысления и преобразования отношение человека к себе, своей жизни и другим людям. Их главное различие – в способах, которые предлагаются для утверждения истинных, на их взгляд, ценностей и норм поведения в практике человеческой жизни, взаимоотношениях между людьми.

Сравнительный анализ высокоразвитых форм религиозной жизни, сделанный впервые М. Вебером, позволил ему конкретизировать данные различия следующим образом. Для конфуцианства характерно приятие мира. Буддизм отличает отрицание и неприятие мира. Зороастризм, христианство, ислам принимают мир на условиях улучшения, исправления.

По-разному решается и проблема спасения. Основополагающими являются два варианта:

спасение через собственные действия (буддизм) и спасение с помощью посредника (иудаизм, христианство, ислам). При первом варианте методы спасения – это ритуальные культовые действия и церемонии, позитивная социальная активность (любовь к ближнему, благотворительность, забота о близких), самоусовершенствование. При втором спасение возможно через принадлежность к церкви (католицизм), веру (иудаизм, лютеранство), милость предопределения (ислам, кальвинизм). Различаются также пути спасения: активное этическое действие и мистическое созерцание. В первом случае необходимым условием спасения является аскеза, которая означает внутримирскую экономическую и иную деятельность (кальвинизм). При втором варианте аскезы – это средство достижения мистического просветления, «покоя в божественном».

Подытожим сказанное. В *осевое время* было открыто то, что, как писал К. Ясперс, «позже стало называться разумом и личностью». Правда, в тот период, когда «дистанция между вершинами человеческих возможностей и массой была чрезвычайно велика», такое было под силу лишь одиночкам. Но то, что стало доступно отдельным индивидам, «косвенным образом изменяет всех людей. Человечество в целом совершает скачок» [11, с. 35].

Таким образом, в период с VIII по II вв. до н. э., который К. Ясперс назвал *осевым временем*, усилиями великих мыслителей древности было положено начало осмыслению основополагающих истин бытия и самостоятельному ценностному выбору путем углубленной саморефлексии. Сформированные тогда новые жизненные ориентиры стали базовыми ценностными координатами человеческой жизни на протяжении всего исторического времени и остаются такими для современного общества.

Библиографические ссылки

1. Бойс М. *Зороастрийцы. Верования и обычаи*. Москва: Наука; 1988. 316 с.
2. Гаты [Интернет]. *Благоверие* [процитировано 12 января 2018 г.]. Доступно по: <http://blagoverie.org/holy/basis/gathas.phtml>.
3. *Бхагавад-Гита как она есть*. [б. м.]: Бхактиведанта Бук Траст; 1984. 848 с.
4. Абаев НВ. *Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае*. Новосибирск: Наука; 1989. 275 с.
5. Будда Шакьямуни [Интернет]. *Викицитатник* [процитировано 12 января 2018 г.]. Доступно по: https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%91%D1%83%D0%B4%D0%B4%D0%B0_%D0%A8%D0%B0%D0%BA%D1%8C%D1%8F%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8.
6. Лао-цзы [Интернет; процитировано 12 сентября 2017 г.]. Доступно по: <http://citaty.info/man/lao-czy>.
7. Кобзев АИ. «Великое учение» – конфуцианский катехизис. В: Мотрошилова НВ, редактор. *Историко-философский ежегодник*. Москва: Наука; 1986. с. 234–251.
8. Лебедев АВ, составитель, переводчик. *Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики*. Москва: Наука; 1989. 576 с. (Памятники философской мысли).
9. Библия. *Книги Священного писания Ветхого и Нового завета*. Москва: Российское Библейское общество; 2002. 1224 с.
10. Коран [Интернет]. 2008 [процитировано 11 августа 2017 г.]. Доступно по: <http://www.falaq.ru/quran/osma/>.
11. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. Москва: Политиздат; 1991. 527 с.

References

1. Bois M. *Zoroastriitsy. Verovaniya i obychai* [Zoroastrians. Beliefs and customs]. Moscow: Nauka; 1988. 316 p. Russian.
2. Ghats [Internet]. *Blagoverie* [cited 2018 January 12]. Available from: <http://blagoverie.org/holy/basis/gathas.phtml>.
3. *Bkhagavad-Gita kak ona est'* [Bhagavad-Gītā as it is]. [Place unknown]: Book Trust; 1984. 848 p. Russian.
4. Abaev NV. *Chan'-buddizm i kul'turno-psikhologicheskie traditsii v srednevekovom Kitae* [Ch'an Buddhism and cultural and psychological traditions in medieval China]. Novosibirsk: Nauka; 1989. 275 p. Russian.
5. Gautama Buddha [Internet]. *Wikiquote* [cited 2018 January 12]. Available from: [/wiki/%D0%91%D1%83%D0%B4%D0%B4%D0%B0_%D0%A8%D0%B0%D0%BA%D1%8C%D1%8F%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8](http://wiki/%D0%91%D1%83%D0%B4%D0%B4%D0%B0_%D0%A8%D0%B0%D0%BA%D1%8C%D1%8F%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8). Russian.
6. Lao-czy [Internet; cited 2017 September 12]. Available from: <http://citaty.info/man/lao-czy>. Russian.
7. Kobzev AI. [«Great Teaching» is the Confucian catechism]. In: Motroshilova NV, editor. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [Historical and philosophical yearbook]. Moscow: Nauka; 1986. p. 234–251. Russian.
8. Lebedev AV, compiler, translator. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast' 1. Ot epicheskikh teokosmogonii do vozniknoveniya atomistiki* [Fragments of the early Greek philosophers. Part 1. From epic theokosmogony to the emergence of atomism]. Moscow: Nauka; 1989. 576 p. (Monuments of philosophical thought). Russian.
9. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Russian Biblical Society; 2002. 1224 p. Russian.
10. Koran [Internet]. 2008 [cited 2017 August 11]. Available from: <http://www.falaq.ru/quran/osma/>. Russian.
11. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Moscow: Politizdat; 1991. 527 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 29.01.2019.
Received by editorial board 29.01.2019.

УДК 1(091):[130.3:[165.12+17.024]]

ПРОБЛЕМА ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО СУБЪЕКТА И ЕЕ ОБОСНОВАНИЕ В КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

М. В. РОВБО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявляется сущность проблемы трансцендентального субъекта в философии И. Канта. Показывается особое место понятия трансцендентального субъекта в трансцендентально-критическом проекте немецкого мыслителя. При этом во внимание принимается не только теоретическая философия И. Канта, где впервые был заявлен трансцендентальный субъект, но и практическая философия, в рамках которой наиболее полно раскрывается потенциал и предназначение этого субъекта, далеко не тождественного субъекту мышления, но и не являющегося просто рудиментом докантовской метафизики. Содержание понятия трансцендентального субъекта оказывается сложным преломлением различных представлений из рациональной психологии, метафизики субстанции и собственно критического проекта.

Ключевые слова: трансцендентальный субъект; субстанция; субстанциальное; спонтанность; рациональная психология; критицизм И. Канта; история философии.

THE PROBLEM OF THE TRANSCENDENTAL SUBJECT AND ITS JUSTIFICATION IN KANT'S CRITICAL PHILOSOPHY

M. V. ROVBO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The essence of the problem of transcendental subject in Kant's philosophy is considered. The special place of this subject in Kant's transcendental critical project is defined. The author takes into account not only Kant's theoretical philosophy, within frame of which the transcendental subject has been first stated, but also practical philosophy, in which the potential and purpose of this subject most completely fulfil. The concept of the transcendental subject is not identical to the subject of thinking, as well as it is not a vestige of pre-Kantian metaphysics. The concept of the transcendental subject is complicated refraction of different representations from rational psychology, metaphysics of substance and critical project in itself.

Keywords: transcendental subject; substance; substantial; spontaneity; rational psychology; Kant's criticism; history of philosophy.

Введение

Понятие «трансцендентальный субъект» – одно из самых широко употребляемых не только в исследовательской литературе, но и в сочинениях тех мыслителей, которые уже навсегда запечатлели

свои имена в истории философии. Данное понятие получило столь широкое распространение, что может показаться, что его значение не таит в себе никаких «подводных камней». Вместе с тем в совре-

Образец цитирования:

Ровбо МВ. Проблема трансцендентального субъекта и ее обоснование в критической философии И. Канта. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019;2:9–14.

For citation:

Rovbo MV. The problem of the transcendental subject and its justification in Kant's critical philosophy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;2:9–14. Russian.

Автор:

Маргарита Валерьевна Ровбо – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. Г. Румянцева.

Author:

Margarita V. Rovbo, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
ritarovbo@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3123-3013>

менном кантоведении до сих пор нет однозначной трактовки трансцендентального субъекта и, как следствие, вновь возникают вопросы о том, что же он собой представляет и какое место ему отводится собственно в кантовской философии. Более того, порой под сомнение ставится даже существование такого субъекта в философии И. Канта.

Понятие трансцендентального субъекта представляет интерес также потому, что в ряде современных концепций [1; 2] намечается поворот к прежним метафизическим вопросам, происходит «переоткрытие» многих традиционных терминов. В качестве транзитивного пункта для целого ряда таких «переоткрытий», в том числе касающихся субъекта познания, выступила философия И. Канта. Обращение именно к И. Канту инициировано тем обстоятельством, что им впервые была осуществлена концептуальная «проработка» фигуры познающего субъекта через исследование познавательного опыта (того, *что* и *как* мы можем знать).

Во многих философских сочинениях XIX–XX вв., где так или иначе затрагивалась тема трансцендентального субъекта, трактовка данного субъекта часто приходит в противоречие с собственно кантовской или представляется через понятийный аппарат, не свойственный самому И. Канту. Эту ситуацию отчасти можно объяснить тем, что многие из тех, кто обращался к трансцендентальному субъекту, сами претендовали на построение собственных философских концепций (в послекантовском немецком идеализме, неокантианстве, феноменологии, русской философии всеединства и др.) [3–6].

Проблемы исследования трансцендентального субъекта в критической философии И. Канта

На вопрос о том, существовал ли трансцендентальный субъект в кантовской философии, не так давно уже был дан достаточно убедительный ответ на основе контент-анализа «Критики чистого разума» [12]. Понятие трансцендентального субъекта действительно существует в философии И. Канта, а не является продуктом последующих рецепций его мысли. Более того, И. Кант, по всей видимости, был непосредственным автором данного понятия: даже Р. Декарт, хотя и запустил сложный процесс трансформации местоимения (фр. *moi* – Я) в существительное, все же не может называться ни автором, ни разработчиком данного понятия. В текстах Р. Декарта понятие «субъект» (*Sujet*) используется весьма редко, к тому же в довольно архаичном значении, этимологически восходящем еще к философии Аристотеля [16, с. 54–55].

Поиск же ответа на вопросы, касающиеся определения и места трансцендентального субъекта в кантовской философии, сопряжен с рядом проблем.

В русскоязычной исследовательской литературе XX в. кантовский трансцендентальный субъект весьма часто принимается в качестве синонима субъекта познания и рассматривается в контексте таких проблем, как субъект-объектное отношение, типы рациональности и др. [7–10].

В новейших русскоязычных источниках отмечается момент несовпадения трансцендентального субъекта и субъекта познания как носителя априорных форм [11; 12]. В зарубежной исследовательской литературе тема трансцендентального субъекта поднимается в контексте вопросов философской психологии [13], а также проблемы субъекта и субъективности в философии [14; 15].

Цель данной статьи – выявить сущность проблемы трансцендентального субъекта в философии И. Канта и показать особое место понятия трансцендентального субъекта в трансцендентально-критическом проекте немецкого мыслителя. Реализация поставленной цели достигается путем последовательного решения следующих задач:

- 1) определить проблемы исследования трансцендентального субъекта в критической философии И. Канта;
- 2) эксплицировать основные особенности кантовского трансцендентального субъекта;
- 3) раскрыть специфику отношения понятия трансцендентального субъекта к традиции рациональной психологии XVIII в.;
- 4) определить место трансцендентального субъекта в критической философии И. Канта.

Во-первых, в своих сочинениях И. Кант, вопреки ожиданиям, употребляет словосочетание «трансцендентальный субъект» чрезвычайно редко (в «Критике чистого разума» число его употреблений не достигает и десяти). Столь редкое и даже осторожное использование немецким мыслителем понятия трансцендентального субъекта контрастирует с частотой его употребления во вторичных источниках, где, как правило, он рассматривается в качестве синонима субъекта познания, структура и функции которого заданы целью трансцендентально-критического проекта [6–10]. Сам И. Кант использует для обозначения познающего агента более нейтральные выражения: мыслящий субъект (*das denkende Subjekt, das Subjekt des Denkens*), познающее существо (*das erkennende Wesen*), сознание вообще (*das Bewußtsein überhaupt*) и т. п.

Во-вторых, существует также расхождение в трактовках трансцендентального субъекта в первом и втором изданиях «Критики чистого разума». Указанное расхождение может быть проиллюстри-

ровано двумя нижеприведенными высказываниями философа (А 350 и В 427).

В первом издании «Критики чистого разума» в разделе «Трансцендентальная диалектика» И. Кант, разбирая паралогизмы (А 350), утверждает, что первое заблуждение рациональной психологии происходит из-за отождествления субъекта мышления и «реального субъекта присущности». Следует заметить, что под присущностью (*Inhärenz*) И. Кант, как это следует из таблицы категорий, понимал способ существования акциденций. О субъекте присущности мы не можем иметь никакого знания: всякое знание будет относиться лишь к логическому *Я*, на уровне которого происходит превращение представлений в мысли, или «встреча» чувственности и рассудка. «...Все наши восприятия должны встречаться в нем как в трансцендентальном субъекте, и, кроме этого логического значения *Я*, у нас нет никакого знания о субъекте самом по себе, ко-

торый служит субстратом и этого трансцендентального субъекта, и всех мыслей» [17, с. 443]. Так, здесь И. Кант еще склонен отождествлять трансцендентальный субъект и логическое *Я* (субъект мышления), но вместе с тем признает, что за ним скрывается некий не познаваемый силами человеческого рассудка субстрат, или субъект присущности.

Данный отрывок будет изъят И. Кантом из второго издания, в пределах которого произойдут существенные перемены: логический и трансцендентальный субъекты станут тщательно отграничиваться друг от друга, а сам трансцендентальный субъект станет пониматься как субъект-субстрат, тот самый субъект присущности. Так, в «Заключении к разрешению психологического паралогизма» (В 427) Кант разводит «единство сознания, лежащее в основе всякого определения как одной лишь формы познания» и «субстанциальное в себе как трансцендентальный субъект» [18, с. 543].

Особенности трансцендентального субъекта в философии И. Канта

В «Критике чистого разума» И. Кант замечает, что трансцендентальный субъект не есть явление, но выступает «субъектом всех внутренних явлений» [18, с. 323]. Из первой части этого положения следует, что относительно трансцендентального субъекта отсутствует возможность применения категорий, а значит, и возможность познания. Категории могут быть применены только к тому, что дано, трансцендентальный же субъект *не дан* как предмет. Несмотря на то что относительно единства сознания известно не так уж и много (знание о нем исчерпывается в основном его функцией в сфере познавательной деятельности), трансцендентальный субъект оказывается еще более неизвестным, глубинным и, по сути, предельным уровнем субъективности. Как отмечает А. Н. Круглов, в словосочетании «трансцендентальный субъект» термин «трансцендентальное» указывает на значение, принятое скорее в схоластической традиции (где трансцендентальное и трансцендентное еще не различались), а не в интеллектуальной среде XVIII в. [12, с. 288].

Во второй части указанного положения (трансцендентальный субъект выступает «субъектом всех внутренних явлений») уже сама формулировка напоминает об этимологии понятия «субъект» (от др.-греч. ὑπόκειται – находиться в основании; быть в наличии; быть установленным). Понимание субъекта как субстанции-субстрата было общим местом как для античной, так и для средневековой

философской традиции. Преобладало оно и в Новое время, тогда как трактовка понятия «субъект» в более привычном для современной философии смысле (в качестве агента активности) была скорее исключением [19, с. 193–194]. В таком случае возникает вопрос: не выступает ли трансцендентальный субъект как далеко не необходимое для самой критики понятие или даже как рудимент старой метафизики, а точнее, такой ее части, как учение о душе (психология)?

Из сохранившихся текстов лекций по рациональной психологии, читаемых И. Кантом в «период молчания», мы узнаем, что он скептически относился к некоторым идеям этой дисциплины. Тем не менее еще незадолго до написания «Критики чистого разума» философ принимал ее основные положения: душа есть субстанция (1), характеризующаяся простотой (2), единством (3) и спонтанной активностью (4). Однако, как утверждает известный специалист в области философской психологии В. В. Васильев, буквально накануне написания окончательного варианта первого издания «Критики чистого разума» И. Кант подвергает ревизии тезис о том, что душа (*Я*) есть субстанция, определяя его как первый паралогизм [20, с. 111]. И хотя И. Кант лишает единство *Я* (последнее, что дано нам в мысли) объективной реальности, способа бытия субстанцией, возможно, что философ просто переносит этот способ бытия на уровень трансцендентального субъекта.

Кантовский трансцендентальный субъект и рациональная психология XVIII в.

Прежде чем выносить суждение о том, что принимаемый И. Кантом смысл трансцендентального субъекта выступает прямым свидетельством влия-

ния на философа им же ревизуемых метафизических идей, следует обратить внимание на два важных обстоятельства.

Во-первых, в «Критике чистого разума» И. Кант разграничивает (В 441) понятия субстанции (*die Substanz*) и субстанциального (*Substantielle*), из которых к трансцендентальному субъекту отношение имеет только последнее. Субстанция выступает одним из чистых рассудочных понятий, это есть «понятие о чем-то таком, что может существовать только как субъект, но никогда как простой предикат» [18, с. 223]. «Субстанциальное» же не является чистым рассудочным понятием, оно представляет собой «лишь понятие о самостоятельно существующем предмете вообще, поскольку в нем мыслят лишь трансцендентальный субъект без всякого предиката» [18, с. 559]. Совершенно ясно, что И. Кант не мог допустить применения к трансцендентальному субъекту какой-либо категории, в том числе категории субстанции, поскольку это привело бы к тем же недостаткам, которые свойственны рациональной психологии (в ее положениях отсутствует всякое основание для связи субъекта с предикатом). Как видим, И. Кант старательно избегает не только подходов, но и терминологии рациональной психологии. Вместе с тем такой ход едва ли можно рассматривать как простое конструирование искусственных терминов в целях спасения критической теории: различие между субстанцией и субстанциальным обнаруживается еще в философии А. Баумгартена [13, р. 91], на основе учебника которого И. Кант читал лекции по метафизике.

Во-вторых, критикуя паралогизмы, И. Кант различивает три первых положения рациональной психологии, однако обходит молчанием последнее: душа является носителем способности к спонтанной активности. Сущность спонтанной активности заключена в самодетельности из внутреннего принципа. При этом, как поясняет философ в лекциях по психологии конца 1770-х гг., существует спонтанность двух видов: *simpliciter talis* (абсолютная) и *secundum quid talis* (автоматическая). Спонтанностью *secundum quid talis* обладают, к примеру, механические часы, движущиеся сами собой по внутреннему принципу (в силу собственной пружины), однако данный внутренний принцип детерминирован внешним принципом – часовщиком, который завел эти часы. Душа же (а в лекциях И. Кант еще не использовал понятие трансцен-

дентального субъекта), помимо этого, обладает способностью действовать из внутреннего принципа не только без внешней детерминации, но и по свободному произволению – это то, что И. Кант называет трансцендентальной свободой [21, с. 117].

В пределах же «Критики чистого разума» связь спонтанности и трансцендентального субъекта как ее носителя наиболее отчетливо заявлена тогда, когда И. Кант рассматривает проблему каузальности, сопоставляя два таких ее базовых типа, как каузальность естественная и каузальность через свободу. Согласно естественной каузальности всякое явление имеет причину в другом явлении (как рабочий часовой механизм и настроивший его часовщик). В каузальности через свободу условие действия находится вне ряда явлений, а именно в самом чистом разуме, и «не допускает для себя никаких предшествующих условий», поскольку находится вне временных определений [18, с. 721]. Разум, предписывающий себе императив (не детерминированный извне внутренний принцип), оказывается основанием всех произвольных поступков, хотя в мире явлений, по мнению Канта, их идентифицировать не представляется возможным: «Действующий субъект как *causa phaenomenon* с природой был бы неразрывно связан в силу зависимости всех своих действий, и только *noumenon* этого субъекта (со всей его каузальностью в явлении) содержал бы в себе какие-то условия, которые следовало бы рассматривать как чисто умопостигаемые... Если мы следуем правилам природы... то нам нечего беспокоиться о том, какое основание этих явлений и их связи мыслится в трансцендентальном субъекте» [18, с. 711].

Ввиду указанных обстоятельств трансцендентальный субъект лишь с большим преувеличением можно принять за «пережиток» рациональной психологии. Обвинять И. Канта в еще одном типе психологизма, уже не основывающемся на методе интроспекции, необоснованно. В философии И. Канта и в рациональной психологии имеются совершенно различные цели: последняя стремится познать «трансцендентальный субъект», сделав из него объект, – И. Канту важно не столько познать этот субъект, сколько лишь наметить его практическое измерение.

Место трансцендентального субъекта в критической философии И. Канта

В границах теоретической философии трансцендентальный субъект оказывается своеобразной зоной X, которая выпадает из скрупулезного анализа способностей субъекта мышления, но необходимо должна быть маркирована как предел познания, предел царства природы и – одновременно – как начало царства свободы. Спекулятивный разум бессилен познать трансцендентальный субъект, для теоретической философии выступающий в качестве ноумена. Примечательно, что И. Кант

останавливает рассуждения и тогда, когда пишет о спонтанности, свойственной рассудку и процессу синтеза: раскрывая механизм ее реализации, философ не может судить о ее источнике (носителе).

С позиции практической философии трансцендентальный субъект выступает главным субъектом нравственного действия, обеспечивая возможность действия из внутреннего принципа в силу своей абсолютной спонтанности. Среди всех признаков, которыми обладает трансценденталь-

ный субъект, именно безусловная спонтанность для практического разума оказывается наиболее важной.

Итак, трансцендентальный субъект исходно оказывается заявленным в теоретической философии: хотя и не отвечая ее имманентным целям, данный субъект выступает «проводником» в сферу практической философии. Только при обнаружении такого транзитивного положения трансцендентального субъекта становится заметным особенный статус человека в философии И. Канта: агента познавательной и нравственной деятельности. Как было отмечено еще А. Н. Кругловым, размышления о кантовском трансцендентальном субъекте вновь напоминают о трех знаменитых кантовских вопросах, подытоживаемых в конечном счете четвертым: «Что такое человек?» [12, с. 295]. О субъекте познания речь идет только в первом вопросе. Впрочем, едва ли исчерпывается смысл трансцендентального субъекта и в прак-

тической философии (в ответе на второй вопрос), хотя в рамках последней уже более полно реализуется одна из ключевых характеристик трансцендентального субъекта – свобода (или способность к безусловно спонтанной активности). Среди данных четырех вопросов в большей степени релевантным понятию трансцендентального субъекта должен быть признан последний: хотя бы потому, что Кант сознательно уклоняется от исчерпывающего ответа на него.

Кантовское понятие трансцендентального субъекта – благодаря своему значению и способу обнаружения – может быть рассмотрено как обладающее эвристическим и даже гуманистическим потенциалом, поскольку дает возможность прояснить отношение между познанием (наукой) и нравственностью, а также в новом ракурсе взглянуть на проблему рассмотрения человека как объекта науки.

Заключение

1. Проблемы исследования трансцендентального субъекта в философии И. Канта обусловлены, во-первых, самим программным требованием критицизма, заключающимся в воздержании от суждений относительно сферы сверхопытного, в докантовской философии доступной благодаря интеллектуальной интуиции. Во-вторых, тем, что сам И. Кант несколько раз корректировал свое представление о месте трансцендентального субъекта относительно сознающей себя самости.

2. И. Кант, как автор понятия «трансцендентальный субъект», наделяет его признаками непознаваемости, субстанциальности, ноуменальности, способностью к безусловно спонтанной активности. Часто при этом данные признаки не эксплицированы самим немецким мыслителем, а обнаруживаются только при обращении

к иным понятиям и темам кантовской философии.

3. Несмотря на то что в кантовских характеристиках трансцендентального субъекта можно заподозрить скрытое влияние традиции рациональной психологии XVIII в., все же в подходе И. Канта к трансцендентальному субъекту наблюдаются как терминологические, так и методологические расхождения с подходом рациональной психологии к субъекту (душе).

4. В пределах теоретической философии трансцендентальный субъект остается практически абсолютной *terra incognita*, однако именно к нему сходятся пути от различных других понятий «Критики чистого разума»: абсолютной спонтанности, трансцендентальной свободы, *causa noumenon*, – благодаря чему утверждается по преимуществу практический смысл данного субъекта.

Библиографические ссылки

1. Мейясу К. *После конечности. Эссе о необходимости контингентности*. Москва: Кабинетный ученый; 2015. 196 с.
2. Харман Г. *Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера*. Пермь: Гиле Пресс; 2015. 152 с.
3. Фихте ИГ. *Основа общего наукоучения*. В: Фихте ИГ. *Сочинения. Том 1*. Волжский В, составитель. Санкт-Петербург: Мифрил; 1993. 687 с.
4. Риккерт Г. Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания. В: Риккерт Г. *Философия жизни*. Киев: Ника-Центр; 1998. с. 15–166.
5. Husserl E. Kant and the idea of transcendental philosophy. *Southwestern Journal of Philosophy*. 1974;5(3):9–56. DOI: 10.5840/swjphi/19745335.
6. Булгаков СН. *Философия хозяйства*. Москва: Институт русской цивилизации; 2009. 464 с.
7. Кармин АС. Проблема субъекта и объекта в кантовской теории познания. В: Калинин ЛА, редактор. *Кантовский сборник. Выпуск 8*. Калининград: Калининградский государственный университет; 1983. с. 33–54.
8. Лекторский ВА. *Субъект, объект, познание*. Москва: Наука; 1980. 358 с.
9. Любутин КН. Философия Канта: проблема трансцендентального субъекта. В: Гринишин ДМ, редактор. *Вопросы теоретического наследия И. Канта. Выпуск 5*. Калининград: Калининградский государственный университет; 1980. с. 3–18.
10. Мамардашвили МК. *Классический и неклассический идеалы рациональности*. Москва: Лабиринт; 1994. 114 с.
11. Васильев ВВ. Маятник иллюзий: ускользнувшее Я (к вопросу о статусе субъекта в философии Канта). В: Брюшинкин ВН, редактор. *Кантовский сборник. Выпуск 26*. Калининград: Издательство государственного университета имени И. Канта; 2006. с. 80–82.

12. Круглов АН. Был ли у Канта трансцендентальный субъект? В: Мотрошилова НВ, редактор. *Историко-философский ежегодник*. Москва: Институт философии; 2004. с. 279–295.
13. Dyck CW. *Kant and Rational Psychology*. New York: Oxford University Press; 2014. 288 p.
14. Carr D. *The Paradox of Subjectivity: the Self in the Transcendental Tradition*. New York: Oxford University Press; 1999. 168 p.
15. Halbfass W. Subject, transzendentes [Internet]. In: Ritter J, Gründer K, Gottfried G, Herausgeber. *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Basel: Schwabe Verlag; 1998 [cited 2018 December 12]. Available from: https://www.schwabeonline.ch/schwabe-xaveropp/elibrary/start.xav#_elibrary_%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27verw.subjekt.transzendentes%27%5D_1546541272594.
16. Аристотель. *Метафизика*. В: Аристотель. *Сочинения*. Том 1. Асмус ВФ, редактор. Москва: Мысль; 1976. 550 с.
17. Кант И. *Сочинения на немецком и русском языках*. Том 2, часть 2. Мотрошилова НВ, Тушлинг Б, редакторы. Москва: Институт философии РАН; 2006. 935 с. Совместное издание с «Наука».
18. Кант И. *Сочинения на немецком и русском языках*. Том 2, часть 1. Мотрошилова Н, Тушлинг Б, редакторы. Москва: Институт философии РАН; 2006. 1081 с. Совместное издание с «Наука».
19. Псху ГВ, Крыштоп ЛЭ. Развитие понятий «Субъект» и «Другой» в истории западной философии и их интерпретация у Г. Оберхаммера (на материале статьи «Место, где свершается Бог»). *Вопросы философии*. 2016;11:191–201.
20. Васильев ВВ. Догматизм или критицизм? В: Мотрошилова НВ, редактор. *Историко-философский ежегодник*. Москва: Наука; 1999. с. 110–113.
21. Кант И. Лекции по рациональной психологии («Метафизика L1»). В: Мотрошилова НВ, редактор. *Историко-философский ежегодник*. Москва: Наука; 1997. с. 114–147.

References

1. Meillassoux K. *Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude. An essay on the necessity of contingency]. Moscow: Kabinetnyi uchenyi; 2015. 196 p. Russian.
2. Harman G. *Chetveroyakii ob'ekt: Metafizika veshchei posle Khaideggera* [Quadruple object: metaphysics of things after Heidegger]. Perm: Gile Press; 2015. 152 p. Russian.
3. Fichte IG. [Foundations of the Entire Science of Knowledge]. In: Fichte IG. *Sochineniya. Tom 1* [The works. Volume 1]. Volzhskii V, compiler. Saint Petersburg: Mifril; 1993. 687 p. Russian.
4. Rickert H. [Introduction to transcendental philosophy. The subject of knowledge]. In: Rickert H. *Filosofiya zhizni* [Philosophy of life]. Kiev: Nika-Tsentr; 1998. p. 15–166. Russian.
5. Husserl E. Kant and the Idea of Transcendental Philosophy. *Southwestern Journal of Philosophy*. 1974;5:9–56. DOI: 10.5840/swjphi/19745335.
6. Bulgakov SN. *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of economy]. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2009. 464 p. Russian.
7. Karmin AS. [The problem of subject and object in Kantian theory of knowledge]. In: Kalinnikov LA, editor. *Kantovskii sbornik. Vypusk 8* [Kantian journal. Issue 8]. Kaliningrad: Kaliningrad State University; 1983. p. 33–53. Russian.
8. Lektorskii VA. *Sub'ekt, ob'ekt, poznanie* [Subject, object, cognition]. Moscow: Nauka; 1980. 358 p. Russian.
9. Lyubutin KN. [Kant's philosophy: the problem of the transcendental subject]. In: Grinishin DM, editor. *Voprosy teoreticheskogo naslediya I. Kanta. Vypusk 5* [Questions of theoretical legacy of I. Kant. Issue 5]. Kaliningrad: Kaliningrad State University; 1980. p. 3–18. Russian.
10. Mamardashvili MK. *Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti* [Classical and non-classical ideals of Rationality]. Moscow: Labirint; 1994. 114 p. Russian.
11. Vasil'ev VV. [The pendulum of illusions: escaping self (on the status of subject in the Kant's writings)]. In: Bryushinkin VN, editor. *Kantian Journal. Issue 26*. Kaliningrad: Publishing House of the Immanuel Kant Russian State University; 2006. p. 80–82. Russian.
12. Kuglov AN. Is there any transcendental subject in the Kant's writings? In: Motroshilova NV, editor. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [History of philosophy yearbook]. Moscow: Institute of Philosophy; 2005. p. 279–295. Russian.
13. Dyck CW. *Kant and Rational Psychology*. New York: Oxford University Press; 2014. 288 p.
14. Carr D. *The Paradox of Subjectivity: the Self in the Transcendental Tradition*. New York: Oxford University Press; 1999. 168 p.
15. Halbfass W. Subject, transzendentes [Internet]. In: Ritter J, Gründer K, Gottfried G, Herausgeber. *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Basel: Schwabe Verlag; 1998 [cited 2018 December 12]. Available from: https://www.schwabeonline.ch/schwabe-xaveropp/elibrary/start.xav#_elibrary_%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27verw.subjekt.transzendentes%27%5D_1546541272594. DOI: 10.24894/HWPh.4115.
16. Aristotle [Metaphysics]. In: Aristotle. *Sochineniya. Tom 1* [The works. Volume 1]. Asmus VF, editor. Moscow: Mysl'; 1978. 550 p. Russian.
17. Kant I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh. Tom 2, chast' 2* [The works in German and Russian. Volume 2, part 2]. Motroshilova NV, Tushling B, editors. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Science; 2006. Co-published by the «Nauka». Russian.
18. Kant I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh. Tom 2, chast' 1* [The works in German and Russian. Volume 2, part 1]. Motroshilova NV, Tushling B, editors. Moscow: Moscow Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; 2006. Co-published by the «Nauka». Russian.
19. Pskhy GV, Kryshchop LE. The Development of the concepts «Subject» and «Other» in the history of Western philosophy and their interpretation in G. Oberhammer. *Voprosy filosofii*. 2016;11:191–201. Russian.
20. Vasil'ev VV. Dogmatism or criticism? In: Motroshilova NV, editor. *History of Philosophy. Yearbook*. Moscow: Nauka; 1999. p. 110–113. Russian.
21. Kant I. Lectures on Rational Psychology («Metaphysics L 1»). In: Motroshilova NV, editor. *History of Philosophy. Yearbook*. Moscow: Nauka; 1997. p. 114–147. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.01.2019.
Received by editorial board 05.01.2019.

АПРОЧ АБДЗІРАЛОВІЧА: ХАРАКТАРЫСТЫКА ЖЫЦЦЯ І ТВОРЧАСЦІ ІГНАТА КАНЧЭЎСКАГА

І. М. НОВІК^{1*}

^{1*} Інстытут філасофіі НАН Беларусі, вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца жыццё і творчасць Ігната Канчэўскага, больш вядомага айчынныму чытачу пад псеўданімам Ігнат Абдзіраловіч, – аўтара знакамітага эсэ «Адвечным шляхам». Разгледжаны асноўныя вехі кароткага, але плённага жыцця беларускага мыслара: адукацыя, удзел ва ўкраінскім нацыянальным руху, праца на адміністрацыйных пасадах як у Савецкай Беларусі, так і ў Сярэдняй Літве, яго кола знаёмстваў, цікавасць да ўсходняй філасофіі і, у прыватнасці, да ёгі. Таксама даецца характарыстыка іншым тэкстам, апроч слыннага эсэ «Адвечным шляхам», якія належаць пяру І. Канчэўскага. Спадчына мыслара ўключае ў сябе дзесяць надрукаваных пры яго жыцці публіцыстычных твораў, пераважная большасць якіх прысвечана тэме кааператыўнага руху; чатыры вершы, дасланыя ім самім у беларускія газеты, і яшчэ адзін верш, надрукаваны ў год смерці аўтара ў зборніку «Заходняя Беларусь». Акрамя таго, захаваліся яшчэ тры рукапісы: два – у аддзеле рукапісаў НАН Беларусі («Эскізы будучыні» – чарнавік эсэ «Адвечным шляхам» і «Накідкі думак аб выкладанні ў школе асноў кааперацыі») і адзін – у аддзеле рукапісаў Акадэміі навук Літвы (сшытак з вершамі І. Канчэўскага). Асноўны вывад нашага даследавання наступны: галоўнай, амаль што адзінай, тэмай творчасці Канчэўскага-публіцыста была кааперацыя: вакол яе раіліся яго думкі, да яе ён звяртаўся зноў і зноў, яе бараніў і аналізаваў, яе абрысы шукаў у іншых культурных і сацыяльных з’явах беларускага жыцця. З кааперацыяй была звязана большая частка яго біяграфіі і практычнага жыцця. Таму яе з’яўленне на старонках эсэ «Адвечным шляхам» зусім не выпадковае: акурат на гэтыя пару старонак прыходзіцца асноўны цяжар палітычнай філасофіі І. Канчэўскага, у іх неабходна шукаць ключ да яго сацыяльнай ідэалогіі.

Ключавыя словы: Ігнат Канчэўскі; Ігнат Абдзіраловіч; гісторыя беларускай філасофіі.

ПОМИМО АБДИРАЛОВИЧА: ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ИГНАТА КОНЧЕВСКОГО

И. М. НОВИК¹⁾

¹⁾ Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Исследуется жизнь и творчество Игната Кончевского, более известного читателю под псевдонимом Игнат Абдиралович, – автора знаменитого эссе «Извечным путем». Рассмотрены основные вехи короткой, но плодотворной жизни белорусского мыслителя: образование, участие в украинском национальном движении, работа на административных должностях как в Советской Беларуси, так и в Срединной Литве, его круг знакомств, интерес к восточной философии и, в частности, к йоге. Также дана характеристика другим, помимо известного эссе «Извечным путем», текстам, принадлежащим перу И. Кончевского. Наследие мыслителя включает десять напечатанных при его жизни публицистических произведений, среди которых подавляющее большинство посвящено теме кооперативного движения; четыре стихотворения, присланных им самим в белорусские газеты; еще одно стихотворение, напечатанное в год смерти автора в сборнике «Западная Беларусь». Кроме того, сохранились три рукописи: две – в отделе рукописей НАН Беларуси («Эскизы будущего» – черновик эссе «Извечным путем» и «Наброски мыслей о преподавании в школе

Образец цитирования:

Новік ІМ. Апроч Абдзіраловіча: характарыстыка жыцця і творчасці Ігната Канчэўскага. *Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філасофія. Псіхалогія*. 2019;2:15–22.

For citation:

Novik IM. Besides Abdziralovič: characteristic of the life and work of Ihnat Kančeŭski. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;2:15–22. Belarusian.

Автор:

Иван Михайлович Новик – маладшы навучны супрацоўнік цэнтру гісторыка-філасофскіх і кампаратывных даследаванняў.

Author:

Ivan M. Novik, junior researcher at the center for history of philosophy and comparative studies.
novik.jan@gmail.com

основ кооперации») и одна – в отделе рукописей Академии наук Литвы (тетрадь со стихами И. Кончевского). Основной вывод нашего исследования следующий: главной, едва ли не единственной, темой Кончевского-публициста была кооперация: вокруг нее вращались его мысли, к ней он обращается снова и снова, ее защищает и анализирует, ее очертания ищет в других культурных и социальных явлениях белорусской жизни. С кооперацией же была связана и существенная часть его биографии и практической жизни. Поэтому ее появление на страницах эссе «Извечным путем» совсем не случайно: как раз на этих нескольких страницах наиболее рельефно выявлены основы политической философии И. Кончевского и в них необходимо искать ключ к пониманию его социальной идеологии.

Ключевые слова: Игнат Кончевский; Игнат Абдиралович; история белорусской философии.

BESIDES ABDZIRALOVICH: CHARACTERISTIC OF THE LIFE AND WORK OF IHNAT KANČEŪSKI

I. M. NOVIK^a

^a*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The article deals with the life and works of Ihnat Kančėŭski, better known under the pseudonym Ihnat Abdziralovič, the author of the famous essay «Advečnym šliaham» («Eternal way»). The article reviews the main milestones of the short but productive life of the Belarusian thinker – education, participation in the Ukrainian national movement, work in administrative positions in the Soviet Belarus and Central Lithuania, his circle of acquaintances, and interest in Eastern philosophy, in particular, in yoga. In addition, the article provides a description of other text written by Kančėŭski: publicistic texts printed during his lifetime, majority of which dedicated to the topic of the cooperative movement, verses and three manuscripts: two in the department of manuscripts of the National Academy of Sciences of Belarus («Eskizy budučyni» is a draft of the «Advečnym šliaham» and «Nakidki dumak ab vykladanni ŭ školie asnoŭ kaaperacyi»), and one in the department of manuscripts of the Lithuanian Academy of Sciences. It is a notebook with verses. Our main conclusion is as follows: the main, almost the only topic of Kančėŭski as publicist was cooperation. This topic was riveted on his attention, to it he returned again and again, through the framework of cooperation he analyzed other cultural and social phenomena of the Belarusian life. A significant part of his biography and practical life was associated with cooperation. Therefore, its appearance in the pages of «Advečnym šliaham» is not a coincidence. Just these few pages bear the brunt of political philosophy of Kančėŭski, here one should look for the key to understanding of his social outlook.

Keywords: Ihnat Kančėŭski; Ihnat Abdziralovič; history of Belarusian philosophy.

У сённяшняй беларускай філасофіі Ігнат Канчэўскі іграе ролю нязнамага знаёмцы: усе ведаюць яго як Іgnата Абдзіраловіча – аўтара эсэ «Адвечным шляхам». Для бадай што любой рэфлексіі над беларускай гісторыяй і культурай добрым тонам лічыцца зрабіць спасылку ці дапоўніць уласны тэкст цытатай са сьлынага эсэ. Але далёка не ўсе згадаюць сапраўднае прозьвішча аўтара гэтага твора. Яшчэ менш тых, хто можа пахваліцца веданнем акалічнасцей жыцця і лёсу віленскага філосафа. Трэба прызнаць: Ігнат Канчэўскі ўсё яшчэ чакае свайго руплівага і спагядлівага бібліёграфа. У «Адвечным шляхам» чытаем: «Душа чалавечая, што прыходзіць у свет падзівіцца з яго хараства, што прыходзіць адзін раз у свет, ні да каго не падобная і адзіная на сваім шляху...»¹ [1, с. 28], «чалавечая душа – такая ж капелька, іграючая кветкамі косаў. Трэба ж не сціскаць, не хаваць футлярамі гэтай ігры, трэба даць поўную магчымасць зіхацець нялічаным багаццем фарбаў» [1, с. 25].

Сам аўтар гэтых радкоў, мы перакананы, быў такой душой-кропляй, ні да каго не падобнай кропляй, у якой адбілася ўсё багацце падзей і культур-

ных кантэкстаў першых дзесяцігоддзяў мінулага стагоддзя. Згодны з намі і Антон Луцкевіч (які, магчыма, натхняўся пры напісанні некралога І. Канчэўскаму тымі ж радкамі): «Быццам дыямент цудоўны, дзіўным хараством гарэла Яго душа сярод жыццёвага бруду, маны, крывадушнасці» [2, с. 1].

Задача нашага даследавання – вывучэнне хутчэй «біяграфіі ідэй», чым канкрэтных асоб, таму пакінем толькі некалькі цікавых фактаў і згадак для падмацавання нашага (і А. Луцкевіча) выказвання ў надзеі натхніць чытача на далейшыя пошукі.

Адукацыя І. Канчэўскага. Скончыў Віленскую рэальную вучэльню, паступіў у тэхналагічны інстытут у Санкт-Пецярбургу, але, расчараваўшыся ў дакладных навук, спачатку перавёўся на прыродазнаўчы, а пасля – на гісторыка-філалагічны факультэт Маскоўскага ўніверсітэта [2, с. 1; 3, с. 77]. Паводле звестак У. Калесніка, скончыў апошні, атрымаўшы спецыяльнасць настаўніка літаратуры [4, с. 140]. Ужо ў час Першай сусветнай вайны І. Канчэўскі прайшоў вышэйшыя кааператыўныя курсы пры Народным універсітэце імя А. Шаняўскага [2, с. 1]. Гэты ўніверсітэт быў эксперымен-

¹Тут і далей цытаты прыводзяцца з захаваннем лексічных асаблівасцей арыгінала. – І. Н.

тальным. Яго стварылі на грошы і паводле тэстаменту А. Шаняўскага – сібірскага золатапрамыслоўцы, установа мусіла быць адчыненая для ўсіх незалежна ад полу, веравызнання і палітычных поглядаў. Пры паступленні не патрабавалася ніякіх атэстатаў і дакументаў, апроч асабістага пасведчання. Не было абавязковай праграмы, студэнты маглі самі абіраць патрэбныя для сябе курсы, апроч таго, студэнцтву былі нададзены дастаткова значныя паўнамоцтвы ў кіраванні ўніверсітэтам (гл. [5; 6]). Адным словам, ужо тут можна ўбачыць першае сутыкненне І. Канчэўскага з увасабленнем сацыяльных ідэалаў вольнай, нязмушанай супольнасці-кааперацыі. Пры гэтым, нягледзячы на эксперыментальны характар універсітэта, у якасці выкладчыкаў у ім быў сабраны свет тагачаснай рускай навукі. Пакуль няма звестак, якія з курсаў наведваў І. Канчэўскі, таму нельга сказаць, каго з мэтраў ён мог пачуць, але ў адным можна быць упэўненымі: абраўшы ва ўніверсітэце спецыялізацыяй кааперацыю, ён не мог не пазнаёміцца з думкамі А. В. Чаянава [6, с. 530] – выбітнага і найбольш вядомага як тады, так і зараз тэарэтыка і практыка рускага кааператыўнага руху (гл. [7–11]).

Дачыненне да ўкраінскага нацыянальнага руху. Падчас вайны І. Канчэўскі, як афіцэр 44-га ўкраінскага палка Румынскага фронту, агітаваў салдат, абাপіраючыся на праграму сацыял-рэвалюцыянераў. Удзельнічаў у стварэнні нацыянальнага ўкраінскага войска і быў абраны салдатамі на пасаду афіцэра ўжо новай арміі [2, с. 1; 12, с. 24].

Праца на адміністрацыйных і асветніцкіх пасадах у савецкіх установах, звязаных з кааперацыяй. Па сканчэнні курсаў у Народным універсітэце імя А. Шаняўскага І. Канчэўскі займаў пасаду інструктара Цэнтральнага саюза льнаводаў [2, с. 1; 3, с. 77], пасля быў накіраваны ў Сычоўскае таварыства кааператараў [13, с. 23]. Адрасу па абвешчэнні ССРБ ён едзе ў Менск, дзе працуе інструктарам Саўнаргаса [2, с. 1; 3, с. 77]. У лістападзе 1919 г. І. Канчэўскі займаў пасаду кіраўніка інструктарскага аддзела Беларускага цэнтральнага саюза спажывецкіх таварыстваў [14, с. 23]. Таму, калі на старонках «Адвечным шляхам» сустракаем дастаткова скептычнае стаўленне да практыкі савецкага будаўніцтва, то гэтыя радкі трэба разглядаць не як плён аўтарскай уявы, страх перад новым і невядомым, але як падрахунак хоць і сціплага, але рэальнага жыццёвага досведу. Відаць, акурата расчараванне ў камуністычным праекце прывяло І. Канчэўскага ў 1919 г. у Вільню, з якой звязаны апошнія гады кароткага жыцця беларускага філосафа.

Удзел у культурным і палітычным жыцці Віленшчыны. Апроч удзелу ў віленскім кааператыўным руху, І. Канчэўскі выкладаў у Беларускай гімназіі кааператыўныя курсы, там жа вёў геаграфічны гурток і стварыў вучнёўскі кааператыў

[2, с. 1]. Згодна са звесткамі У. Конана, філосаф прымаў удзел у дзейнасці Беларускага навуковага таварыства [15, с. 36]. Паводле бюлетэня Цэнтральнай рады Віленшчыны і Гродзеншчыны № 1 ад 18 верасня 1919 г., быў абраны ў раду як прадстаўнік ад Саюза кааператываў [16, с. 33]. Яго імя таксама фігуруе і сярод кандыдатаў ад вёскі Дукшты Свянцянскага павета ў польскі Сейм у выбарах за 1922 г. [16 с. 34].

Шырокае кола знаёмстваў сярод заходне-беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі. Акрамя выдавочных сувязей з А. Луцкевічам (цытаваны некралог напісаны А. Луцкевічам з пазіцыі добрага знаёмага, апроч таго, хутчэй за ўсё менавіта яму належыць рукапіс вершаў І. Канчэўскага, знойдзены ў фондзе рукапіснага аддзела бібліятэкі Акадэміі навук Літвы), ёсць сведчанні і пра іншыя стасункі з прадстаўнікамі заходнебеларускай інтэлігенцыі. У. Калеснік апісвае яго як сябру Уладзіміра Жылкі («Жылка, як і Родзевіч, уваходзіў у кола блізкіх да Ігната Канчэўскага людзей» [4, с. 78]; «Ігнат Канчэўскі асабіста ведаў тагачасных паэтаў-рамантыкаў – Леапольда Родзевіча і Уладзіміра Жылку» [3, с. 141]) і нават знаходзіць у вершах апошняга ўплывы эсэ «Адвечным шляхам» [4, с. 79] (пытанне патрабуе далейшых даследаванняў, бо аргументацыя У. Калесніка небездакорная). Са «Сповідзі» Л. Геніюш мы даведваемся, што Б. Тарашкевіч не толькі асабіста ведаў І. Канчэўскага, але нават даверыў яму такую небяспечную справу, як перасылка нелегальных эмігрантаў у Літву: «Яначку [мужа Л. Геніюш] Тарашкевіч направиў да нейкага Канчэўскага ў Дукштах, беларускага кааператара, які па ланцужку так перасылаў людзей. З Канчэўскім яны прагаварылі ноч напролёт, быў гэта ідэйны і вельмі разумны беларус, аднак ехаць старым шляхам было нельга, нехта ўжо данёс пра яго, і Канчэўскі направиў Янку “на вока” назад, але каб ён вылез на першай станцыі і направиўся да хорошага літоўскага ксяндза, да якога даў сваяго ліста» [17, с. 16].

Знаёмства з камуністычным рухам на Віленшчыне. Асобна варта згадаць лёс сям’і Канчэўскіх. Бацька, спачатку сакратар Вайскова-акруговага суда, прымае сан праваслаўнага святара. Ігнат хіба не найбольш паслядоўна і глыбока сярод заходнебеларускіх публіцыстаў бароніць ідэю адметнага і мірнага шляху беларусаў, які мусіць праходзіць праз роўнааддаленую паміж камунізмам і капіталізмам і не быць прадвызначаным ніякімі палітычнымі ідэалагемамі. Родны ж брат І. Канчэўскага – Арсен – спачатку стварае з аднадумцамі Беларускаю рэвалюцыйную арганізацыю і абірае шлях узброенага супраціўлення польскім уладам, а пасля далучаецца да камуністычнага руху: з 1923 г. становіцца членам ЦК КПЗБ, з 1929 г. – членам Бюро ЦК КПЗБ [18, с. 184]. Ідэалагічнае раздарожжа, якое на-

паткала сям’ю Канчэўскіх, можна параўнаць хіба што з вядомым прыкладам братоў Іваноўскіх, адзін з якіх стаў палякам, другі – літоўцам, трэці – беларусам (гл. [19]). У той жа час ёсць звесткі, што ў перакідцы і ўладкаванні ў Вільні савецкай аген-туры апасродкаваны ўдзел прымала ўся сям’я Канчэўскіх [20, с. 53–54].

Дасведчанасць у ёзе, тэасофіі, усходняй куль-туры. Дагэтуль непасрэдна не пацверджаныя, але вельмі цікавыя згадкі пра І. Канчэўскага як арга-нізатара ці то тэасафічнага гуртка «для вывучэн-ня поглядаў індыйскіх ёгаў на замагільнае жыццё» [3, с. 110], ці то гуртка ўласна ёгі [12, с. 24.]. Прынамсі, маем у якасці сведчанняў наступны допіс на сшыт-ку яго вершаў, які захоўваўся ў аддзеле рукапісаў Акадэміі навук Літвы: «Тэасафы лічаць І. К. як ча-лавека прайшоўшага вышэйшае духовае развіццё – “яснавідзячым”» [16, с. 37], а таксама ліст, зной-дзены ў аддзеле рукапісаў: «Пасылаю ў выда-вецтва дзіўную, асабліва натхнёную паэзію Ігната Канчэўскага. Тут кожны радок дышае абноўленай тэасофіяй. Што ні слова – развага з душой, духам, будучыняй. А ўся гэтая вязанка настроевых рыфма-ваных думак – гімн для надыходзячай, новай по-сле матэрыялістычнай эпохі чалавецтва» [16, с. 39]. Апроч таго, сярод паэтычнай спадчыны І. Канчэўс-кага знаходзім верш «На матывы Р. Тагора» [21, с. 2] і згадку таго ж самага Р. Тагора як «вялікага су-часнага прарока» ў водгуку на вершы Л. Родзевіча [22, с. 4].

Апошні, магчыма самы істотны, штрих да пар-трэта нашага нязнамага знаёмы: І. Канчэўскі – аўтар не толькі эсэ «Адвечным шляхам», якім уяўляе яго абсалютная большасць чытачоў і інтэр-прэтатараў. Апроч гэтай брашуры, вядомыя каля тузіна яго газетных артыкулаў, тузін вершаў і тры рукапісы: а) знойдзены А. Бяляцкім у аддзеле рукапісаў Акадэміі навук Літвы сшытак з вершамі, перапісанымі кімсьці са знаёмых, відаць А. Луц-кевічам, на карысць чаго кажа падабенства по-чырку і надпіс на ўнутраным баку вокладкі: «Jerzy Łuckiewicz» (што дазваляе дапусціць, што сшытак належаў роднаму сыну Антона – Юрыю Луцкевічу) [16, с. 39], частка вершаў надрукавана ў [23]; б) «Эскізы будучыні» (чарнавік эсэ «Адвечным шляхам») [24]; в) «Накідкі думак аб выкладанні ў школе асноў кааперацыі» (абодва апошнія тэк-сты належаць руцэ самога І. Канчэўскага і знахо-дзяцца ў аддзеле рукапісаў НАН Беларусі) [25]. Маг-чыма, гэтых твораў не так шмат, але і нямала для няпоўных чатырох гадоў побыту ў Вільні, част-ку з якіх І. Канчэўскі яшчэ і цяжка хварэў (павод-ле прызнання яго самога, «апынуўся ў дрэнным, амаль што не безнадзейным становішчы на зіму 20–21 г.» [26, с. 5]). Апроч таго, збор спадчыны мыс-ляра нельга лічыць скончаным: існуе магчымасць з’яўлення звестак пра іншыя тэксты яго аўтарства,

як з віленскага перыяду жыцця, так і ранніх, умоў-на кажучы, «савецкіх» і «перадрэвалюцыйных» тэк-стаў.

Магчыма, астатнія творы Канчэўскага і не ад-значаны той глыбінёй і размахам думкі, як эсэ «Адвечным шляхам», але відавочна, што менавіта яны складаюць той непасрэдны кантэкст, які дапа-магае нам глыбей зразумець знакамёты твор. Зна-ёмства з гэтым кантэкстам дапамагло б пазбегнуць некаторых памылак у інтэрпрэтацыі эсэ, напры-клад, погляду, што тут мае месца «містыфікацыя» [27], быццам сам І. Канчэўскі не мог напісаць такі твор.

Пяройдзем да характарыстыкі творчай спадчы-ны мысляра.

Першым на старонках віленскай перыёдыкі з’яў-ляецца ліст І. Канчэўскага ў рэдакцыю «Нашай дум-кі» [26]. З яго мы даведваемся пра біяграфічныя абставіны: «Захварэўшы ўлетку 1920 г. на туберкулёз плюцаў (лёгкіх. – І. Н.), я апынуўся ў дрэнным, бадай што не безнадзейным становішчы на зіму 20–21 г., дзякуючы несур’ёзнаму лячэнню прыватных лека-раў і немагчымасці атрымаць праўдзівую медыцын-скую помач» [26, с. 5]. Але ўзяцца за напісанне гэта-га ліста беларускага мысляра вымусіла зусім не жа-данне паскардзіцца на цяжкасці асабістага жыцця, а шчырая ўдзячнасць, жаданне дагadzіць прынамсі словам. З кіпцюроў смерці яго вырвала дапамога з боку «Мішмэрэс-Хойлім» – прыватнага дабра-чыннага яўрэйскага шпіталю, у якім не зважылі на-ват на не яўрэйскае паходжанне І. Канчэўскага [6]. Схільны да рэфлексіі і філасофскага абагульнен-ня, з сваіх прыватных абставін ён робіць выснову: «У даным выпадку можна ўбачыць толькі чын сумленнай чалавечнасці, якая, нягледзячы на па-хаджэнне, ідзе на помач усім, страціўшым сілу, а не ў імя асабістай або групавой карысці, а для самага чалавека, у імя чалавечнасці.

Чалавечнасць адносіна паміж асобнымі адзін-камі – неабходная падстава згоды агулу. Толькі тады, калі наша грамадзянства, пасечанае на вора-жыя рэлігійныя, нацыянальныя і класавыя лагеры, уцяміць гэтую простую праўду і пачне паважаць не групавы адзнак, а чалавечую сутнасць, тады магчыма запраўднае, а не толькі ў практах і на словах, паразуменне паміж штучна падзеленымі грамадзянскімі групамі» [26].

Ужо ў гэтых радках – фактычна першых вядо-мых нам уласных словах І. Канчэўскага – можна разгледзець той сацыяльна-палітычны і маральны ідэал, які натхніць мысляра на напісанне эсэ «Ад-вечным шляхам» і ўвасаблення якога ён будзе шу-каць у кааператыўным руху:

а) недавер да вонкавых азначэнняў і катэгорый, паводле якіх дзеляць грамадства;

б) супрацьпастаўленне ім плёну нізавой сама-арганізацыі і непасрэдных грамадскіх ініцыятыў;

в) чалавечнасць і чалавек як апошнія і невытворныя каштоўнасці асабістага і грамадскага жыцця. Толькі паводле ідэалу вызвалення чалавека і ўласна чалавечага ў ім можа ацэньвацца гістарычны і сацыяльны прагрэс (згадаем вельмі вымоўнае апісанне А. Луцкевіча: «У кожным выяўленні Яго працы перш за ўсё відаць было гарачае ўмілаванне чалавека. І чалавека хацеў Ён вызваліць у беларусе» [2, с. 1]);

г) чалавечая пакута як стымул да неадкладнага дзеяння: відовішча страціўшых сілу патрабуе адказу без прамаруджання, тут і зараз, у канкрэтнай чыннасці спагады.

Зрэшты, такое супадзенне думак не павінна здзіўляць. На рукапісе «Эскізы будучыні» чытаем: «Пачата 4, IV, 21» і «Скончана 12, V, 21» [24]. Ліст жа датаваны 4 траўня 1921 г., такім чынам, І. Канчэўскі напісаў яго, ужо амаль маючы перад сабой гатовы тэкст «Адвечным шляхам». Сам твор неўзабаве пачынае выходзіць асобнымі ўрыўкамі ў газеце «Наша думка» ў нумарах за чэрвень – ліпень 1921 г. [28–33]. Нарэшце, у канцы года выходзіць артыкул «П.П.С. і “unarodowienie” польскага гандлю» [34].

У 1922 г. пабачылі свет наступныя артыкулы (у парадку з’яўлення): «Ратуйце кааперацыю!» [35], рэцэнзія на зборнік «Малая Беларусь» [36], «Пашырэнне кааператыўнага закону на Віленшчыну» [37], «Крэдытовая кааперацыя» [38], «На кааператыўныя тэмы» [39], «Кааперацыя ў 1922 годзе» [40]. Напрыканцы гэтага ж года І. Канчэўскі ўпершыню друкуе верш «Gloria – Слава ў вышніх» [41], падпісаны «Ганна Галубянка» (у тэксце пазначана, што гэта пераклад «З. З. Вайнароўскай» [41, с. 4], але звестак аб такой паэтэсе мы не знайшлі).

Наступны 1923 г. І. Канчэўскі пачынае з водгуку на зборнік вершаў Л. Родзевіча «Беларусь» [22] і яшчэ аднаго ўласнага, зноў падпісанага «Ганна Галубянка» верша – ужо згаданага намі твора «На матывы Р. Тагора» [21]. У гэты ж год у беларускай перыёдыцы пад тым жа псеўданімам будуць надрукаваны яшчэ два вершы: «Вераснёвае пано» [42] і «У святочны дзень» [43]. Апошні выйдзе ўжо пасля смерці беларускага мыслара. Апроч таго, апошнім годам жыцця І. Канчэўскага датуецца артыкул «Закладайма народныя выдавецтвы!» [44]. Хоць кааперацыя і не фігуруе ў назве тэксту, яго ўсё ж варта аднесці акурат да кааператыўнай тэматыкі. Менавіта ў досведзе сельскагаспадарчай і спажывецкай кааперацыі І. Канчэўскі знаходзіць, як яму здаецца, вырашэнне праблемы беларускай выдавецкай справы. «Беларускае друкаванае слова не мае дагэтуль запэўненага жыцця таму, што пад ім няма моцнай матэрыяльнай падставы» [44], таму яно існуе з ласкі адзінак і залежыць ад волі адміністрацыйных улад. Між тым газетная праца прынцыпова не адрозніваецца ад усякай іншай гаспадарчай і гандлёвай справы, хіба што ўкладзеныя ў яе грошы вяртаюцца больш павольна [44]. Гэты

больш павольны абарот капіталу і патрэба ў буйной стартавай суме для заснавання выдавецтва нібы змушае думаць, што справа па кішэні хіба што «...капіталістым. А тут гістарычныя абставіны злажыліся так, што мы не маем сваёй уласнай буржуазіі» [44]. У гэты момант Канчэўскі, які пакуль што разважаў нібы ашчадны эканаміст-гаспадарнік, паказвае свой сапраўдны твар: «Калі так, дык сам народ павінен збудаваць здаровыя гаспадарчыя падставы для свайго друкаванага слова... <...> ...Кожны беларус, які любіць і чытае сваё роднае друкаванае слова і хоча, каб справы народнай асветы пасуваліся далей, мусіць даць сваю часць для стварэння народнага выдавецкага капіталу, мусіць уступіць у сябры выдавецкага кааператыва» [44]. На культурныя справы І. Канчэўскі глядзіць праз прызму кааперацыі. Але ж сама кааперацыя, якую мы схільныя ўспрымаць выключна ў эканамічных тэрмінах, асэнсоўваецца ім праз этычныя і нацыянальныя пытанні. Мысленне І. Канчэўскага належыць іншай дыскурсіўнай канстэляцыі, чым наша: яму яшчэ невядомы раскол паміж эканамічным і гуманітарным дыскурсамі.

Нарэшце, да спадчыны І. Канчэўскага варта дадаць яшчэ тэксты, надрукаваныя пасмяротна ў зборніку «Заходняя Беларусь»: верш прозай «Мы разам» [45], артыкул «З мінуўшчыны кааперацыі ў Віленшчыне» [46] і тры згаданыя вышэй рукапісы. Адносна названага артыкула ўкладальнікі зборніка заўважаюць: «Гэты нарыс – першая частка шырэйшае працы, задуманае перадачна памершым аўтарам, выдатным кааператыўным дзеячом. Смерць перашкодзіла Ігнату Канчэўскаму давясці, як планаваў, свае нарысы да нашых дзён» [46, с. 141]. Такім чынам, з гэтых слоў даведваемся: І. Канчэўскі выношваў планы напісання гістарычнага аналізу краёвага кааператыўнага руху ад першых дзён да актуальных яму часоў. З рукапісу ж «Накідкі думак аб выкладанні ў школе асноў кааперацыі» можна зрабіць выснову, што яшчэ адным няскончаным планам мыслара было стварэнне і імплементацыя праграмы школьнага курса па кааперацыі.

Галоўная выснова з праведзенага даследавання жыцця і творчасці І. Канчэўскага наступная: асноўнай, бадай што не адзінай, тэмай Канчэўскага публіцыста была кааперацыя. Да яе ўвесь час звяртаецца ў думках, праз яе формы спрабуе аналізаваць палітычнае і культурнае жыццё беларусаў. Таму і тыя некалькі старонак эсэ «Адвечным шляхам», што прысвечаны тэме кааперацыі [1, с. 40–41], варта разглядаць як галоўнае выяўленне сацыяльна-палітычных поглядаў беларускага мыслара: «Пэўна, што праўдзівы жыццёвы кірунак – той, якім ідзе кааперацыя» [1, с. 41].

Таму для больш грунтоўнага аналізу і разумення адметнасцей сацыяльна-палітычных поглядаў І. Канчэўскага неабходнымі і эўрыстычнымі мы

лічым, па-першае, разгляд яго ідэй і меркаванняў як на фоне беларускага кааператыўнага руху ў Сярэдняй Літве і міжваеннай Польшчы ў цэлым, так і ў шырокім кантэксце сувязей паміж кааператыўным рухам і нацыянальным будаўніцтвам у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе; па-другое, аналіз уплыву ўдзелу ў беларускай кааперацыі на фар-

муляванне агульнай філасофскай пазіцыі ў эсэ «Адвечным шляхам». У прыватнасці, адным з найбольш цікавых і шматбагальных напрамкаў для далейшага вывучэння жыцця і творчасці І. Канчэўскага ўяўляецца нам параўнанне яго філасофіі з пазіцыяй вядомага польскага ідэолага кааператыўнага руху Эдварда Абрамоўскага.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Абдзіраловіч І. [Канчэўскі ІУ]. *Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветагляду*. Мінск: Навука і тэхніка; 1993. 44 с.
2. АЛ. [Луцкевіч А]. Памяці Ігната Канчэўскага. *Новае жыццё*. 1923;9:1.
3. Калеснік УА. *Ветразі Адысея: Уладзімір Жылка і рамантычная традыцыя ў беларускай паэзіі*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1977. 325 с.
4. Калеснік У. Фантазмы Ігната Канчэўскага. У: Калеснік У. *Зорны спеў: літаратурныя партрэты, нарысы, эцюды*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1975. 398 с.
5. Давыдов НВ, составитель. *Проект общих положений Народного университета и Объяснительная к нему записка*. Москва: Городская типография; 1918. 24 с.
6. Власов ВА. Народный университет имени Шанявского. *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского*. 2012;27:527–532.
7. Harrison M. Chayanov and the Economics of the Russian Peasantry. *The Journal of Peasant Studies*. 1975;2(4):389–417.
8. Bernstein H. V. I. Lenin and A. V. Chayanov: looking back, looking forward. *The Journal of Peasant Studies*. 2009;36(1):55–81.
9. Lehmann D. After Chayanov and Lenin: new paths of agrarian capitalism. *Journal of Development Economics*. 1982;11(2):133–161.
10. Shanin T. Chayanov message: Illuminations, miscomprehensions and the contemporary «Development theory». In: Chayanov AV. *The Theory of Peasant Economy*. Madison: The University of Wisconsin Press; 1986. p. 1–24.
11. Shanin T. Chayanov's treble death and tenuous resurrection: an essay about understanding, about roots of plausibility and about rural Russia. *The Journal of Peasant Studies*. 2009;36(1):83–101.
12. Бяляцкі А. «Усё жыццё жыць хацеў я з людзьмі...». *Спадчына*. 1990;2:21–24.
13. Басюк І. Грамадска-палітычныя і прававыя погляды Ігната Абдзіраловіча (Канчэўскага). *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4: Правазнаўства*. 2009;3:23–29.
14. Ляхоўскі У, Чарнякевіч А. Кузьма Цярэшчанка: acta non verba. *Arche*. 2011;11(110):22–64.
15. Конан У. У свабодзе і творчасці – ратунак для свету. У: Дубавец У, укладальнік. *Вобраз-90: літаратурна-крытычныя артыкулы*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1990. с. 33–42.
16. Быстрык А. Віленскі перыяд жыцця і дзейнасці Ігната Канчэўскага (1919–1923). В: Миненков ГЯ, редактор. *Европа – 2011: глобальное и локальное: материалы Международной научной конференции студентов; 13–15 мая 2011 г.; Вильнюс, Литва*. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет; 2012. с. 33–41.
17. Геніюш ЛА. *Сповідзь*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1993. 271 с.
18. Савіч А. Арсень Канчэўскі: жыццёвы шлях і палітычная кар’ера. *Acta Albaruthenica*. 2015;15:183–192.
19. Туронак Ю. *Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі*. Мінск: Мэдысонт; 2006. 178 с.
20. Орехов НС. *Дела и люди КПЗБ: воспоминания*. Минск: Беларусь; 1983. 296 с.
21. Ганна Галубянка [Канчэўскі ІУ]. На матывы Р. Тагора. *Наша будучына*. 1923;1:2.
22. ІА. [Канчэўскі ІУ]. Бібліяграфія. Л. Родзевіч. Беларусь. Вільня. 1922. Друкарня «Друк». Субач 2. *Наша Будучына*. 1923;1:3–4.
23. Канчэўскі І. Вершы зь Віленскага архіву [Інтэрнэт; працытавана 30 красавіка 2019 г.]. Даступна па: <https://nn.by/?c=ar&i=93041>.
24. Канчэўскі І. Эскізы будычыні. *Абдзел рукапісаў бібліятэкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі*. Фонд 23. Вопіс 1. Справа 25.
25. Канчэўскі І. Накідкі думак аб выкладанні ў школе асноў кааперацыі. *Абдзел рукапісаў бібліятэкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі*. Фонд 23. Вопіс 1. Справа 26.
26. Канчэўскі І. Пісьмо у Рэдакцыю. *Наша думка*. 1921;19:5.
27. Дубавец С. Прадмова. У: Абдзіраловіч І. *Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветагляду*. Мінск: Навука і тэхніка; 1993. с. 3–4.
28. Абдзіраловіч І. [Канчэўскі ІУ]. Адвечным шляхам. (Досьлед беларускага сьветагляду). *Наша думка*. 1921;22:2–3.
29. Ігнат Абдзіраловіч. Адвечным шляхам. (Досьлед беларускага сьветагляду). *Наша думка*. 1921;23:2–3.
30. Ігнат Абдзіраловіч. Адвечным шляхам. (Досьлед беларускага сьветагляду). *Наша думка*. 1921;24:2–4.
31. Ігнат Абдзіраловіч. Адвечным шляхам. (Досьлед беларускага сьветагляду). *Наша думка*. 1921;25:2–3.
32. Ігнат Абдзіраловіч. Адвечным шляхам. (Досьлед беларускага сьветагляду). *Наша думка*. 1921;26:2–3.
33. Ігнат Абдзіраловіч. Адвечным шляхам. (Досьлед беларускага сьветагляду). *Наша думка*. 1921;27:2–4.
34. Абдзіраловіч І. [Канчэўскі ІУ.]. П.П.С. і «unarodowienie» польскага гандлю. *Беларускія ведамасьці*. 1921;14:2.
35. ІА. [Канчэўскі ІУ]. Ратуйце коопэрацыю! *Беларускі звон*. 1922;23(48):2–3.
36. ІА. [Канчэўскі ІУ]. Бібліяграфія. *Беларускі звон*. 1922;32(57):3–4.
37. ІА. [Канчэўскі ІУ]. Пашырэнне коопэратыўнага закону на Віленшчыну. *Беларускі звон*. 1922;33(58):2.
38. ІА. [Канчэўскі ІУ]. Крэдытовая коопэрацыя. *Наша будучына*. 1922;1:2.

39. ІА. [Канчэўскі ІУ]. На коопэратыўныя тэмы. *Наша будучына*. 1922;2:2.
40. ІК. [Канчэўскі ІУ]. Коопэрацыя ў 1922 годзе. *Наша будучына*. 1922;3:1–2.
41. Ганна Галубянка [Канчэўскі ІУ]. Gloria – Слава у вышніх (З. З. Войнароўскай). *Наша будучына*. 1922;3:4.
42. Ганна Галубянка [Канчэўскі ІУ]. Верасьнёвае панно. *Наша будучына*. 1923;4:2.
43. Ганна Галубянка [Канчэўскі ІУ]. У сьвяточны дзень. *Новае жыцьцё*. 1923;1:2.
44. Канчэўскі І. Закладайма народныя выдавецтва! *Наша будучына*. 1923;3:3.
45. Канчэўскі І. Мы разам... (з пасьмертнае спадчыны). У: *Заходняя Беларусь: зборнік грамадзкае мысьлі, навукі, літэратуры, мастацтва Зах. Беларусі*. Вільня: Беларускае выдавецкае таварыства; 1923.
46. Канчэўскі І. З мінушчыны коопэрацыі у Віленшчыне. У: *Заходняя Беларусь: зборнік грамадзкае мысьлі, навукі, літэратуры, мастацтва Зах. Беларусі*. Вільня: Беларускае выдавецкае таварыства; 1923.

References

1. Abdziralovich I. [Kanchewski IU]. *Advechnym shljaham. Das'ledziny belaruskaga s'vetagljadu* [Eternal way (Study of the Belarusian world view)]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1993. 44 p. Belarusian.
2. AL. [Luckievich A.]. [In memory of Ignat Kanchewski]. *Novae zhyccjo*. 1923;9:1. Belarusian.
3. Kalesnik UA. *Vetrzi Adyseja: Uladzimir Zhyłka i romantychnaja tradycja w belaruskaj pajezii* [Uladzimir Zhyłka and romantic tradition in the Belarusian poetry]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1977. 325 p. Belarusian.
4. Kalesnik U. [Phantasms of Ignat Kanchewski]. In: Kalesnik U. *Zorny spew: litaraturnyja partrjety, narysy, jecjudy* [Star songs: literary portraits, essays, sketches]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1975. 398 p. Belarusian.
5. Davydov NV, compiler. *Proekt obshchikh polozhenii Narodnogo universiteta i Ob'yasnitel'naya k nemu zapiska* [Draft of general provisions for the National University and the Explanatory Note to it]. Moscow: Gorodskaya tipografiya; 1918. 24 p. Russian.
6. Vlasov VA. Shanyavsky People's University. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*. 2012;27:527–532. Russian.
7. Harrison M. Chayanov and the Economics of the Russian Peasantry. *The Journal of Peasant Studies*. 1975;2(4):389–417.
8. Bernstein H. V. I. Lenin and A. V. Chayanov: looking back, looking forward. *The Journal of Peasant Studies*. 2009;36(1):55–81.
9. Lehmann D. After Chayanov and Lenin: new paths of agrarian capitalism. *Journal of Development Economics*. 1982;11(2):133–161.
10. Shanin T. Chayanov message: Illuminations, miscomprehensions and the contemporary «Development theory». In: Chayanov AV. *The Theory of Peasant Economy*. The University of Wisconsin Press; 1986. p. 1–24.
11. Shanin T. Chayanov's treble death and tenuous resurrection: an essay about understanding, about roots of plausibility and about rural Russia. *The Journal of Peasant Studies*. 2009;36(1):83–101.
12. Bjaljacki A. [«All my life I wanted to live with people...»]. *Spadchyna*. 1990;2:21–24. Belarusian.
13. Basjuk I. [Socio-political and legal views of Ignat Abdziralovich (Kanchewski)]. *Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4: Jurisprudence*. 2009;3:23–29. Belarusian.
14. Ljachowski U, Charnjakevich A. [Kuz'ma Cjareschchanka: acta non verba]. *Arche*. 2011;11:22–64. Belarusian.
15. Conan U. [The salvation of the world in freedom and creativity]. In: Dubavec U, compiler. *Vobraz-90: litaraturna-krytychnyja artykuly* [The image of the 90: the literary-critical articles]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1990. p. 33–42. Belarusian.
16. Bystryk A. [Vilnius period of life and work of Ignat Kanchewski]. In: Minenkov GYa, editor. *Evropa – 2011: global'noe i lokal'noe: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov; 13–15 maya 2011 g.; Vil'nyus, Litva* [Europe – 2011: global and local: materials of the International scientific conference of students; 2011 May 13–15; Vilnius, Lithuania]. Vilnius: European Humanities University; 2012. p. 33–41. Belarusian.
17. Genijush LA. *Spovedz'* [Confession]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1993. 271 p. Belarusian.
18. Savich A. Arseny Konchevsky: His Life and Political Career. *Acta Albaruthenica*. 2015;15:183–192. Belarusian.
19. Turonak Ju. *Vaclaw Ivanowski i adradzhjenne Belarusi* [Vaclaw Ivanowski and the revival of Belarus]. Minsk: Medysont; 2006. 178 p. Belarusian.
20. Orekhvo NS. *Dela i lyudi KPZB: vospominaniya* [Cases and people of the Communist Party of Western Belarus: memoirs]. Minsk: Belarus; 1983. 296 p. Russian.
21. Ganna Galubjanka [Kanchewski IU]. [On the motives of R. Tagore]. *Nasha buduchyna*. 1923;1:2. Belarusian.
22. ІА. [Канчэўскі ІУ]. [Bibliography. L. Rodzevich. Belarus. Vilnius. 1922. Typography «Print». Suboch 2]. *Nasha buduchyna*. 1923;1:3–4. Belarusian.
23. Kanchewski I. *Vershzy z' Vilenskaga arhivu*. [Internet; cited 2019 April 30]. Available from: <https://nn.by?c=ar&i=93041>.
24. Kanchewski I. [Sketches of the future]. *Department of Manuscripts of the National Academy of Sciences Library*. Fund 23. Registered 1. File 25. Belarusian.
25. Kanchewski I. [Sketch of ideas about teaching in the school of basis of cooperation]. *Department of Manuscripts of the National Academy of Sciences Library*. Fund 23. Register 1. File 26. Belarusian.
26. Kanchewski I. [Letter to the Editors]. *Nasha dumka*. 1921;19:5. Belarusian.
27. Dubavec S. [Preference]. In: Abdziralovich I. *Advechnym shljaham. Das'ledziny belaruskaga s'vetagljadu* [Eternal way (Study of the Belarusian world view)]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1993. p. 3–4. Belarusian.
28. Abdziralovich I. [Kanchewski IV]. [Eternal way. (Study of the Belarusian worldview)]. *Nasha dumka*. 1921;22:2–3. Belarusian.
29. Ignat Abdziralovich. [Eternal way. (Study of the Belarusian worldview)]. *Nasha dumka*. 1921;23:2–3. Belarusian.
30. Ignat Abdziralovich. [Eternal way. (Study of the Belarusian worldview)]. *Nasha dumka*. 1921;24:2–4. Belarusian.
31. Ignat Abdziralovich. [Eternal way. (Study of the Belarusian worldview)]. *Nasha dumka*. 1921;25:2–3. Belarusian.
32. Ignat Abdziralovich. [Eternal way. (Study of the Belarusian worldview)]. *Nasha dumka*. 1921;26:2–3. Belarusian.
33. Ignat Abdziralovich. [Eternal way. (Study of the Belarusian worldview)]. *Nasha dumka*. 1921;27:2–4. Belarusian.
34. Abdziralovich I. [Kanchewski IU]. [The Polish Socialist Party and «unarodowienie» of Polish trade]. *Belaruskija veda-mas'ci*. 1921;14:2. Belarusian.

35. IA. [Kanchewski IU]. [Save cooperation!]. *Belaruski zvon*. 1922;23(48):2–3. Belarusian.
36. IA. [Kanchewski IU]. [Bibliography]. *Belaruski zvon*. 1922;32(57):3–4. Belarusian.
37. IA. [Kanchewski IU]. [Expanding cooperative law in the Vilnius region]. *Belaruski zvon*. 1922;33(58):2. Belarusian.
38. IA. [Kanchewski IU]. [Credit cooperation]. *Nasha buduchyna*. 1922;1:2. Belarusian.
39. IA. [Kanchewski IU]. [On cooperative topics]. *Nasha buduchyna*. 1922;2:2. Belarusian.
40. IK. [Kanchewski IU]. [Cooperation in 1922]. *Nasha buduchyna*. 1922;3:1–2. Belarusian.
41. Ganna Galubjanka [Kanchewski IU]. [Gloria – Glory in the highest (Z. Z. Vojnarowskai)]. *Nasha buduchyna*. 1922;3:4. Belarusian.
42. Ganna Galubjanka [Kanchewski IU]. [September mural]. *Nasha buduchyna*. 1923;4:2. Belarusian.
43. Ganna Galubjanka [Kanchewski IU]. [In festive day]. *Novae Zhyccjo*. 1923;1:2. Belarusian.
44. Kanchewski I. [Let's establish the People's Publishing House!]. *Nasha buduchyna*. 1923;3:3. Belarusian.
45. Kanchewski I. [We are together... (from the posthumous heritage)]. In: *Zahodnjaja Belarus': zbornik gramadzkae mys'li, navuki, litjeratury, mastactva Zah. Belarusi* [Western Belarus: the collection of public thought, science, literature, art of Western Belarus]. Vilnius: Belaruskae vydaveckae tavarystva; 1923. Belarusian.
46. Kanchewski I. [From the past of cooperation in the Vilnius region]. In: *Zahodnjaja Belarus': zbornik gramadzkae mys'li, navuki, litjeratury, mastactva Zah. Belarusi* [Western Belarus: the collection of public thought, science, literature, art of Western Belarus]. Vilnius: Belaruskae vydaveckae tavarystva; 1923. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 02.11.2018.
Received by editorial board 02.11.2018.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

SOCIAL PHILOSOPHY

УДК 101.3:001.18

БУДУЩЕЕ КАК ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Ч. С. КИРВЕЛЬ¹⁾, И. В. БУСЬКО²⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

²⁾Гродненский государственный аграрный университет, ул. Терешковой, 28, 230008, г. Гродно, Беларусь

Исследуется разработка проблемы будущего в современной философии. Раскрываются особенности социальной и экзистенциальной потребности в осмыслении будущего. Систематизируются методы исследования будущего, выявляются особенности прогнозирования как основного типа научного предвидения. На основе анализа специфики социального предвидения раскрывается статистически вероятностный характер исторической закономерности. Обосновывается необходимость анализа духовного состояния общества, глубинных мировоззренческих ориентиров и ценностных предпочтений при разработке социальных прогнозов. Показывается роль образов будущего в процессах проявления субъективного фактора истории.

Ключевые слова: прогнозирование; футурология; социальное предвидение; метод сценариев будущего; образ будущего; самоорганизующийся прогноз; субъективный фактор истории.

Образец цитирования:

Кирвель ЧС, Бусько ИВ. Будущее как проблема духовного опыта человечества. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;2: 23–31.

For citation:

Kirvel ChS, Busko IV. The future as the problem of spiritual experience of mankind. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;2:23–31. Russian.

Авторы:

Чеслав Станиславович Кирвель – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии педагогического факультета.

Инна Владимировна Бусько – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры общественных наук факультета бухгалтерского учета.

Authors:

Cheslaw S. Kirvel, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy, faculty of pedagogy.

kaf_filosof@grsu.by

Inna V. Busko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social science, faculty of accounting.

ibusko@mail.ru

THE FUTURE AS THE PROBLEM OF SPIRITUAL EXPERIENCE OF MANKIND

Ch. S. KIRVEL^a, I. V. BUSKO^b

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus

^bGrodno State Agrarian University, 28 Cieraškova Street, Hrodna 230008, Belarus

Corresponding author: Ch. S. Kirvel (kaf_filosof@grsu.by)

The development of the problem of the future in modern philosophy is investigated. The features of social and existential need of understanding of the future are revealed. Methods of future research are systematized, features of forecasting as the main type of scientific foresight are revealed. The statistical probabilistic character of historical regularity is revealed based on the analysis of specificity of social foresight. The necessity of the analysis of the spiritual state of society, deep ideological orientations and value preferences in the development of social forecasts is substantiated. The role of images of the future in the processes of manifestation of the subjective factor of history is shown.

Keywords: forecasting; futurology; social prediction; method of scenarios for the future; the vision of the future; self-organizing forecast; the subjective factor of history.

Человеку как существу мыслящему и переживающему свое бытие свойственно стремление к предвосхищению будущего. Неудивительно, что проблема будущего стала одной из вечных в человеческой культуре.

Реалии современного мира выявили целый ряд новых причин и обстоятельств, чрезвычайно актуализирующих исследование будущего состояния человеческого бытия. Во-первых, это невиданное ранее ускорение темпов развития общества. Во-вторых, никогда прежде человечество не имело в своем распоряжении средств, используя которые оно могло бы столь разнообразно и глубоко влиять на трансформации природного, социального и собственно человеческого бытия вплоть до возможности уничтожить свою колыбель – биосферу и самое себя. В-третьих, только в последнее время человечество овладело более совершенными теоретическими подходами и методами, которые позволяют формировать модели вероятного будущего с большей обоснованностью, нежели когда-то.

Действительно, в наше время как никогда раскрутилось колесо истории, ускорились ритмы общественного развития. Швейцарский инженер и философ Г. Эйхельберг в книге «Человек и техника» сумел создать впечатляющую картину возрастания темпов поступательного хода истории, предложив представить развитие человечества в виде бега на дистанцию 60 км, условно приравняв каждые 10 тыс. лет его истории к 1 км. Большая часть этой дистанции окажется за пределами цивилизации. Лишь на 58-м километре появятся первые орудия труда и пещерные рисунки (зачатки культуры). Лишь на 60-м километре обнаружим признаки земледелия, а за 200 м до финиша – римскую дорогу, покрытую каменными плитами. Последние 10 м начинаются при скудном освещении керосиновых ламп, а на финишном броске, на самых последних метрах, произойдет ошеломляющее чудо: электрический свет заливают города, мчатся автомобили, в небо взмывают реактивные лайнеры, и поражен-

ного бегуна ослепляют вспышки «блицев» и «юпитеров» фото- и телекорреспондентов.

Были предложены и другие варианты измерения ускоряющегося бега истории. Так, американский футуролог Э. Тоффлер в своей книге «Столкновение с будущим» предложил измерить 50 тыс. лет человеческой истории числом поколений, сменявших друг друга, приравняв каждое из них к 62 годам средней продолжительности жизни человека в XX в. И в этой иллюстрации Тоффлера умещается 800 поколений, а подавляющая масса всех материальных продуктов, которыми мы сегодня пользуемся в повседневной жизни, впервые появилась на протяжении последнего, 800-го поколения. Именно это поколение, по мнению американского ученого, демонстрирует резкий разрыв со всем предшествующим опытом человечества.

Тоффлер подчеркивал, что к началу XXI в. миллионы обычных, психически вполне нормальных людей придут к резкому столкновению с будущим. Многие и многие жители самых богатых и технически развитых стран мира обнаружат, что характерный для нашей эпохи нескончаемый поток перемен предъявляет к ним все более высокие требования, поэтому им мучительно трудно угнаться за своим временем. Будущее наступает для них слишком быстро. Шквал перемен, с точки зрения Тоффлера, не только не стихает, но, похоже, и набирает силу. По высокоразвитым индустриальным странам с небывалой дотоле скоростью прокатываются мощные валы перемен, вызывая к жизни диковинную социальную флору, начиная с экзотических церквей и «свободных университетов» и заканчивая научными городками в Арктике и клубами по обмену женами в Калифорнии [1, с. 21].

Многое из того, что ошарашивает нас своей кажущейся непостижимостью, станет куда яснее, если вдуматься в смысл бешеного темпа перемен, превращающего действительность в некое подобие взбесившегося калейдоскопа. Мало того, что ускорение темпа перемен преобразует целые отрасли

промышленности или страны, – оно являет собой конкретную силу, которая вторгается в нашу личную жизнь, проникая в сокровенные ее глубины, заставляя нас играть новые роли, угрожает сделать нас жертвами некоей новой опасной психологической болезни, серьезно нарушает душевное равновесие человека. Эту новую болезнь можно было бы назвать «шоком от столкновения с будущим». Знание ее причин и симптомов поможет осмыслить многое из того, что не поддается никакому другому разумному объяснению. Шок будущего – это вызывающая головокружение дезориентация как следствие преждевременного прихода будущего. Он вполне может оказаться самой серьезной болезнью завтрашнего дня [1, с. 23].

Люди в этой ситуации все чаще и чаще стали задавать себе вопросы: к каким социальным последствиям приведут совершающиеся на их глазах процессы? куда идет человечество? почему колоссальные силы, созданные и приведенные в движение людьми, нередко оборачиваются против самих же людей? Отсюда «бум прогнозов», бесконечные попытки осмыслить перспективы развития общества – различные сценарии, модели, проекты будущего.

Наряду с социальной обусловленностью существует и *экзистенциальная потребность* в осмыслении будущего, которая проистекает из извечного стремления людей открыть иной, более совершенный мир, обеспечить светлое будущее не только для себя, но и для последующих поколений. Устремленность в будущее, попытки духовно или практически его освоить придают жизни особый человеческий смысл. В сущности, смысл жизни – это наиболее общее, идеализированное представление о желаемом будущем, спроецированное в настоящее и выступающее мощным стимулом индивидуальных поступков и массовых социальных действий людей.

В поисках смысла жизни и своего счастья человек нередко мечтал, стремясь снять наиболее значимые противоречия жизни, о будущей социальной гармонии и справедливости, достатке и благоденствии, т. е. о всем том, чего так не хватало ему в реальной жизни. При этом желаемое будущее представлялось человеку чаще всего в облике надежды.

В контексте темы будущего категория надежды является важнейшей. Поэтому остановимся на кратком анализе ее значения для восприятия будущего и выработки отношения к нему. Надежда – это ожидание чего-либо желаемого, соединенное с уверенностью в возможности его осуществления. Без надежды жить почти невозможно. Мы не боимся прошлого, поскольку оно уже миновало, и часто хвалим его, хотя не исключено, что оно было плохим. «Или настоящее нас тревожит, или будущее», – так писал Сенека, сбрасывая прошлое со счетов счастья. А настоящее? Ведь оно лишь мгновение,

а мгновения, даже самые горькие, можно пережить. Лишь бы знать, что будет лучше. Так считают многие люди. Сознательно или нет, но они связывают свое счастье исключительно с будущим, измеряют его тем, чего еще нет и, может, никогда не будет. Но они уже переживают это будущее заранее, видят его хорошим или плохим, воспринимают его как хорошее или плохое. Конечно, не на всех людей это распространяется одинаково. Вероятно, обостренность восприятия будущего зависит и от характера человека: одни живут минутой или живут прошлым, ретроспективно, а другие живут будущим, проспективно. Их счастье определяет надежда на будущее, хотя бы и обманчивая, а несчастье – неверие в него, хотя бы и обоснованное. Польский философ В. Татаркевич отмечает, что будущее всей своей тяжестью давит на наше сознание. Ожидание зла и добра значит для счастья больше, чем воспоминание о них и даже их переживание. «Перспектива на будущее важнее прошлого и настоящего. Обладание означает меньше, чем надежда» [2, с. 137–138]. Высокие темпы социальных изменений, практическое отсутствие возможности у человека и общества обстоятельно и неспешно осмыслить ход и направленность исторического развития порождают у целого ряда субъектов попытки с помощью особых образов будущего направить исторический процесс или некоторые его тенденции в выгодное для них русло.

Гносеологической основой предвидения является целесообразная деятельность людей, носящая сознательно-волевым и проективным характер. Человеческая активность с необходимостью предполагает мысленное продолжение действий, согласование целей и средств их достижения, ожидание как непосредственных результатов, так и более отдаленных последствий своих усилий. Значительная часть тех результатов, которые творятся людьми в их незаметном повседневном труде, окажет влияние не только на современников, но и на жизнь грядущих поколений. Поэтому предвидение будущего, умение соотносить с ним свою деятельность в настоящем – это обязательное условие подлинно человеческого, осмысленного бытия.

В течение многих тысячелетий люди отработывали средства и методы проникновения в тайны будущего, искали способы приподнять завесу, отделяющую будущее от настоящего. *В ходе социокультурного развития сформировались два направления исследования будущего: ненаучное (интуитивное, обыденное и религиозное) и научное.* Критерием их различия является способность открывать закономерности в развитии природы и общества и на их основе делать достоверный вывод. Ненаучное предвидение, как правило, не стремится найти устойчивую закономерность и апеллирует к иррациональным сферам человеческого духа и бытия в целом. Интуитивное предвидение основано на

предчувствиях человека; обыденное – на житейском опыте и связанных с ним аналогиях, приметах и т. д.; религиозное предвидение, пророчество – на вере в сверхъестественные силы, якобы предопределяющие будущее, на суевериях и т. п.

Научное предвидение опирается на знание причинно-следственных зависимостей, детерминативных связей, а также умение экстраполировать сложившиеся тенденции социокультурного и социоприродного развития на будущее. Согласно идеям научной прогностики будущее – это далеко не все то, что порождает человеческая фантазия. Будущее тысячами нитей связано с настоящим и прошлым, и поэтому научное знание и социальное прогнозирование должны отвечать на вопросы: *что может произойти в будущем, какие формы это новое приобретет, когда его следует ожидать и какова мера достоверности данного прогноза*. Важно обратить внимание на то, что «прогнозировать и оценивать перспективы функционирования искусственного объекта без учета социогуманитарных факторов невозможно. То же относится и к природным процессам. Если мы говорим о них как об открытых системах, то нельзя игнорировать фактор человеческой деятельности, нуждающийся в изучении с позиций гуманитарных и социальных наук» [3, с. 67].

Прогнозирование есть не просто высказывание о будущем, а систематическое исследование перспектив развития того или иного явления или процесса с помощью средств современной науки. В отличие от прорицания, предвосхищения, пророчества, прогноз обладает высокой степенью обоснованности, научной доказательности, объективности. Так, метеорология может достаточно точно предсказать изменения погоды в определенный отрезок времени, а врач – описать ход той или иной болезни. *Принципиально важной характеристикой прогноза является его целостность*. Каждый прогноз строится на четко определенном теоретико-методологическом основании. Это означает, что нельзя набрать «привлекательных» свойств, смыслов и ценностей из разных цивилизаций, социальных систем и экономических укладов и назвать все это желаемым будущим или целью модернизации.

В западноевропейских странах и США получила бурное развитие специфическая отрасль знания о будущем – футурология. Футурология (от лат. *futurum* – будущее и греч. *logos* – слово, учение) призвана, используя различные методики, осуществлять разработку прогнозов, связанных с описанием конкретных форм, проектов и образов будущего, изучать тенденции развития отдельных стран и мира в целом. В широком значении слова футурология – это совокупность представлений о будущем человечества, в узком – область научных знаний, охватывающая тенденции и перспективы тех или иных социальных процессов. В отечествен-

ной литературе футурология часто употребляется как синоним прогнозирования и прогностики.

В современных западных странах исследование будущего играет все возрастающую роль при принятии важных экономических и политических решений, создании различных программ, моделей и сценариев развития как отдельных социальных явлений, так и общества в целом. И это понятно: по мере усложнения социальных связей, ускорения темпов общественного развития, усиления роли в жизни современных обществ государственного начала (планирования, программирования, попыток достижения чуть ли не полного контроля над человеческим поведением и социальными процессами) неизбежно возрастает и потребность в хорошо продуманной системе прогнозирования.

В качестве подтверждения этого тезиса рассмотрим опыт ведущих стран Запада и Востока, в которых научное прогнозирование стало необходимым элементом определения долгосрочной стратегии развития как отдельных корпораций, так и государства в целом. Так, многие решения в современном Китае принимаются на основе стратегического прогноза на 50 лет. В США создана целая сеть организаций, занимающихся стратегическим прогнозированием всех сфер общественной жизни. В частности, только *RAND Corporation* объединяет более 5 тыс. квалифицированных экспертов, многие из которых являются ведущими специалистами в своих областях [4, с. 105–106].

Разумеется, возможности науки в предвидении будущего ограничены и уменьшаются по мере удаления от настоящего. Поэтому для ответа на поставленные вопросы мы должны обладать четко определенной периодизацией будущего. В современной футурологии обычно выделяют непосредственное, обозримое и отдаленное будущее, критерием разграничения которых является мера определенности, достоверности их постижения. Чем дальше мы продвигаемся в будущее, тем менее надежными становятся наши прогнозы и предсказания. Эта возрастающая неопределенность коренится в самой природе социального развития, имманентно содержащей в себе принципы многовариантности, нелинейности, стохастичности. Исторический процесс является сложным сплавом объективного и субъективного, закономерного и случайного, обусловленного и стихийно-спонтанного. Поэтому по мере продвижения от этапа к этапу в периодизации будущего степень вероятности прогноза резко уменьшается.

В исследовании будущего применяется обширный и многообразный арсенал научных методов, специальных методик, логических и технических средств познания. Некоторые футурологи насчитывают около двухсот данных методов и методик. Однако основные методы прогнозирования сводятся к следующим пяти (остальные являются их

различными сочетаниями и вариациями): 1) *экстраполяция*; 2) *историческая аналогия*; 3) *компьютерное моделирование*; 4) *сценарии будущего*; 5) *экспертная оценка*.

Каждый из этих методов предвосхищения будущего имеет свои достоинства и недостатки. Точность *экстраполяции*, например, резко убывает по мере продвижения в будущее, которое никак не может быть простым количественным продолжением настоящего. Весьма ограничена применимость к предвидению будущего *исторической аналогии*, поскольку будущее человечества никак не может в своих основных чертах свестись к повторению прошлого. В каждую эпоху возникают новые обстоятельства, каждая эпоха имеет настолько индивидуальное состояние, что в это время люди действуют и принимают только такие решения, которые вытекают из этого определенного состояния. Столь же ограничены и возможности *компьютерного моделирования* в силу того, что творческое прогнозирование невозможно формализовать, представить в виде простой совокупности операций, выкладок и формул. Конечно, компьютерные и прочие информационные технологии используются в прогнозировании, но выполняют сугубо вспомогательные функции. У компьютеров нет воображения, интуиции, они не видят принципиально новых возможностей будущего развития. Да и было бы странно подменять человеческое творчество стандартными машинными операциями. Тем не менее наша техногенная цивилизация постоянно стремится к этому, убивая саму способность людей к творчеству. *Метод сценариев будущего* весьма популярен, так как открывает простор фантазии и воображению, но при этом он, к сожалению, имеет ярко выраженный субъективный характер. В этом ряду, пожалуй, наиболее надежный метод социального прогнозирования – *экспертная оценка* перспектив реального исторического процесса, однако при условии, что она опирается на обоснованные теоретические представления о нем, использует результаты, полученные с помощью других методов, и правильно интерпретирует эти результаты.

Кратко проанализируем специфику социального предвидения.

В социальном предвидении объективная детерминация явлений, на которую опирается всякое научное предвидение, выражается весьма специфично: в обществе действуют сознательные существа, ставящие перед собой определенные цели и стремящиеся к их осуществлению. Поэтому в общественной жизни историческая закономерность (необходимость) имеет не жесткий и однозначный характер, а статистически вероятностный, пробивая себе дорогу через массу случайностей, отклонений. Понятый таким образом социальный детерминизм по необходимости включает в себя понимание многозначности, вариативности буду-

щего, возможности человеческого влияния на него, требует учета субъективных устремлений людей. Короче говоря, прогнозируя будущее социальное бытие, нужно обязательно помнить получившую чуть ли не всеобщее признание мысль о том, что развитие общества не имеет окончательного предопределения, носит нелинейный характер, происходит в соответствии с принципом многовариантности. В этом развитии мало что можно точно предугадать, а тем более спроектировать: прогнозировать можно только с учетом столкновения и противоборства различных сил и тенденций.

Кроме того, во избежание крупных просчетов в процессе социального прогнозирования нужно иметь в виду и следующее: *выдвижение правильного прогноза предполагает учет и анализ не только материальных возможностей и предпосылок будущего жизнеустройства, но и всего того, что имеет отношение к области духовного, идеального*. Тот, кто стремится предвидеть будущие обстоятельства общественной жизни, не может избежать исследования духовного состояния общества и главным образом анализа глубинных мировоззренческих ориентиров и ценностных предпочтений, которые так или иначе выступают в качестве мотиваций и стимулов массовых действий людей по реализации тех или иных программ общественного развития. Учет самых различных ориентаций и предпочтений, всей духовно-ценностной мозаики – важное условие правильного прогноза. Это особенно верно применительно к переходным периодам, когда происходит распад и крушение традиционных ценностных норм и возникает обостренная потребность в обретении новых мировоззренческих и духовных координат. Можно определенно утверждать, что ни истинное понимание процессов, происходящих в нашей стране, ни надежное прогнозирование вероятного будущего просто невозможно, если мы не будем учитывать события в социуме, сдвиги и перемены в общественном сознании, обусловленные той или иной трансформацией смысловых ценностей и идеалов, потому что характер и направленность социальных изменений в существенной мере определяются именно духовным состоянием общества, перестройкой глубинных структур сознания, основных идей и общепризнанных идеалов. Надо иметь в виду, что реальное будущее складывается не только из того, что возникает и изменяется, но из того, что остается неизменным или изменяется мало. Идущие из глубины веков стереотипы поведения и нормы жизни, несмотря на все социальные катаклизмы и метаморфозы, имеют тенденцию к воспроизведению, как бы возвращению в исходное состояние: историческая инерция если и преодолима, то лишь в экстремальных ситуациях путем крайних чрезвычайных мер, насилия над интенсивной народной жизнью. Прежде всего это относится к инерции сознания, под воздей-

ствием которой сплошь и рядом воспроизводится в измененном облики старое содержание.

Понимание и учет указанных особенностей общественного развития диктуют необходимость разработки принципиально новой, противоположной господствующей долгие годы в Советском Союзе концепции социального проектирования и регулирования. Для последней, как известно, были характерны стремление к безальтернативному планированию будущего, постоянно воспроизводящиеся попытки предписать и указать, каким это будущее должно быть и в какие сроки достигнуто. На практике это означало стремление подчинить жизнь людей заранее заданной схеме, строить будущее на основе плана (подобно тому, как это бывает при строительстве домов, заводов и фабрик), лишить общество активно-творческой силы, которая делает его субъектом исторического процесса и обуславливает его способность к самоорганизации.

Следует всегда помнить, что общество не механизм, которым можно управлять извне, разбирать на составные части и снова собирать, а целостный организм, ни одну из частей которой нельзя без вреда для него произвольно устранить и заменить другой. Прежде чем что-либо в нем менять, необходимо «проиграть» на модели всевозможные последствия различных вариантов предполагаемого изменения. На постсоветском пространстве – к сожалению, и в недалеком прошлом, да и в наши дни – осуществляется социальное экспериментирование часто не на модели, а непосредственно на людях, на «живом теле» народа. Преодолению этой практики и призвана способствовать разработка новой динамической концепции общественных изменений в целом и социального прогнозирования и проектирования в частности. Представляется, что эта новая концепция должна создаваться на принципиально иной методологической основе. Ее теоретический инструментарий должен быть направлен на осознание общих перспектив и возможных альтернатив разумного выбора. Это означает, что на смену директивному планированию, волюнтаристическому крупномасштабному социальному экспериментированию должно прийти *мысленное экспериментирование вариативного, гибкого типа, которое будет осуществляться на основе наличных условий и реальных возможностей практики, органически вырастать из самой действительности, при «проигрывании» при этом всех имеющихся в ней тенденций и направлений дальнейшего развития.*

Подобный подход к будущему требует ясного понимания того, что не только неизбежно существует, но и (по мере усложнения общественной жизни, ускорения «ритмов истории») значительно расширяется зона непредвиденного, вероятностно-случайного, непредсказуемого. Это явно противоречит идее тотального прогнозирования, которое,

по сути, явилось отражением практики тотального руководства, когда отрицалась всякая зона вероятного и непредсказуемого, тем самым не принималась и какая бы то ни было индивидуальная самостоятельность, активность (запрограммированную активность нельзя считать действительно творческой). Вот почему подлинное раскрепощение общества предполагает преодоленную практику тотального прогнозирования и определение сфер, в которые прогнозиста не вправе вмешиваться, навязывая обществу свои проекты и модели, однозначно программируя будущее.

Сказанное не означает, что прогнозирование и социальное проектирование не играет никакой роли в регулировании общественных процессов. Речь, собственно, идет лишь о том, что на смену теории-предписанию, жестко-однозначному прогнозу должен прийти метод косвенного регулирования социальных процессов, когда каждое решение будет определяться ситуацией, а точнее, тем, что из этой ситуации можно извлечь на благо человечества.

Прогрессивно ориентированная прогностическая деятельность, включающая в себя понимание неоднозначности будущего, возможность влияния на это будущее непредсказуемого человеческого выбора и поступка, может оказать обновляющее положительное воздействие на социально-политическую практику. Авторитетный прогноз, опирающийся на современные представления о том, каким образом будущее возникает из настоящего, мог бы, например, послужить мощным духовным стимулом для конструктивно-созидательных социальных действий, способствовать консолидации людей, совместно творящих свое будущее.

Возможность такого рода воздействия прогноза на предполагаемые обстоятельства особенно усиливается в период духовного кризиса и переходные эпохи. В ситуации глубокого сомнения и социальной апатии возникают, может быть, наиболее благоприятные условия для всевозможного серьезного духовного воздействия и влияния: энергия открытости, готовности размышлять, слушать и слышать, чтобы преодолеть внутреннее духовное беспокойство и смуту, обладает наибольшей силой.

Все сказанное означает, что прогнозы не нейтральны к прогнозируемым обстоятельствам: формирование определенных образов будущего – специфичная, но весьма существенная форма проявления субъективного фактора истории. А это значит, что прогнозы, как и субъективный фактор истории в целом, все сильнее воздействуют на жизнь общества, социально-политическую практику, поступки и поведение людей. Прогноз, касающийся будущего социального субъекта (класса, группы и т. д.) и затрагивающий его интересы, так или иначе влияет на деятельность данного субъекта и тем самым на свое собственное осуществление. *Диалектика*

взаимосвязи настоящего и будущего здесь такова, что настоящее не только предопределено прошлым и обуславливает будущее, но и, в свою очередь, испытывает влияние со стороны будущего. То, что люди узнают об ожидаемом их будущем, неизбежно сказывается на их делах и поступках «здесь и сейчас», в сегодняшней жизни. Именно явные осознанные и скрытые бессознательные установки относительно будущего и определяют поведение человека сегодня. Представления о будущем – это один из способов воздействия на него, путь формирования этого будущего. Порождая в своем сознании образ будущего, мы как бы создаем первый вариант того, что должно реализоваться: точнее, описание будущего, содержащееся в социальных программах, побуждает человека либо активно стремиться к нему и тем самым содействовать его воплощению в жизнь, либо противодействовать его наступлению, либо пассивно ожидать его. Поэтому любой социальный прогноз содержит в себе и научно-познавательный смысл, и определенную идеологическую цель: «Удельный вес ментального фактора в комплексе причинных зависимостей исторически неуклонно возрастал, поэтому представленные выводы принципиальны и для оценки отдаленных перспектив. Следуя привычной методологии, глобалисты сосредотачиваются на экономических, демографических, экологических, энергетических расчетах, обычно недооценивая того, что ресурсная база кардинально зависит от развития творческого разума. Ключевой же детерминантой жизнеспособности планеты становятся процессы в сфере субъективной реальности» [5, с. 121].

Основными механизмами воздействия будущего на настоящее являются *самоорганизующиеся (самосбывающиеся) и саморазрушающиеся прогнозы*. Прогнозы, которые содействуют собственной реализации, обычно называют *самоорганизующимися прогнозами*. Хороший пример *самоорганизующегося прогноза* приводит американский исследователь М. К. Мертон, который полагает, что беспочвенные слухи (прогноз) об ожидающемся банкротстве способны вызвать биржевую панику, отток вкладов, падение курса ценных бумаг и в конце концов привести к тому самому банкротству, которое эти слухи предрекали. Пророчество краха, по словам Мертона, ведет к действительному осуществлению. К числу «самоорганизующихся прогнозов» можно отнести и медицинские предсказания. Благоприятный или неблагоприятный прогноз, сделанный врачом, став известным больному, может оказать решающее воздействие на исход болезни.

Прогнозы могут быть и *саморазрушающимися*. Когда в результате прогноза возникает нежелательная картина будущего, прилагаются усилия, чтобы этот прогноз не состоялся. В качестве подобного примера французский ученый А. Сови приводит демографические прогнозы 1930-х гг. о том, что

Франции угрожает исчезновение населения. Однако в силу ряда причин эти прогнозы не осуществились.

Прогноз меняет предполагаемую ситуацию, поэтому это воздействие следует учитывать в самом процессе предвидения, т. е. принимать во внимание воздействие предвидения как ситуацию, уже измененную предвидением, и так до бесконечности. В целом воздействие образов будущего на действительность может быть выявлено путем рассмотрения вопроса о взаимодействии настоящего и будущего в развитии человеческого общества, а также анализа обратной связи между тем или иным содержанием опережающего отражения и реальными общественными процессами. (Жизнь порождает прогноз, прогноз воздействует на жизнь.)

Иногда факт воздействия различных предсказаний, пророчеств, веры (в зависимости от того, какая форма опережающего отражения рассматривается) на настоящее называют «эффектом Эдипа» (по преданию, убийство Эдипом родного отца произошло в силу пророчества).

Прогностическая деятельность, таким образом, предполагает высокую степень *ответственности*: каждый раз необходимо достоверно выявлять уже распространенные в духовно-ценностном пространстве общества всевозможные проекты, своего рода модели желаемого будущего, созданные различными социальными слоями и группами.

Итак, образы будущего занимают исключительно важное место в структуре субъективного фактора истории, выступая мощным духовным стимулом массовых действий людей, фактором их причинной обусловленности и регуляции. И как теперь уже очевидно, *многих футурологов заботит не столько то, какое будущее на самом деле ожидает человечество, сколько стремление повлиять своими прогнозами на поведение людей в настоящем*. При этом одни пытаются привлечь людей образами уготованного для них будущего, а другие, напротив, – запугать их. В обоих случаях речь, однако, идет о том, чтобы навязать человеку образ такого будущего, о котором в самом прогнозе, может быть, даже умалчивается. В зависимости от поставленных целей фабрикуются прогнозы-сирены, заманивающие в «земной рай», или, наоборот, безжалостные прогнозы-камикадзе, убивающие в людях всякую надежду на лучшее будущее, чтобы заставить их примириться с настоящим.

Оказывается, веру в будущее можно эксплуатировать, ею можно также спекулировать, на ней можно «играть». Будущее, с какой бы стороны мы на него ни посмотрели, – это важнейшее измерение человеческой жизни. Во всяком случае, предвидение будущего не менее значимо для благополучия рода человеческого, чем ликвидация «белых пятен» непознанных страниц свершившейся истории.

Но прогнозы могут и должны выполнять совершенно иные функции. Подлинная, гуманистически оправданная задача прогноза состоит в том, чтобы показать варианты возможного развития личности и общества и пробудить творческую энергию людей ради достижения действительно высоких и благородных целей. Человек никогда не должен быть рабом обстоятельств или заранее запрограммированного будущего: по Ясперсу, человек сам должен участвовать в борьбе за будущее, создавать («конструировать») новые возможности, которых без него не было бы. Здесь уместно напомнить, что прошлое никогда плавно не перетекало в будущее – будущее, как и все живое, рождается в муках. Поэтому человеку необходимо отдавать себе отчет в том, что он не «пыль на ветру», а сам творец своей судьбы и истории. Если человек уклоняется от подобного творчества и борьбы за будущее, предоставляя внешним силам, нередко недобросовестным и нечистым на руку, возможность определять его будущее, то он обрекает себя на бессмысленное прозябание в той социальной реальности, которую создадут другие.

При этом размышления о судьбах мировой культуры, путях развития локальных цивилизаций и человечества в целом, глобальных перспективах и смысложизненных задачах всегда необходимо дополнять конкретными поступками, способствующими улучшению как собственной, так и общественной жизни. Несмотря на все трудности и испытания, философия позволяет человеку оставаться на позициях взвешенного оптимизма: будущее человечества не может быть безальтернативно плохим, и за сегодняшним кризисом цивилизации, если люди смогут мобилизоваться и не будут бездействовать, может наступить более светлая полоса. Перед лицом опаснейших глобальных проблем именно философия может дать человеку ничем незаменимую духовную поддержку. Широкие философские обобщения и верная методология помогают выявить в гуще ветвящихся дорог исторической эволюции те пути движения социума, которые открывают для человеческой цивилизации длительную историческую перспективу, ценностно-мировоззренческие ориентиры, содействуя избавлению им от духовной растерянности и страха перед будущим.

«Мы привыкли полагать себя хозяевами своего внутреннего мира, беспредельность которого ограничена жесткими “законами природы”. Но роковую роль в судьбе планетарной цивилизации способно сыграть как раз то, что “законы психологии” на поверку окажутся жестче, чем “законы физики”, а диапазон контроля над собственными импульсами и иррациональными мотивациями несоразмерен диапазону управляемости масс-энергетического мира. В таком случае разум изначально несет в себе программу самоуничтожения,

каковую на Земле до сих пор удавалось купировать».

А далее вырисовываются две возможные гипотезы. 1. Гуманитарная составляющая раньше или позже перестает компенсировать рост инструментального интеллекта, и по закону техно-гуманитарного баланса его носитель неизбежно уничтожает себя. 2. Универсальный естественный отбор, отбраковывая разбалансированные цивилизации, допускает космическую перспективу очень немногих из них (возможно – только одной), в которых успеет выкристаллизироваться сознание с активными, но не конфронтационными установками», – пишет известный российский философ А. П. Назаретян [5, с. 124].

Особенно остро нуждается в позитивных образах социального будущего молодежь. Дело не только в том, что именно ей придется их воплощать. Дело в том, что в силу присущего ей максимализма молодежь в лице многих ее представителей жаждет масштабных планов, вдохновляющих сценариев, необычайных свершений. Вряд ли для нее привлекательны перспективы просто «учиться, работать и зарабатывать» ради бытового обустройства и усредненного рода развлечений, поэтому иногда происходят драмы личностного и социального уровней, когда энергия поиска молодыми людьми точек приложения своих сил используется в разрушительных целях.

Итак, будущее таит в себе много неведомого. Оно всегда есть результат синергетического эффекта разнонаправленных сил и факторов: непредсказуемого социального выбора и поступка, проб и ошибок, случайного стечения обстоятельств, пересматриваемых и постоянно изменяемых решений и т. д. Сейчас можно определенно утверждать, что развитие социума нелинейно и гиперциклично, не подчинено действию каких-либо жестких и однозначных («непреложных») закономерностей. Обнаруживающие себя сегодня в тех или иных социальных сферах, системах или подсистемах детерминистские цепочки (связи детерминации) могут быть завтра неожиданно разорваны. Это происходит потому, что в динамике социума время от времени возникают кульминационные моменты, «взрывы». В момент последних законы и механизмы причинности отключаются, будущее становится открытым для новой линии развития, нового социального выбора и решения. Первоначально незаметные события и факторы могут привести к качественной перестройке системы, коренному изменению траектории ее движения. *Тем не менее мы допустим непростительную ошибку, если откажемся размышлять о будущем вообще, перестанем следить за сложным переплетением ветвящихся дорог общественной эволюции, потому что не думать о будущем состоянии нашего бытия означает стать жертвой разворачивающихся событий.*

Библиографические ссылки

1. Тоффлер Э. *Шок будущего*. Гуревич ПС, редактор; Руднева Е, Бурмистрова Л, Бурмистров К, Москвина-Тарханова И, Микиша А, Кулагина-Ярцева В и др., переводчики. Москва: АСТ; 2001. 557 с.
2. Татаркевич В. *О счастье и совершенствовании человека*. Коновалова АВ, переводчик. Москва: Прогресс; 1981. 368 с.
3. Асеева ИА, Пирожкова СВ. Прогностические подходы и этические основания техносциальной экспертизы. *Вопросы философии*. 2015;12:65–76.
4. Малинецкий Г, Каганов Ю. Россия в контексте мировой динамики: экибионический аспект. *Проблемы теории и практики управления*. 2005;2:105–112.
5. Назаретян АП. Психология в социальном прогнозировании: еще раз о причинных зависимостях. *Вопросы философии*. 2016;7:115–130.

References

1. Toffler A. *Shok budushchego* [Future Shock]. Gurevich PS, editor; Rudneva E, Burmistrova L, Burmistrov K, Moskvi-na-Tarkhanova I, Mikisha A, Kulagina-Yartseva V, et al., translators. Moscow: AST; 2001. 557 p. Russian.
2. Tatarkiewicz V. *O schast'e i sovershenstvovanii cheloveka* [About happiness and improvement of the person]. Konovalova AV, translator. Moscow: Progress; 1981. 368 p. Russian.
3. Aseeva IA, Pirozhkova SV. Prognostic approaches and ethical foundation of techno-social expert assessment. *Voprosy filosofii*. 2015;12:55–60. Russian.
4. Malinetskii G, Kaganov Yu. Russia in the context of global dynamics: eco-bionic aspect. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2005;2:105–112. Russian.
5. Nazaretyan AP. Psychology in social forecasting: peering into the system causalities. *Voprosy filosofii*. 2016;7:115–130. Russian.

Статья поступила в редакцию 23.02.2019.
Received by editorial board 23.02.2019.

УДК 141:004.738.5

ИНТЕРНЕТ КАК ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА: ФИЛОСОФИЯ ИНТЕРНЕТА Л. РОПОЛЬИ

Д. Г. ДОБРОРОДНИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается концепция философии интернета Л. Ропольи, которая состоит из четырех взаимосвязанных частей: философского определения сущности интернета, описания «реформации» в сфере знания, обоснования интернета как технологии постмодерна и основы для формирования новой сферы человеческого существования – веб-жизни. Специфика интернета определяется с помощью понятий «технологическая система», «культурный медиум», «инструмент коммуникации», «независимый организм». «Реформация» в сфере знаний связана с радикальной индивидуализацией и плюрализацией в их создании и использовании. Постмодерн и интернет объединяют такие общие черты, как множественность, фрагментарность, виртуальность, противостояние власти, индивидуалистичность и др. Веб-жизнь выражается прежде всего в установлении пользователем личной сети контактов, участии в сообществах, создании и поддержании киберкультуры.

Ключевые слова: философия интернета; Л. Ропольи; сущность интернета; культура постмодерна; киберкультура; веб-жизнь.

THE INTERNET AS A TECHNOLOGICAL BASIS OF POSTMODERN CULTURE: L. ROPOLYI'S PHILOSOPHY OF THE INTERNET

D. G. DABRARODNI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents L. Ropolyi's philosophy of the Internet, which contains four interrelated parts: the philosophical definition of the essence of the Internet, the description of the «reformation» of knowledge, the grounding of the Internet as a postmodern technology and the basis for a new sphere of human existence – web life. Concepts that define the essence of the Internet are a system of technology, a cultural medium, a participant in communication, an independent organism. «Reformation» of knowledges is associated with radical individualization and pluralization in their creation and use. Such common features unite the postmodern and the Internet, such as plurality, fragmentation, virtuality, opposition to power, individuality, etc. Above all, web life, is expressed in the organization of a personal network, the participation in communities, the creation and maintenance of cyberculture.

Keywords: philosophy of the Internet; L. Ropolyi; essence of the Internet; postmodern culture; cyberculture; web life.

Интернет – это не просто технология, которая объединяет больше 4 млрд пользователей. С учетом политических, экономических, социальных

и культурных эффектов использования интернета данный феномен обретает абсолютно глобальный и всепроникающий масштаб. Именно интернет

Образец цитирования:

Доброродний ДГ. Интернет как технологическая основа культуры постмодерна: философия интернета Л. Ропольи. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019;2:32–38.

For citation:

Dabrarodni DG. The Internet as a technological basis of postmodern culture: L. Ropolyi's philosophy of the Internet. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2019;2:32–38. Russian.

Автор:

Данила Григорьевич Доброродний – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Danila G. Dabrarodni, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. danila_dobr@mail.ru

и другие сопутствующие ему информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стали технологической основой современного этапа развития цивилизации – общества знания. Главное, что интернет проник во все сферы нашей жизни на профессиональном и повседневном уровнях, и трудно поверить, что для этого потребовалось меньше 30 лет¹. Без него невозможно представить современный мир, что дало основание М. Кастельсу считать его символом эпохи: «Интернет – это информационная технология и социальная форма, которая воплощает в себе информационную эпоху так же, как электрический двигатель был рычагом социальных и технических изменений индустриальной эпохи» [1, с. 5]. Всевозрастающее значение интернета не раз подчеркивалось на официальном уровне во время проведения всемирных саммитов ООН по проблемам информационного общества. Большая часть дискуссий на этих встречах посвящена проблемам управления интернетом и обеспечения равного и свободного доступа к нему, поскольку именно от этого во многом зависит реализация гражданских прав, развитие институтов демократии и гражданского общества, саморазвитие личности, экономическое развитие стран третьего мира и многое другое [2].

Очевидная значимость интернета и последствий его использования вызвала огромный исследовательский интерес представителей самых разных научных дисциплин, которые принято объединять понятием *Internet studies*. Однако интернет представляет собой очень сложный объект для изучения: он объединяет проблемные сферы технических, естественных и гуманитарных наук, поэтому общий массив данных по интернет-тематике выглядит пока очень разрозненным. Была предпринята попытка объединить и систематизировать знания об интернете в новую научную дисциплину – вебологию (*Web Science*). Массачусетский технологический институт (США) и Саутгемптонский университет (Англия) объявили в 2006 г. о начале проекта исследования Всемирной паутины (*Web Science Research Initiative, WSRI*), который должен объединить усилия различных специалистов и сформировать новые представления о природе интернета и путях его дальнейшего развития в XXI в.: «Новая отрасль науки занимается моделированием структуры WWW, выявлением архитектурных закономерностей, обеспечивших ее феноменальное развитие, выяснением, как взаимодействие людей через интернет влияет на изменение норм общения. Ей предстоит выработать принципы, способные обеспечить дальнейший продуктивный рост Всемирной паутины, и спра-

виться с такими сложными проблемами, как защита личной сферы и прав на интеллектуальную собственность» [3, с. 65]. Однако данный проект ориентирован в первую очередь на разработчиков технических и программных составляющих глобальной сети, ему не хватает общенаучных и философских оснований, которые могли бы привлечь специалистов социально-гуманитарного профиля.

Возможно, значительную пользу для методологического обоснования трансдисциплинарного синтеза научных и технологических интернет-исследований могла бы оказать философия. Специфика философского рассмотрения интернета заключается в том, чтобы осмыслить его как нечто целостное во всем многообразии аспектов существования и функций, а также представить его как феномен культуры и общества в целом на современном этапе и в историческом контексте. Именно такой философский подход к изучению интернета обосновывает венгерский исследователь Ласло Ропольи в работе «Философия интернета. Дискурс о природе интернета» [4], считая, что философское понимание сущности предмета должно предшествовать научному исследованию его отдельных аспектов и свойств.

Философская концепция интернета Л. Ропольи начинается с анализа сущности ключевого понятия в духе аристотелевской метафизики. В философии Аристотеля четыре причины (формальная, материальная, целевая и двигательная) составляют сущность вещи; в версии Л. Ропольи четыре составляющих сущности интернета – интернет как «технологическая система, культурный медиум, инструмент коммуникации и независимый организм» (здесь и далее перевод наш. – Д. Д.) [4, р. 3].

Как и всякая технология, интернет для человека – инструмент деятельности, средство достижения определенного результата и средство контроля над ситуацией. Используя технологию, мы создаем мир артефактов, отличный от природного мира, но реализующий внутреннюю природу человека. Интернет – это информационная технология, предназначенная для передачи информации между пользователями, и это предполагает их определенную активность и свободу. При этом Л. Ропольи отмечает, что все информационные технологии связаны с герменевтической практикой понимания и интерпретации и создают информационный продукт, виртуальный по своей природе, поскольку его существование определяется не объективным автономным статусом, а практиками коммуникации и интерпретации пользователей сети. Информационно-технологическая система интернета – это фактически компьютерная сеть, которая устроена

¹Датой рождения Всемирной паутины принято считать 12 марта 1989 г., хотя первый веб-сайт появился только два года спустя.

таким образом, чтобы обеспечить максимум свободы и возможностей в сфере работы с информацией для ее пользователей.

Интернет, как *инструмент коммуникации*, важен с точки зрения формирования сообществ, существование которых стало возможно благодаря интернету. Электронная почта, чаты, форумы, блоги, подкасты, *Facebook* позволяют человеку формировать социальные связи и участвовать в различных сообществах. Интернет дает человеку возможность формировать совершенно произвольную сеть контактов, не ограниченную географическими и прочими барьерами, при этом предоставляя человеку контроль над коммуникативной ситуацией, возможность произвольно вступать в сообщества и покидать их.

Интернет, как *культурный медиум*, аккумулирует и репрезентирует все возможные культурные миры, создаваемые человеком. Культура в данном случае понимается как система ценностей того или иного сообщества, которая определяет его идентичность, сплавляет, выражает содержательный аспект коммуникации: «Культура – это система интересов и ценностей, которую выбирает или которой придерживается данное сообщество, которая сохраняется, воспроизводится в сообществах и становится эффективной в социальной системе, то есть является содержанием социальной системы» [4, р. 94].

Интернет, как мировая библиотека и энциклопедия, вмещает все существовавшие исторические формы культур, выступает площадкой для взаимодействия всех актуальных культур, а также платформой для формирования и реализации виртуальных культур. До эпохи интернета существовал определенный разрыв между создателями и потребителями культурных ценностей. Интернет дает возможность каждому человеку потреблять и создавать культуру. С позиций культуры интернет – это сеть виртуальных человеческих сообществ, представляющих свои системы ценностей.

Организационно интернет относительно независимый *организм*, который развивается в соответствии с эволюционной логикой, адаптируясь к условиям существования и реализуя свои потребности. Нежизнеспособные элементы и функции отмирают или реорганизуются, появляются новые, демонстрируя очевидные рост и развитие. Это «суперорганизм», обладающий специфической идентичностью и целостностью системы, сети и мира. При этом интернет не имеет естественного происхождения, он результат осознанных (и не совсем) решений и действий, инициатив, намерений, интересов и ценностей, которые переплелись с уникальными социокультурными условиями и привели к появлению глобальной информационной сети. Рассмотрение интернета по

аналогии с живым организмом вполне обоснованно, когда мы понимаем невероятную сложность его структурно-функциональной организации, автономию отдельных подсистем и «органов». Интернет живет своей жизнью, которой мы не можем полностью управлять, даже при всем желании и усилиях со стороны крупнейших стран мира [5].

Наверное, в данном случае больше подошла бы аналогия с экосистемой, так как интернет не обладает достаточной степенью интегрированности, характерной для организма, поэтому нельзя сказать, что его функционирование подчинено единым целям. Скорее, интернет – это среда для своеобразной веб-жизни (*web life*). Л. Ропольи и сам признает, что интернет нельзя представить, например, как огромный искусственный мозг, миллиарды компьютеров, работающих вместе, синхронно, под общим контролем, так как это противоречит самой идее и принципам организации интернета [4, р. 135–136]. Глобальная сеть – это принципиально не глобальный компьютер, хотя консолидированные усилия сети и могут быть использованы для решения единых глобальных задач (например, проект «Геном человека»). Экосистема интернета – это сеть, построенная из физически подключенных компьютеров, это бесчисленные ссылки, связывающие контент веб-сайтов в виртуальную сеть, виртуальные сообщества людей, бесконечные вариации сетей индивидуальных и социальных связей, а также культурные универсумы, пронизывающие друг друга.

Таково краткое философское описание сущности интернета, ценность которого раскрывается при анализе его глобального влияния на социокультурную сферу и жизнь каждой личности. Интернет укоренен в социокультурном контексте, наверное, больше, чем любая другая технология. Появление и распространение интернета, его всеохватывающее присутствие не столько следствие технологических решений, сколько результат высокой потребности общества в обеспечении коммуникации. Социальные и культурные факторы определили то, как мы используем интернет; без социокультурного контекста нельзя понять причину его возникновения в определенный исторический момент и в определенном месте [6].

В течение десятилетий после Второй мировой войны крупномасштабная промышленность, основанная на массовом производстве, и связанная с ней социальная система все более отходили на задний план и на их месте формировались новые типы структур производства и общества. В научной литературе они характеризуются как постиндустриальное или информационное общество, общество знания или сетевое общество. Все интерпретации трансформации производства и со-

циальных условий отражают ослабление всеобъемлющих материальных и интеллектуальных структур, а также плюрализм производственной и социальной систем [4, p. 22]. Снижение роли материального производства в экономике и сфере занятости, одновременное распространение информационных технологий, изменение производственной и социальной роли знания – это действительно важнейшие показатели, используемые при описании глобальных трансформаций в обществах второй половины XX в. При этом основное трансформирующее воздействие информационных технологий (прежде всего интернета) связано с тем, что каждый человек теперь может самостоятельно и непосредственно обрабатывать информацию, интерпретировать ее, создавать интеллектуальный продукт и делиться им со всем миром. Информационное производство, по мнению Л. Ропольи, реализует идеал индивидуальной свободы, плюралистичности, виртуальности, которые в наибольшей степени соответствуют духу постмодернистской культуры: «Информация поддерживает виртуальность, а знания поддерживают множественность. Широкое социальное использование информационных технологий, а также социальные амбиции по трансформации знаний вызывают постмодернизацию социальных обстоятельств, “вкладывая” виртуальность в жизнь сообществ и поддерживая ее» [4, p. 22].

Мы свидетели радикальной индивидуализации и плюрализации в создании и использовании знаний. В результате происходящих трансформаций научное знание, которое выступало основой индустриального производства и мировоззрения, а также было духовным авторитетом светского общества со времен эпохи Просвещения, теряет свою общезначимость, становится дифференцированным и фрагментированным, смешивается с контентом глобальной сети. В эпоху интернета все человеческие знания и культурные продукты появляются и распространяются на сайтах в соответствии с индивидуальными интересами и вкусами миллиардов интернет-пользователей, а не в зависимости от критериев и норм, определяемых университетами и научными центрами. Научная система учреждений (университетов, библиотек, научных ассоциаций) теряет значительную часть своего влияния и контроля за «эпистемологической» ситуацией; отдельные пользователи могут получить непосредственный доступ ко всем знаниям, минуя систему образования. Знания, которые можно получить таким образом, чаще всего фрагментарны и ситуативны, их можно назвать рецептурными, технологическими, учитывая их прикладной характер. Но именно такие знания востребованы большинством пользователей интернета и общества в целом: «Герой наших дней – рыцарь-

менеджер, а не ученый, склонившийся над микроскопом» [4, p. 24].

Использование интернета, с точки зрения Л. Ропольи, производит «реформацию» в сфере знания, подобную той, которая произошла 500 лет назад. В период позднего Средневековья Реформация подорвала авторитет церкви и изменила отношение человека к религии в сторону индивидуализации. Современный человек вступает в процесс намного более радикальной индивидуализации, управляя информационными потоками и выстраивая личное отношение к любой форме знания. Личность эпохи постмодерна, освобожденная от господства институциональной системы знания, оказывается в ситуации эпистемологической неопределенности: она самостоятельно решает вопрос об истинности любой информации, но она не может ни на что полагаться в своих решениях.

Когда-то книгопечатание сыграло важную роль в реформировании религиозного мировоззрения. Книги стали информационной технологией, соответствующей системе ценностей общества эпохи модернизации, интернет – это технология эпохи постмодерна. Постмодерн и интернет зарождаются в 1960-х гг., интернет обеспечивает радикальные идеи и ценности постмодерна технологической возможностью реализации: «Фундаментальные идеи постмодернизма встроены в компьютерные сети, и, таким образом, они, наконец, встраиваются в сеть сетей, интернет» [4, p. 133].

Л. Ропольи выделяет ряд наиболее важных черт постмодернистской идеологии, которые проявляются в практике формирования и использования глобальной сети.

Плюральность. Интернет на уровне *hard*-технологий (т. е. непосредственно компьютеры, их комплектующие, серверы, средства связи) и *soft*-технологий (программное обеспечение, сайты и их содержание) технологий представляет собой совокупность разнообразных подсистем или подсетей, огромное множество производителей и потребителей, преследующих различные цели (образовательные, научные, деловые, военные и т. д.). Интернет содержит все виды информации (ценная и бесплатная, правдивая и ложная, традиционная и современная и т. д.), которые смешались между собой в несистемную совокупность равнозначных знаний.

Фрагментация. Данное свойство выражается в отсутствии единой организационной структуры, общего центра управления. Интернет разбивается на автономные образования, существует на разных уровнях, общим для которых является только технологическая основа. Интернет в глобальном масштабе – это самоорганизующаяся «формация», продукт эволюционного развития. Тезис о фрагментарности, раздробленности подтверждается

неконтролируемой, изменяющейся и нестабильной работой сети (регулярно какие-то сайты не работают, ссылки не открываются). Но наиболее показательна фрагментарность содержания интернета: гипертекст никогда не бывает законченным и полным, сообщения дробятся, обрываются, разбивая любые попытки систематизации.

Виртуальность. Различия между реальностью природного и социального мира и нереальностью мира, созданного информационными технологиями, размываются. Большая часть сетевой активности существует на грани реальности – виртуальности. Какие-то виртуальные сообщества и активности (флешмобы) могут непосредственно влиять на нашу повседневную жизнь и жизнь общества в целом. Поведение человека в интернете прямо воздействует на его личную жизнь и профессиональную деятельность.

Открытость модерну (и не только ему). Л. Ропольи утверждает, что культура постмодерна и интернет отвергают универсальные ценности, знания и идеалы модерна, их претензию на общезначимость, но включают их в свой мир наравне со всеми другими культурными универсумами. Интернет вбирает в себя технологии и знания эпохи модерна, но как бы переинтерпретирует их. Например, компьютер является технологией эпохи модерна и основным элементом сети. Компьютер, как технология модерна, характеризуется надежностью, стабильностью работы, четким контролем процессов и однозначностью выполнения команд «хозяина», иначе это будет плохой компьютер. Сеть компьютеров – принципиально иное образование, у нее нет хозяина, она нестабильна в своих характеристиках, ее отличает свобода, вариативность, децентрализация, неопределенность, поэтому информационная сеть – это технология постмодерна, составленная из технологических достижений модерна. Другой пример – знания. Модернистские знания представлены в интернете, но контекст их использования совершенно иной. Гипертекст отличается от линейного текста, контекст задает параметры интерпретации. Даже самое однозначное и традиционное знание, попадая в сеть, становится мемом.

Противостояние власти и освобождение индивидуальности. Это визитная карточка постмодерна и интернета: пользователь интернета противостоял властным структурам модерна в том смысле, что его интернет-активность не регулируется социальными нормами и государственными законами². Нормы традиционной морали не распространялись на сетевые отношения, корпорации не могли противостоять пиратству, а государство не относилось к интернету к сфере национальной безопасности.

Возможности, которые открывает интернет перед создателями и потребителями контента, предполагают равенство любых идей, подходов, ценностей и целей, поэтому некоторые известные пользователи интернета категорически отвергали какой-либо контроль или вмешательство государственных органов в деятельность интернет-сообществ [7].

Индивидуальность. Пользователь интернета создает свое личное пространство сети контактов, формирует личный культурный контекст своей жизни. Для человека эпохи модерна структура культуры и быта, система отношений с людьми, природой и вещами во многом определялись и опосредовались авторитетом, экспертными оценками и интерпретациями (учеными, философами, художниками, политиками и т. д.). Пользователь интернета освобождается от этих ограничений, ему открыты практически безграничные возможности для реализации индивидуальной жизненной позиции, любых мировоззренческих интерпретаций и выбора направления деятельности. Наука, искусство, политика и философия в условиях сетевой коммуникации «открепляются» от авторитетного экспертного источника (субъекта знания и творчества), распыляются, фрагментируются и получают новые характеристики, наивные или оригинальные, обусловленные множественными субъективными интерпретациями.

Таким образом, интернет развивался и набирал популярность одновременно с распространением постмодернистской идеологии. По мнению Л. Ропольи, создается впечатление, что кризис эпохи модерна находит выражение в постмодернистских установках и ценностях (на мировоззренческом уровне) и в создании интернета – технологического инструмента, соответствующего этой системе ценностей. Именно интернет позволяет осуществить формы деятельности, которые соответствуют постмодернистской идеологии: он преодолевает критическую ограниченность постмодернизма, создает возможности для поиска выхода из кризиса модерна, формирования новой реальности – сетевой жизни (*web life*) [8].

Эту новую форму существования в интернете Л. Ропольи обобщенно характеризует с помощью категорий *контроля, единства, свободы и целостности*. *Контроль* выражается в способности индивида создавать и лично контролировать ситуацию коммуникации в сети (контроль над потоками информации, контроль над виртуальными «сущностями», под которыми понимается определенное интернет-сообщество). Интернет-сообщество виртуально, принципиально открыто и свободно, оно представляет собой *единство*, сформирован-

²Следует учитывать, что активные действия государственных институтов по регулированию отношений пользователей в интернете ведутся только последние 10–15 лет (во многих странах и того менее), т. е. до написания Л. Ропольи своей статьи.

ное технологически и воспроизводящее себя с помощью практик коммуникации, в которых участвуют автономные пользователи, *свободно* выражающие свои личные интересы и потребности: «Это виртуальное, открытое, свободное человеческое сообщество» [4, p. 142]. Совокупность таких сообществ образует *целостность* – множественность культурных универсумов, в которых отдельные личности выбирают или конструируют свои виртуальные миры. Мир веб-жизни открыт перед человеком, который может стать в нем практически кем угодно.

Концепция веб-жизни у Л. Ропольи только обозначена в «пролегоменах» [8]. Веб-жизнь создается путем трансформации традиционных сообществ и культур, их характеризующих. Схематически это выглядит таким образом: веб-жизнь = онлайн-сообщества + киберкультуры. Использование интернета меняет факторы и отношения, сыгравшие определяющую роль в процессе эволюции человечества от животного мира и до современности (орудия труда, язык, мышление, социальные отношения). Материальные обстоятельства, связанные с изготовлением и использованием орудий труда, теряют свое значение, акцент смещается на работу с информацией (прежде всего индивидуальную интерпретацию). С одной стороны, интернет создает новую среду репрезентации, в которой мир человека представлен неоднократно и в разных формах, как в каком-то глобальном разуме. С другой стороны, после эпох доминирования сначала устной речи, затем письменности интернет стал выступать основой для конвергенции способов коммуникации с определенным преобладанием визуальной презентации и самопрезентации. Виртуальность и визуальность становятся ключевыми характеристиками знания и коммуникации, памяти и мышления.

Когда-то общественные отношения вытеснили естественную связь человека и природы на второй план и трансформировали ее. Современные киберкультурные практики пользователей интернета направлены на переоценку социальных отношений, и в результате их деятельности формируется система интернет-отношений, которая составляет основу веб-жизни. Основанные на естественных условиях «сообщества» животных были заменены человеческой структурой общества, которая была организована благодаря использованию орудий труда и инструментов прямой коммуникации. При этом контроль над коммуникативными ситуациями мог быть монополизирован различными социальными агентами (семьей, государством) и в итоге обременен многочисленными ограничениями. Социальные отношения в таких условиях формируются независимо от отдельных личностей, что приводит к возникновению и воспроизвод-

ству различных форм отчуждения и неравенства. Интернет-пользователь самостоятельно формирует, переосмысливает и трансформирует коммуникативные ситуации, впервые получая полный контроль над системой своих отношений: «Общество – это система отношений, которая развивается и строится на естественной основе. Веб-жизнь – это система отношений, которая развивается и строится на основе социальной. Современный человек – не гражданин двух миров, а трех: природы, общества и веб-жизни» [8, p. 18].

Личность в условиях веб-жизни становится постмодернистской, субъективно определяющей свои границы и качества, практически играя со своими ролями и статусами. Формируется своеобразный «веб-гражданин» (*netizen*), определяемый хаотической динамикой веб-жизни, который тратит основное время на решение сетевых задач: создать и поддерживать свой сетевой статус, свои сетевые сообщества и систему интернет-контактов. Вступая в веб-жизнь, история человечества, по мнению Л. Ропольи, начинает новый этап, основанный не на теоретических научных знаниях и способностях к абстрактно-логическому мышлению, а на конкретных способностях к межличностной коммуникации, самостоятельному поиску и интерпретации определенной информации.

Концепция философии интернета Л. Ропольи не лишена недостатков, что понятно и объяснимо, учитывая, как быстро развивается интернет, как быстро развиваются и устаревают знания о нем. Например, Л. Ропольи представляет интернет как конструктивное дополнение постмодернистской критики эпохи модерна, как технологическую основу постмодернистской формы жизни в сети. Однако более обоснованным представляется утверждение, что интернет создает новые информационно-коммуникативные *возможности*, которые могут быть реализованы конструктивно, а могут и совсем не реализоваться. В ситуации эпистемологической неопределенности, в которой оказывается пользователь интернета, «освобожденный» от ограничений, рамок и ориентиров эпохи модерна, невозможно предсказать, как человек поведет себя, как будет себя реализовывать, конструировать свою личность, на какие идеологемы будет опираться. Неопределенность и незавершенность, агрессия и насилие (в новых интернет-формах) характеризуют деятельность в интернете в неменьшей степени, чем конструктивность и творчество. Неслучайно в открытом письме, посвященном тридцатилетней годовщине появления Всемирной паутины, Т. Бернерс-Ли акцентировал внимание на угрозах интернета для человека и общества (в частности, информационный разрыв, мошенничество, хакерство и другие киберпреступления, коммерциализация, низкое качество и агрессивность дискур-

са) [9]. Философской концепции Л. Ропольи недостает анализа интернета и веб-жизни через призму категорий риска и угрозы.

Другой важный момент, который нельзя не отметить при знакомстве с работами Л. Ропольи, – это явное преувеличение свободы и независимости поведения человека в интернете. В последние годы, после того как Э. Сноуден обнародовал информацию о тотальной слежке Агентства национальной безопасности США за интернет-пользователями, после скандала с социальной сетью *Facebook*, передававшей личные данные пользователей компаниям, использовавшим эти сведения для получения политической и коммерческой выгоды, и многих других подобных историй, интернет стал чаще упоминаться как инструмент контроля и манипулиро-

вания, а не свободы коммуникации в сети. Именно свобода самовыражения и безграничные возможности по формированию собственных культурных универсумов в интернете, убежден Л. Ропольи, оказывают революционное воздействие на жизнь современного человека и общества. Однако современные тенденции развития интернет-технологий и искусственного интеллекта вызывают больше ассоциаций с главными «врагами» постмодернизма – тотальным контролем и сверхразумом, а не со свободой и независимостью личности.

Тем не менее философия интернета Л. Ропольи безусловно заслуживает внимания. Это важный шаг в развитии комплексных исследований интернета, понимания статуса интернета в широком социокультурном и историческом контексте.

Библиографические ссылки

1. Кастельс М. *Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе*. Харитонов В, редактор; Матвеев А, переводчик. Екатеринбург: У-Фактория; 2004. 328 с. Совместное издание с Издательством Гуманитарного университета.
2. Всемирный саммит по информационному обществу: итоги 10-летней работы и новые приоритеты [Интернет]. 2014 [протитировано 11 января 2019 г.]. Доступно по: <http://www.lawtrend.org/information-access/blog-information-access/vsemirnyj-sammit-po-informatsionnomu-obshhestvu-podvel-itogi-10-letnej-raboty-i-predlozhl-kontseptsuyu-dalnejshego-razvitiya>.
3. Бернерс-Ли Т, Шэдболт Н. Рождение науки об Интернете. *В мире науки*. 2009;1:64–71.
4. Ropolyi L. *Philosophy of the Internet. A Discourse on the Nature of the Internet*. Wagner Z, translator [Internet]. 2013 [cited 2018 December 6]. Available from: <http://elte.prompt.hu/sites/default/files/tananyagok/PhilosophyOfTheInternet/book.pdf>.
5. Курбалий И. *Управление Интернетом*. Москва: Координационный центр национального домена сети Интернет; 2010. 208 с.
6. Доброродный Д. Г. Социокультурные условия становления сети Интернет. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:23–28.
7. Барлоу ДжП. *Декларация Независимости Киберпространства* [Интернет]. 1996 [протитировано 21 января 2019 г.]. Доступно по: <http://www.telecomlaw.ru/articles/declaration.html>.
8. Ropolyi L. Prolegomena to a Web-Life-Theory. *Acta Universitatis Sapientiae, Communicatio*. 2014;1:9–19.
9. Berners-Lee T. 30 years on, what's next #ForTheWeb? [Internet]. *World wide web foundation*. 2019 [cited 2019 March 12]. Available from: <https://webfoundation.org/2019/03/web-birthday-30/>.

References

1. Castells M. *Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: reflections on the Internet, business and society]. Haritonov V, editor; Matveev A, translator. Ekaterinburg: U-Faktoria; 2004. 328 p. Russian. Co-published by the Publishing House of the Humanitarian University.
2. World Summit on the Information Society: results of 10 years of work and new priorities [Internet]. 2014 [cited 2019 January 11]. Available from: <http://www.lawtrend.org/information-access/blog-information-access/vsemirnyj-sammit-po-informatsionnomu-obshhestvu-podvel-itogi-10-letnej-raboty-i-predlozhl-kontseptsuyu-dalnejshego-razvitiya>. Russian.
3. Berners-Lee T, Shadbolt N. [The birth of the science of the Internet]. *V mire nauki*. 2009;1:64–71. Russian.
4. Ropolyi L. *Philosophy of the Internet. A Discourse on the Nature of the Internet*. Wagner Z, translator. [Internet]. 2013. [cited 2018 December 6]. Available from: <http://elte.prompt.hu/sites/default/files/tananyagok/PhilosophyOfTheInternet/book.pdf>.
5. Kurbaliyya J. *Upravlenie Internetom* [Internet management]. Moscow: Coordination center of the national domain of the Internet; 2010. 208 p. Russian.
6. Dabrarodni DG. Socio-cultural conditions of the Internet network becoming. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;2:23–28. Russian.
7. Barlow JP. *Declaration of Independence Cyberspace* [Internet]. 1996 [cited 2018 December 16]. Available from: <http://www.telecomlaw.ru/articles/declaration.html>. Russian.
8. Ropolyi L. Prolegomena to a Web-Life-Theory. *Acta Universitatis Sapientiae, Communicatio*. 2014;1:9–19.
9. Berners-Lee T. 30 years on, what's next #ForTheWeb? [Internet]. *World wide web foundation*. 2019 [cited 2019 March 12]. Available from: <https://webfoundation.org/2019/03/web-birthday-30/>.

Статья поступила в редколлегию 13.03.2019.
Received by editorial board 13.03.2019.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ ТРАДИЦИОННОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ И ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

ФАН ЧЖЭНВЭЙ¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Исследованы основные направления интерпретации взаимосвязи между функционированием спортивных практик и созданием философского наследия традиционной культуры Китая. В этом ключе традиционная физическая культура Китая трактуется как органическая часть древнекитайского культурного континуума, на разных этапах своего развития отражающая ценности и воззрения, обычаи и законы традиционного китайского общества. Взаимодействие между спортивными практиками и развитием традиционной философии Китая представляется в различных научных интерпретациях, которые также исследуются с точки зрения географических различий традиционной культуры Китая.

Ключевые слова: традиционная физическая культура; древнекитайская философия; даосизм; конфуцианство.

THE MODERN RESEARCHES OF THE INTERDEPENDENCE BETWEEN TRADITIONAL PHYSICAL CULTURE OF CHINA AND ANCIENT CHINESE PHILOSOPHY

FANG ZHENGWEI^a

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The main directions of the interpretation of the interdependence between the sports practices and the philosophical heritage of China's traditional have been examined. In this regard China's traditional physical culture is interpreted as an organic part of the ancient Chinese cultural continuum that on the different step of development reflected special values, views, customs and laws of traditional society ancient China. Interaction between sports practices and the development of China's traditional philosophy in the scientific literature appears in different interpretations, which are also explored in the article taking into account the geographical differences in Chinese traditional culture.

Keywords: traditional physical culture; ancient Chinese philosophy; Taoism; Confucianism.

Китайская цивилизация – одна из древнейших на земле, она обладает богатым философским наследием. Однако в силу различных причин в процессе развития в ней не сформировались строгие философские системы, не генерировались особые

направления мысли. В этом ключе философия в общемировом понимании этого феномена была экспортирована Китаем из Европы. Оттуда же заимствована методология научного и философского познания, что было необходимо в период форми-

Образец цитирования:

Фан Чжэнвэй. Современные исследования о взаимовлиянии традиционной физической культуры Китая и древнекитайской философии. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;2:39–43.

For citation:

Fang Zhengwei. The modern researches of the interdependence between traditional physical culture of China and ancient Chinese philosophy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;2:39–43. Russian.

Автор:

Фан Чжэнвэй – аспирант. Научный руководитель – кандидат философских наук Д. А. Смоляков.

Author:

Fang Zhengwei, postgraduate student.
baiyi67@163.com

рования новой системы образования в Китае, которая далее развивалась на основе западных стандартов и образцов.

В отличие от Европы, где параллельно могли складываться разнообразные философские системы, в Китае философия всегда составляла неотъемлемую часть традиционной культуры и в связи с этим не могла иметь множества альтернативных взглядов на развитие китайского общества. Важно, что европейская философия, как правило, авторская: в ней фигура родоначальника той или иной теории во многом ассоциируется с будущим развитием соответствующей доктрины, китайская же философия развивалась более естественным образом, в силу чего мыслители скорее работали в унисон, нежели дискутировали друг с другом. В этом смысле в Китае существовала лишь одна философская система (если можно ее так назвать) [1].

Возникновение китайской философии датируется началом 1-го тыс. до н. э., когда древние племена китайцев расселились у берегов Хуанхэ, что способствовало переходу общества от собирательства к сельскому хозяйству. Как это было распространено и в других регионах мира, каждое из древних племен культивировало собственные обычаи, однако в условиях непрекращающейся конкуренции за ресурсы, по мере культурного и экономического взаимодействия традиции постепенно сближались [2].

Если понимать философию как определенную форму мировоззрения, то древнекитайская философия названного времени зиждилась преимущественно на сельскохозяйственном укладе племенной жизни. В аграрном типе общества разливы рек, цикличность прихода штормов, фазы Солнца и Луны, ряд некоторых других природных явлений в силу их большого влияния на сельскохозяйственное производство постепенно кодифицировались в «тело» традиционной культуры, что впоследствии отразилось на ее дальнейшей теоретизации в пространстве китайской философии.

Традиционная культура и философия в Китае действовали в целях накопления наиболее важных сельскохозяйственных знаний и их воспроизведения последующими поколениями. Для этого же возникает и древнекитайская письменность, постепенно развивавшаяся из простых символов в стройную систему иероглифов. В этом свете культурно-языковые процессы их символического ассоциирования с явлениями физической реальности стали смыслообразующей основой философского поиска указанного периода и основным содержанием наиболее древних книг [3]. Например, в «Книге перемен» («И-цзин») названы восемь первооснов, взаимодействие которых образует различные ситуации действительности: 1) цянь (乾) – небо, напряженность; 2) кунь (坤) – земля, по-

слушность; 3) чжэнь (震) – гром, подвижность/движение; 4) сюнь (巽) – ветер, проникновение; 5) кань (坎) – вода, опасность; 6) ли (離) – огонь, ясность/связность; 7) гэнъ (艮) – гора, неподвижность/остановка; 8) дуй (兑) – водоем, проводимость/радность [4].

Образы и символика «Книги перемен», которая изначально предназначалась для гадания, оказали исключительное влияние на последующее формирование китайской философии. В ней зафиксированы 64 символа-гексаграммы, каждый из которых выражает ту или иную жизненную ситуацию с точки зрения ее постепенного развития во времени. Символы состоят из шести черт, которые обозначают последовательные этапы конкретной ситуации. Черты бывают двух родов: или цельные, или разделенные посередине. Объясняется это тем, что первые символизируют активное состояние, свет, напряжение (ян), а вторые – пассивное состояние, тьму, податливость (инь). Одновременно происходило становление главных принципов учения о противоположных и взаимосвязанных силах инь и ян, действие которых рассматривалось как причина движения и изменчивости в природе: они были символами света и тьмы, положительного и отрицательного, мужского и женского начал.

В VIII–V вв. до н. э. происходит заметный прогресс в материальной культуре Древнего Китая, что серьезным образом повлияло на развитие традиционной культуры. С увеличением номенклатуры культивируемых растений и одомашниванием лошадей, крупного рогатого скота, овец, кур, собак и свиней требовалось все больше инструментов, что привело к освоению технологииковки металла. Так возникают и новые орудия труда, и артефакты бытовой жизни человека, которые не использовались на сельскохозяйственных работах, но стали прообразом первых кухонных приборов и предметов отправления культов [5].

В этих изменившихся обстоятельствах формируется новое мировоззрение: широко распространяется учение о пяти стихиях (первоэлементах природы). Древнекитайские мыслители («Внутренний канон Желтого императора» [6], «Комментарии Цзо» [7], «Речи царств» [8]) полагали, что сочетание пяти первооснов – воды, огня, металла, дерева и земли – создает все многообразие явлений и вещей в мире.

Наряду с существенным прогрессом в области материальной культуры и влиянием этого фактора на развитие традиционного мировоззрения китайцев, следует помнить и другие важные явления их духовной жизни – физическую культуру и спорт. В тех регионах Китая, где охота превалировала над сельским хозяйством, лук и стрелы были основными инструментами повседневности. Они же имели большое значение в ходе многочисленных

войн. Обучение обращению с луком и стрелами стало одним из первых спортивных состязаний: самые ранние задокументированные рекорды касаются именно этого упражнения. В связи с развитием сельского хозяйства и военных технологий (появление арбалетов) лук и стрелы постепенно утрачивают свое оружейное значение, превращаясь в артефакты физической культуры, что отразилось и в философских воззрениях. Ввиду этого Конфуций много раз подчеркивал, что тренировки по обращению с луком и стрелами позволяют понять глубинные отношения внутри человеческого общества, а значит, физическая культура – это неотъемлемая часть образовательного процесса. В соответствии с этой точкой зрения физическая культура становится пространством обретения индивидуальной позиции в обществе. Это же и путь к пониманию недостатков личности.

Таким образом, изменения в области физической культуры также могли влиять на эволюцию традиционного мировоззрения и общественных ценностей. Поэтому в науке возникла потребность уточнить взаимовлияние развития физической культуры Китая и треков эволюции традиционной китайской философии, что, в свою очередь, позволит комплексно подойти к пониманию эволюции китайской философской мысли в целом. В конце XX в. подобный подход прочно вошел в фокус философского поиска, что отразилось, например, в таких книгах, как «Традиционная китайская философия и социальная культура» [9], «Философия и культура» [10].

С точки зрения Хань Цзиня, автора первой упомянутой книги, философская мудрость, возникшая вследствие развития китайской традиционной физической культуры, не может считаться в чистом виде философской мыслью, как она понимается в западном мире. Поэтому у ученых возникает принципиальный вопрос в рамках исследований такого рода: как сильно влияет китайская традиционная физическая культура на развитие традиционной китайской культуры (а вместе с ней и философии) и можно ли говорить об этом влиянии вообще – с учетом несомненного обратного влияния (т. е. воздействия культуры и философии на физическую культуру)?

Ван Цзинлун полагает, что в Древнем Китае, в отличие от современного мира, не существовало понятия «спорт» [11]. Вместе с тем очевидно, что человек вел активную спортивную жизнь задолго до того, как сложился этот термин в современном его понимании. В древнем китайском обществе в зависимости от региональной культурной и природной специфики могли существовать совершенно различные толкования этого понятия. Именно многообразие региональных особенностей и сформировало естественное богатство единой традиционной культуры Китая, контрастирующей

с разнообразием европейских авторских философских систем.

Региональные различия легко проиллюстрировать, рассмотрев конкретные философские школы Древнего Китая. Например, конфуцианство доминировало в восточной части страны, школа Чжуан-цзы была более широко представлена на юге, а культура Шелкового пути преобладала на западе Китая. Это территориальное разнообразие, основанное и на нюансах бытовых традиций, постепенно влияло на процесс становления социальных ценностей. На востоке Китая, где родился и работал Конфуций, люди жили в относительном достатке благодаря рыболовству и производству соли. Здесь стабильность и наследование уклада стали фундаментом процветания, а война считалась основной угрозой.

Южный Китай – это преимущественно лесистая и холмистая местность, где не были налажены экономические связи с другими регионами страны. Местная культура очень отличалась от центральных и восточных районов Китая: здесь доминировала природная составляющая и философские идеи в основном отражали проблемы взаимодействия человека и природы.

Северо-запад Китая имеет свою историю взаимодействия с внешним миром: череда опустошительных войн и набегов кочевых народов привела к постепенному перемещению основных масс населения из этого региона в центральные области страны. Различные этнические группы, проживающие на севере, в течение длительного времени взаимодействовали между собой, формируя философское наследие на основе интеграции идей из различных религий и традиций.

Пан Джунлинг рассматривает спорт как важную часть природного мира [12]. В связи с тем что люди постоянно находятся под влиянием естественной среды обитания, организованной в соответствии с законами природы, именно физическая культура способствует быстрой адаптации людей к изменениям в среде. Руководствуясь законами природы, человек может постоянно совершенствовать себя благодаря физическим упражнениям, постепенно осознавая такие феномены, как человек, природа, тело и дух. Единство природного и спортивного начал в жизни человека также формирует определенные социальные ценности, и следование природным законам, имитация естественных форм поведения становятся главным направлением развития традиционной морали и формирования традиционного китайского мировоззрения.

Эту же мысль проводит Ван Вин [13], подчеркивая, что китайские традиционные виды спорта ориентированы на соблюдение законов природы, которые в полной мере закаляют тело и разум: тренировки ума и тела объединены в одну практику, где посредством первого совершенствуется второе,

разум обретает полный контроль над телом, а тело становится инструментом совершенствования разума.

Древнекитайская физическая культура развивалась в прямом соответствии с эволюцией этических воззрений: традиционно существует взаимосвязь между спортом, этикой и образованием, и моральное совершенствование, физическое развитие и производство знаний также взаимосвязаны. В этом контексте физическая культура встраивается в этическое «тело» воспитания, становясь частью традиционного контекста распределения культурных и социальных ролей [14].

Взаимопроникновение китайской традиционной философии и физической культуры рассматривается авторами [15] с позиций социального развития через призму взглядов Чжуан-цзы на место, которое занимает физическая культура в жизни китайского общества. Согласно мировоззрению китайского философа, движение – это основа развития тела и духа. Во взаимодействии мышления и физической культуры рождаются определенные формы идеологии и философии, роль которых состоит в объединении общества и придании ему цели существования.

Аналогичные рассуждения представлены и в работе Лу Вэйфэна [16], где автор подчеркивает, что главными целями спорта являются поддержание здоровья и получение удовольствия от физических упражнений, т. е. спорт не бездумная физическая активность, а глубоко продуманная система физических действий (упражнений), рожденная в условиях определенного социального уклада и природных условий. Здесь важна фокусировка на достижении цели, и поэтому физическая культура – это принципиальный инструмент осознания целей собственных действий. Такое понимание спорта означает формирование нового мировоззрения.

Чжуан-цзы писал о способах, которые могут помочь человеку изменить его мировоззрение: надо

по-новому смотреть на физическую активность и формировать новые формы деятельности. Уже высказанная мысль о прямой зависимости разума от тела и влиянии упражнений на продуктивность мышления значительно повлияла на социальную и спортивную культуру Древнего Китая: медитация стала одним из важнейших ритуалов повседневной жизни китайцев [17].

О традиционном восприятии физической культуры говорит и Гуань Вэньнан: физическая культура – это часть культуры Китая, и важно не только сохранить старинные обычаи, но и максимально углубить их. Нарушение непрерывности традиционной культуры, в том числе спортивной, будет означать ее постепенное угасание, окончательно изменит отношение китайцев к своему культурному наследию. Национальная традиционная физическая культура – важное направление рецепции элементов традиционных ценностей в пространстве современного Китая [18].

Подводя итог вышесказанному, можем заключить, что в современной китайской философии нет единого мнения о роли физической культуры в процессе становления традиционной китайской философии. В то же время физическая культура признается всеми авторами важным элементом и инструментом традиционной культуры Китая. Ввиду этого актуальна задача более детально проанализировать взаимосвязи в развитии традиционной китайской философии и традиционной физической культуры Китая. Особое место в подобном исследовании будут занимать региональные особенности (поскольку в разных регионах Китая доминировали разные философские воззрения), а также опыт международного сотрудничества в этой сфере в силу того, что распространение буддизма и давние торговые связи с внешним миром в течение многих веков оказывали мощное влияние на развитие китайской традиционной мысли.

Библиографические ссылки

1. Цуй Вэйхан. Положение и задачи современной китайской философии. В: Гусаков ВГ, Коваленя АА, Гигин ВФ, Зеленков АИ, Лазаревич АА, Чуешов ВИ, Яскевич ЯС, редакторы. *Национальная философия в глобальном мире. Тезисы Первого белорусского философского конгресса; 18–20 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2017. с. 3–4.
2. Фэн Ю-лань. *Краткая история китайской философии*. Котенко РВ, переводчик; Торчинов ЕА, редактор. Санкт-Петербург: Евразия; 1998. 376 с.
3. 易中天. 先秦诸子百家争鸣. 上海艺术文化出版社 = Ёи Чжунтянь. *Доциньские философы утверждают*. Шанхай: Шанхайское издательство искусства и культуры; 2009. 42 с.
4. Book of Changes [Internet]. *Chinese Text Project*. 2006 [cited 2017 December 13]. Available from: <https://ctext.org/book-of-changes/zhs>.
5. 胡适. 中国哲学史纲. 商业出版社 = Ху Ши. *Очерк истории китайской философии*. Пекин: Коммерческое издательство; 2011. 74 с.
6. Huangdi Neijing [Internet]. *Chinese Text Project*. 2006 [cited 2017 September 11]. Available from: <https://ctext.org/huangdi-neijing/zhs>.
7. Chun Qiu Zuo Zhuan [Internet]. *Chinese Text Project*. 2006 [cited 2017 October 23]. Available from: <https://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan/zhs>.
8. Guo Yu [Internet]. *Chinese Text Project*. 2006 [cited 2017 November 15]. Available from: <https://ctext.org/guo-yu/zhs>.

9. 寒秦. 传统中国哲学与社会文化/ 寒秦. 河南大学体育学刊 = Хань Цзинь. *Традиционная китайская философия и социальная культура*. Пекин: Издательство университета Ренмин; 2007. 232 с.
10. 陈晓丹. 哲学与文化. 河南大学体育学刊 = Чэнь Сяодань. *Философия и культура*. Пекин: Издательство Китайского народного университета; 2006. 479 с.
11. 王京龙. 齐鲁文化对中国传统体育观念的影响/ 王京龙 = Ван Цзинлун. Влияние региональной культуры на традиционные китайские виды спорта. *Ранний Китай*. 2006;4:42–45.
12. 潘峻岭. 论中国传统哲学天人观对中国传统体育的影响/ 潘峻岭. 武汉交通职业学院报 = Пан Джунлинг. О влиянии традиционной китайской философии на традиционные виды спорта в Китае. *Журнал Уханьского профессионального колледжа спорта*. 2006;3:21–24.
13. 王斌. 中国传统体育伦理思想之哲学底蕴. 西安体育学院报 = Ван Вин. Философские основы китайской традиционной спортивной этики. *Журнал Сианьского института физической культуры*. 2002;2:20–22.
14. 毛景宇. 中国传统体育与奥林匹克运动的哲学比较 = Мао Цзиньюй. *Философские основы китайского традиционного спорта и олимпийского движения*. Шаолинь: Тайцзи; 2008. 79 с.
15. 潘庆庆, 孙继龙、赵芳. 庄子体育思想之研讨/ 潘庆庆、安徽体育科技 = Пан Цинцин. Сунь Джилонг, Чжао Фан. Дискуссия о спортивной мысли Чжуан-цзы. *Спортивные технологии*. 2013;6:3–6.
16. 卢万芳, 鑫诚. 当代中国对传统体育的运动的继承与发展. 体育与科学 = Лу Вэйфэн. Современное китайское наследие традиционных спортивных достижений. *Спорт и наука*. 2012;33:71–74.
17. 李梦泽. 论庄子的体育思想. 西安体育学院学报 = Ли Менгзе. О спортивной мысли Чжуан-цзы. *Журнал Сианьского института физического воспитания*. 2005;4:5.
18. 管唯航. 道家哲学思想对体育运动的影响/ 管唯航. 成都大学体育学刊 = Гуань Вэньнан. Влияние даосских философских идей на спорт. *Журнал по физическому воспитанию университета Чэнду*. 1997;23:20–21.

References

1. Cui Weihang. [The position and tasks of modern Chinese philosophy]. In: Gusakov VG, Kovalenya AA, Gigin VF, Zelenkov AI, Lazarevich AA, Chueshov VI, Yaskevich YaS, editors. *Polozhenie i zadachi sovremennoi kitaiskoi filosofii* [Proceedings of the First Belarusian congress of philosophy; 2017 October 18–20. Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. p. 3–4. Russian.
2. Feng Yu-lan. *Kratkaya istoriya kitaiskoi filosofii* [A brief history of Chinese philosophy]. Saint Petersburg: Eurasia; 1998. 376 p. Russian.
3. Yi Zhongtian. *Xiānqín zhū zǐ bǎijiāzhēngmíng* [Pre-Qin philosophers contend]; Shanghai: Shanghai Art and Culture Publishing House; 2009. 42 p. Chinese.
4. Book of Changes [Internet]. *Chinese Text Project*. 2006 [cited 2017 December 13]. Available from: <https://ctext.org/book-of-changes/zhs>. Chinese.
5. Hu Shi. Húshì. *Zhōngguó zhéxué shǐ gāng* [Outline of the history of Chinese philosophy]. Beijing: Commercial Publishing House; 2011. 74 p. Chinese.
6. Huangdi Neijing [Internet]. *Chinese Text Project*. 2006 [cited 2017 September 11]. Available from: <https://ctext.org/huangdi-neijing/zhs>. Chinese.
7. Chun Qiu Zuo Zhuan [Internet]. *Chinese Text Project*. 2006 [cited 2017 October 23]. Available from: <https://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan/zhs>.
8. Guo Yo [Internet]. *Chinese Text Project*. 2006 [cited 2017 November 15]. Available from: <https://ctext.org/guo-yu/zhs>.
9. Han Jing. *Chuántǒng zhōngguó zhéxué yǔ shèhuì wénhuà* [Traditional Chinese philosophy and social culture]. Beijing: Press of the National Library; 2007. 232 p. Chinese.
10. Chen Xiandan. *Zhéxué yǔ wénhuà* [Philosophy and culture]. Beijing: Publishing House of the Chinese National University; 2006. 479 p. Chinese.
11. Wang Jinglong. [The influence of regional culture on traditional Chinese sports]. *Guanzi*. 2006;4:42–45. Chinese.
12. Pan Junling. [On the Influence of Chinese traditional philosophy on the traditional sports in China]. *Journal of the Wuhan Professional College of Transport*. 2006;3:21–24. Chinese.
13. Wang Bin. [The philosophical basis of Chinese traditional sports ethics thoughts]. *Xī'ān tǐyù xuéyuàn bào*. 2002;2:20–22. Chinese.
14. Mao Jingyu. *Zhōngguó chuántǒng tǐyù yǔ àolínpíkè yùndòng de zhéxué bǐjiào* [Philosophical comparison of Chinese traditional sports and the Olympic movement]. Shaolin: Taiji; 2008. 79 p. Chinese.
15. Pan Qingqing, Sun Jilong, Zhao Fang. [Discussion on Zhuangzi's sports thought]. *Anhui Sports Science and Technology*. 2013;6:3–6. Chinese.
16. Lu Wanfang. [Contemporary Chinese inheritance of traditional sports movements development]. *Sports and Science*. 2012;33:71–74. Chinese.
17. Li Mengze. [On Zhuangzi's sports thought]. *Journal of the Xi'an Institute of Physical Education*. 2005;4:5. Chinese.
18. Guan Weihang. [The Influence of Taoist philosophical thoughts on sports]. *Journal of Physical Education of Chengdu University*. 1997; 23:20–21. Chinese.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIOLOGICAL RESEARCHES

УДК 316.334.56

ДРУЖЕСТВЕННОСТЬ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В РАКУРСЕ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Е. В. ЛЕБЕДЕВА¹⁾, А. Г. ФИЛИПОВА²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Дальневосточный федеральный университет, ул. Суханова, 8, 690090, г. Владивосток, Россия

Проводится социологический анализ городской среды с использованием ключевых положений структурного функционализма. Дан обзор современных теоретических подходов к пониманию дружелюбности городской среды, обозначаются их преимущества и недостатки. Обосновывается целесообразность применения структурно-функционального анализа как методологического принципа эмпирического изучения города. Рассматривается постсоветский город как социокультурная система, анализируются причины и последствия появления в ней дисфункций. Конструируется авторская функциональная модель дружелюбной городской среды, которая позволяет преодолеть существующие ограничения эмпирического измерения качества городской среды, а также может лечь в основу построения универсальной системы принципов проектирования города.

Ключевые слова: город; городская среда; структурно-функциональный анализ; постсоветские города; функции городской среды; дружелюбная городская среда.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта БРФФИ (договор № Г18Р-241 от 01.06.2018 г.) и гранта РФФИ (проект № 18-511-00019); тема исследования «Дружелюбность среды постсоветских городов к детям и молодежи: компаративный анализ белорусских и российских кейсов».

Образец цитирования:

Лебедева ЕВ, Филипова АГ. Дружелюбность городской среды в ракурсе структурно-функционального анализа. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;2:44–53.

For citation:

Lebedeva EV, Filipova AG. Urban environment friendliness in the perspective of a structural functionalism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;2:44–53. Russian.

Авторы:

Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики.

Александра Геннадьевна Филипова – доктор социологических наук, доцент; профессор департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук.

Authors:

Elena V. Lebedeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of communication and public relations, faculty of journalism.

elena_lebedeva_bsu@tut.by

Aleksandra G. Filipova, doctor of sciences (sociology), docent; professor at the department of social sciences, School of Arts and Humanities.

alexgen77@list.ru

URBAN ENVIRONMENT FRIENDLINESS IN THE PERSPECTIVE OF A STRUCTURAL FUNCTIONALISM

E. V. LEBEDEVA^a, A. G. FILIPOVA^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bFar Eastern Federal University, 8 Sukhanova Street, Vladivostok 690090, Russia

Corresponding author: E. V. Lebedeva (elena_lebedeva_bsu@tut.by)

The article is devoted to the sociological analysis of the urban environment in the perspective of the structural functionalism theory. A review of modern theoretical approaches exploring the post-soviet cities environment friendliness is given with evaluating their advantages and disadvantages. The expediency of the use of structural-functional analysis as a methodological principle of empirical study of the city is substantiated. The post-Soviet city is considered as a sociocultural system, the causes and consequences of the appearance of dysfunctions in it are analyzed. An original author's functional model of a friendly urban environment is constructed, which allows to overcome the existing limitations of an empirical measurement of the quality of the urban environment, and can also form the basis for building a universal system of principles for designing a city.

Keywords: city; urban environment; structural and functional analysis; post-soviet cities; functions of the urban environment; friendly urban environment.

Acknowledgments. The study was supported by the grant of the BRFFR grant (contract No. G18R-241 dated 06/01/2018) and the grant of Russian Foundation for Basic Research (Project No. 18-511-00019); the research topic «Friendliness of the environment of post-Soviet cities to children and young people: a comparative analysis of Belarusian and Russian cases».

Введение

Скорость развития техники в последние десятилетия значительно превышает скорость развития человеческого мышления, в результате чего человек становится ресурсом для техники, средством поддержания «жизни» технических приспособлений. Похожие процессы наблюдаются и в развитии современных городов (особенно мегаполисов), которые, разрастаясь до запредельных размеров, перестают удерживаться в исследовательском понимании как единое целое, как управляемый человеком комплекс, ответственность за который несет человек [1]. Для описания такого явления Л. Мамфорд предложил термин «мегамашина» – конструкция, в которой утеряна позиция удержания целого и ответственности за целое. В результате сама эта конструкция становится единственным субъектом целеполагания, а люди превращаются в ресурс поддержания деятельности мегамашины [2, с. 250]. Мамфорд видел прямую зависимость превращения города в мегамашину от его величины: человеческое мышление уже не в состоянии вместить мегаполис в его целостности и сложности, поэтому наступает потеря управляемости, городская система начинает «руководить собой самостоятельно», через разрозненную активность отдельных субъектов и стихийно складывающихся внутренних процессов. При этом город перестает выполнять собственно гуманитарные, человеческие функции: способствовать развитию личности, транслировать культуру, создавать новые смыслы и т. п.

Следовательно, для того чтобы противостоять перерастанию городов в мегаполисы, необходимо

ограничивать их рост, оставлять соразмерными человеку и социальным связям, предполагая, что в таком случае города будут оставаться управляемыми. Определенный смысл в этом есть, однако на практике такой подход трудно осуществим, так как количественный рост и усложнение структуры – неотъемлемое свойство самого процесса урбанизации. Кроме того, в мегамашины могут превращаться (и превращаются) не только гигантские мегаполисы, но и просто крупные или даже средние города (любой промышленный моногород фактически представляет собой источник ресурсов для поддержания деятельности градообразующего предприятия). Значит, дело не только в размере. Американский географ и урбанист Э. Сойа, анализируя особенности производства пространства современных городов, видит причину возникающих дисфункций в природе самих капиталистических отношений как экономической базы существования города. Капитализм, по его мнению, отличается «неравномерным развитием», порождая неизбежный дисбаланс между экономически развитыми и отсталыми районами, обеспечивающими резерв как рабочей силы, так и рынков сбыта, по сути, разделяя город на «продавцов и покупателей» [3, р. 176]. Город неизбежно начинает восприниматься не как «место для людей» или «пространство для жизни», а как «машина роста», источник для получения прибыли (чаще всего краткосрочной). В конечном счете это приводит к появлению густонаселенных микрорайонов, застроенных однотипными зданиями

ми с большим количеством гомогенных (гладкие стены) и агрессивных (ряды одинаковых элементов) визуальных полей, уплотнению устоявшихся жилых территорий, предпочтению многоэтажной застройки и т. п. Вышеперечисленные архитектурные приемы превращают градостроительство в один из мощных инструментов социально-территориальной сегрегации населения, приводят к эффекту психологического подавления человека, интенсифицируют негативные черты городской жизни (безразличие горожан друг к другу, потребительское отношение к городу, ослабление чувства личной ответственности, изоляция индивидов, утрата идентификации с городом). Возможно, капитализм не идеальная форма организации общественных отношений, однако это реальность, с которой сегодня приходится считаться. Кроме того, приток капитала в город способен сделать его лучше, создавая и развивая общественные пространства, сохраняя архитектурные памятники, поддерживая гражданские инициативы.

Решением данной проблемы может стать *внедрение в процесс управления городом принципов человеческой целостности и приоритета человеческих потребностей*. Понимание города в духе антропоцентрического подхода означает, что главная ценность городской среды – это развитие человеческого капитала (который, в свою очередь, легко конвертируется в экономический, культурный, технологический и другие виды капитала). Метафорически город можно представить как банк для хранения и приумножения человеческого капитала. Соответственно, «надежность банка» *определяется*

качеством городской среды, ее дружелюбностью по отношению к человеку.

Несмотря на популярность городских исследований, сохраняющуюся на протяжении последнего десятилетия, по-прежнему существует недостаток работ, посвященных измерению качества городской среды. Пока все еще не выработано четкого определения понятия «дружественная городская среда», а используемые смысловые значения данного термина могут существенно различаться в зависимости от контекста. С другой стороны, употребляется множество различных по звучанию, однако сходных по смыслу определений: «дружественная городская среда», «доброжелательная городская среда», «город гармоничного развития» и т. п. Кроме того, нет универсального подхода к выделению критериев измерения дружелюбности городской среды, что значительно затрудняет проведение сравнительного анализа этого явления, вносит субъективизм в построение любых рейтингов городов или жилых районов с точки зрения качества городской среды.

Исходя из этого, сформулируем задачи статьи.

1. Систематизировать подходы к измерению качества городской среды, выделить наиболее универсальную методологию эмпирического изучения дружелюбности города.

2. Выделить особенности постсоветской городской среды, проанализировать причины и последствия появления в ней дисфункций.

3. Сконструировать универсальную модель дружелюбной городской среды, способствующей устойчивому развитию.

Теоретические основы исследования

Можно выделить три основных теоретических подхода к трактовке термина «дружелюбность городской среды».

1. *Урбанистический подход* делает акцент на физических, территориальных характеристиках городской среды, придавая первостепенную важность масштабу городской застройки, экологии и возможностям для мобильности.

2. *Социопсихологический подход* концентрируется на изучении процессов взаимовлияния окружающей среды, особенностей личностного становления и развития, появления устойчивых, повторяющихся моделей поведения, формирования новых смыслов и ценностей в городском социуме.

3. *Управленческий подход* ставит во главу угла специфику взаимодействия общества, государства и бизнеса как источник гармонизации городской среды и способ уменьшить негативное влияние города на индивида.

Рассмотрим суть вышеперечисленных направлений.

Дружелюбность рассматривается в урбанистике с точки зрения физических параметров городской среды (зеленые насаждения, доступные объекты инфраструктуры, освещенность, удобные для перемещения улицы и т. п.). Дружелюбный город (или город гармоничного развития) представляется как совокупность следующих принципов: комфорт (удобство для жизни, доступность, безопасность), экология (минимизация негативного воздействия на окружающую среду), устойчивая мобильность (развитая система общественного транспорта, пешеходная и велосипедная инфраструктура), а также участие горожан в принятии решений, касающихся преобразования городской территории. Известный датский архитектор и консультант по городскому дизайну Ян Гейл пишет о том, что «пропорции человека, его чувства и его мобильность – ключевые понятия качественного городского планирования, ориентированного на людей» [4, с. 59]. «Человеко-размерные» города дают дружелюбный посыл, обещают возможность социального взаимодействия,

«оживляют» город, превращая его в саморазвивающуюся экосистему. Ключевую роль во многих урбанистических концепциях играют именно улицы: «Если улицы города интересны на вид, интересен на вид и сам город, если скучны – он скучен... если люди жалуются, что город или определенный его участок опасен, они прежде всего не чувствуют себя в безопасности на его улицах» [5, с. 49]. Чем лучше городские улицы будут приспособлены для комфортного взаимодействия индивидов, тем более они будут оживленными и, следовательно, безопасными, тем более живой и дружелюбной представляется городская среда. С этой задачей могут справиться как подobaющий внешний вид улицы (наличие уличных кафе, удобных скамеек, прогулочных зон), так и разнообразная событийная наполненность (выступления уличных музыкантов, работа уличных художников и т. п.).

Социопсихологический подход исследует город преимущественно как пространство социализации. Подобные темы исследования стали появляться относительно недавно, примерно во второй половине XX в. Зонирование городской среды (разделение сфер дома, работы и досуга), доминирование автомобильной культуры, ослабление института локальных сообществ (как реальных, так и воображаемых), отделение «детской» жизни от «взрослого» мира (исключение детей из общественно-полезной деятельности взрослого населения, когда «детство воспринимается не как полноценная жизнь, а как подготовка к жизни» [6, с. 133], вынесение задач по развитию и воспитанию детей за пределы семьи – все это привело к появлению в больших городах специфических условий для становления и развития личности, кардинально отличных от тех, что столетиями существовали в традиционных (сельских) типах обществ. Это привлекло внимание большого числа исследователей в сфере психологии развития, социологии детства, социологии семьи, городской социологии. Городские районы (в том числе и вполне благополучные) стали описываться исследователями как «перенаселенные, небезопасные и экологически неблагополучные среды», имеющие ограниченные возможности для детской мобильности, игры, отдыха и обучения [7, р. 5], способствующие «хронической детской физической бездеятельности» [8, р. 195] и усилению надзора со стороны взрослых [9]. Появились работы, посвященные поиску взаимосвязи между благополучием детей и спецификой городской территории; были сформулированы эмпирически измеряемые индикаторы дружелюбности городской среды. В качестве таковых предлагались активная роль детей в местных сообществах; признание за ними права голоса; обеспечение безопасных мест для игры в непосредственной близости от места проживания; активное участие соседских сообществ в заботе о детях; наличие возможностей для творческого

развития, самореализации и неформального образования; развитие необходимой инфраструктуры (в том числе и информационной) для семей с детьми и т. д.

Наконец, управленческий подход лежит в основе различных международных инициатив и программ, ориентированных на поиск стратегии гармонизации городской среды через объединение усилий городских властей и локальных сообществ. В отличие от двух предыдущих управленческий подход не является оформленной теоретической парадигмой, он представляет собой скорее перечень методических рекомендаций по преобразованию городской среды и инструментов для эмпирической оценки достигнутых результатов.

Рассмотрим этот подход на двух примерах: инициатива ЮНИСЕФ «Город, дружелюбный детям» (*Child friendly cities initiative*) и инициатива ЮНЕСКО «Глобальная сеть обучающихся городов». «Город, дружелюбный детям» – это своего рода концепция местного государственного управления, направленная на реализацию основных положений Конвенции о правах ребенка на уровне города и его районов при помощи развития партнерских отношений между городскими властями, учреждениями образования и здравоохранения, общественными объединениями. При этом центральная идея заключается в участии детей и молодежи в принятии управленческих решений, касающихся городской жизни (реализуется через детские и молодежные парламенты/советы). Дружелюбная городская среда, согласно нормативным документам, регламентирующим реализацию данной инициативы, должна формироваться в результате усилий по повышению уровня правовой культуры детей и молодежи; профилактике противоправного поведения; распространению принципов здорового образа жизни; экологическому воспитанию; уменьшению случаев дорожного травматизма; противодействию насилию в отношении детей и молодежи [10]. Фактически под дружелюбностью города понимается скорее его безопасность, а также доступ к базовым ресурсам и услугам (чистый воздух, жилье, образование, здравоохранение, отсутствие угрозы насилия и пр.). При этом основной интерес для инициативы представляют дети и подростки из социально уязвимых категорий (из неблагополучных и неполных семей, имеющие проблемы с законом, практикующие рискованное поведение).

Если первая инициатива рассчитана на детей и подростков, то «Глобальная сеть обучающихся городов», созданная Институтом ЮНЕСКО по обучению на протяжении всей жизни, фокусируется на улучшении городских условий для жизни взрослых [11]. Ее главная задача – формирование социальной сплоченности и инклюзии как основы устойчивого экономического, культурного и социального раз-

вития города. В качестве ключевого ресурса предлагается использовать образование, а именно стратегию обучения на протяжении всей жизни (*lifelong education*). В данном случае под дружественностью городской среды подразумевается ее *организационный и культурно-образовательный потенциал*. Предлагаются следующие критерии для его измерения: возможность участия горожан в общественной жизни; отношение к окружающей среде и природным ресурсам; внедрение в городскую жизнь

инновационных технологий; проведение в городе мероприятий, направленных на поддержку и популяризацию обучения; возможности неформального образования с использованием информационно-коммуникационных технологий; уровень толерантности и терпимости к различиям; степень вовлечения в образовательный процесс смежных элементов культурного пространства города (СМИ, библиотек, музеев, спортивных и культурных центров, публичных пространств и пр.).

Результаты и их обсуждение

При всем многообразии вышеперечисленных теоретических подходов к пониманию дружественности городской среды в каждом из них упускаются какие-либо важные моменты, и поэтому они не могут служить универсальной методологической основой для измерения дружественности. С учетом новых ограничений попробуем предложить решение сложившейся проблемы.

Слабость урбанистического подхода заключается в том, что нередко он ограничивается преобразованием «материального» тела города, которое, безусловно, очень важно, однако не является единственным источником социальных перемен – в результате вместо «проектирования шага ближайшего развития конкретного города предлагаются образцы дизайнерских и транспортных решений, которые стали итогом развития западных городов» [1] в расчете на то, что в европейской городской среде «само собой» сформируется европейское городское сообщество. Между тем процесс «производства пространства» гораздо сложнее и предполагает многообразное, разнонаправленное взаимное влияние города и горожан друг на друга. Социопсихологический подход воспринимает город как данность, как уже существующие условия, в которых происходит становление личности, и выводит за рамки изучения агентов формирования городской среды, рассматривая горожанина как потребителя дружественной либо недружественной городской среды. В результате этого остается открытым вопрос о возможности выделения универсальных критериев измерения дружественности: городская среда представляется как уже сформированная, следовательно, для изучения каждого конкретного ее состояния необходим собственный набор критериев. Усложняет эту задачу и невозможность однозначной операционализации ряда важных элементов дружественности (например, отсутствие риска насилия или включенность в жизнь городского сообщества). Управленческий подход делает акцент на коммуникации между ключевыми субъектами, ответственными за развитие города, – властью, бизнесом, локальными сообществами. Это, безусловно, важное условие понимания истоков дружественности городской среды, однако это сдвигает

фокус в сторону внешнего, управленческого воздействия на город (что должно сделать государство, что должны сделать инвесторы), уходя в сторону от анализа обычной, повседневной жизни горожан, их личной активности. Кроме того, в силу международного происхождения данного подхода в нем слабо выражена культурно-историческая специфика, не учитываются особенности конкретных городов, предлагаются усредненные, «общемировые» принципы и критерии.

Решением существующих проблем, заключающихся во фрагментарности описания и эмпирической оценке дружественности городской среды, может стать использование *структурно-функционального подхода* как универсального логического инструмента, описывающего взаимодействие общества, личности и культуры. Проиллюстрируем его возможности на примере анализа дружественности городской среды.

Если рассматривать человеческую историю как последовательно разворачивающуюся во времени системную архитектуру, то замыкать ее будет город как самоорганизующаяся система, построенная на сложной совокупности обратных связей, непрерывно стремящаяся к гомеостатическому состоянию, балансу внутренней системности и внешней среды, городской территории и городского пространства. Города обладают рядом специфических особенностей: сложная социально-стратификационная система, широкие рамки социального взаимодействия, высокая интенсивность информационных потоков, культурно-духовное многообразие и пр. Поведение горожан детерминировано не только и не столько статусной нормативностью (положением в социальной иерархии), но и нормативностью, формирующейся в сообществах и субкультурах, – городской идентичностью, которая представляет собой территориальную идентичность, возникающую из совместной жизни в плотных и гетерогенных городских областях, что можно назвать «пространственным своеобразием урбанизма» [3]. Акторами городской жизни являются мужчины, женщины, пожилые люди, владельцы собак, подростки, родители маленьких детей, велосипедисты, представители творческой интеллиген-

ции и т. д. (данные характеристики складываются в бесконечное множество разнообразных сочетаний), которые в рамках одной культурной среды стремятся удовлетворить свои потребности (реализовать свое «право на город»). Городская среда представляет собой подвижное образование – бесконечное множество разнообразных и разнонаправленных взаимодействий и взаимоотношений индивидуальных акторов, протекающих во множестве постоянно меняющихся ситуаций. При этом одни и те же акторы в различных ситуациях взаимодействия могут руководствоваться различными потребностями и преследовать различные цели. В свою очередь, это влияет и на ожидаемые ответные действия других, и на восприятие формируемого городского пространства. Например, отношение к большому количеству людей, собравшихся на городском празднике, будет значительно различаться в зависимости от тех целей, которые преследует в данный момент времени каждый конкретный человек: получить доступ к ограниченным ресурсам или ощутить причастность к чему-то грандиозному, погрузиться во всеобщее веселье.

Используя терминологию Т. Парсонса [11], можно сказать, что принципиально важным моментом является взаимодополнительность ожиданий, что позволяет от конфликта интересов перейти к кооперации горожан.

Как считает А. Лефевр [13], изменения на городской территории вызывают изменения в городском пространстве и наоборот. Так, горожане преобразуют городской ландшафт, адаптируя его в соответствии со своими потребностями (например, улицу Октябрьскую в г. Минске). Перемены во внешнем облике городской территории также могут влиять на поведение горожан, вызывая как положительные эффекты (например, популярность дополнительного образования, связанная с появлением так называемых открытых пространств), так и отрицательные (рост равнодушия и отчужденности жителей друг к другу на фоне уплотнения городской застройки). Следовательно, городскую среду можно представить как взаимосвязанное единство территории (географический ландшафт, архитектурная застройка, доступная инфраструктура) и пространства (люди и события) (рис. 1).

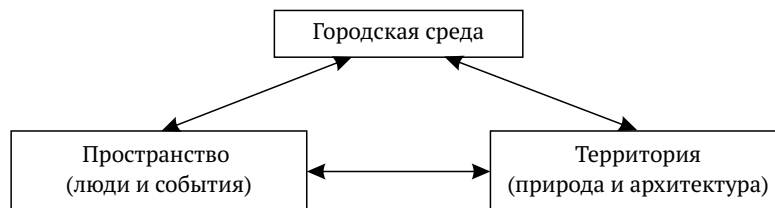

Рис. 1. Городская среда как единство территории и пространства

Fig. 1. Urban environment as a unity of territory and space

С учетом способности к самоорганизации любая ситуация взаимодействия в границах городской среды может быть описана как «интегральное целое» (иначе бы город «распался» на миллионы отдельных атомов). Значит, составными частями города как динамической системы являются не отдельные функциональные единицы, а культуры как относительно интегрированные системные образования.

Иными словами, городская среда представляет собой определенный культурный срез, функциональное единство различных культурных форм, представленных как в территориальном (физическом), так и в пространственном (социальном) выражениях.

Безусловно, каждый регион и каждый город обладает своим уникальным культурным срезом (по-скольку представляет собой неповторимую смесь различных исторических событий, архитектурных форм, культурных и политических артефактов и т. п.). Однако, отбросив влияние случайностей, можно выделить общие черты в регионе, сформированном под воздействием общих внешних факторов.

Полагаем, что постсоветский город в разрезе представлен тремя совершенно самостоятельными культурными сферами:

- *советской сферой* (архитектурный модернизм, соединенный с исторической спецификой урбанизации, – переселение рабочей силы из деревень, акцент на промышленную роль города и т. п.);
- *западноевропейской сферой* (результат сначала экономической, а затем и культурной глобализации);
- *сферой культурного взаимодействия* (образовавшийся синтез культур прародительниц – советской и западноевропейской, – имеющий свои уникальные черты, не свойственные первым двум сферам).

Рассмотрим названные культурные сферы подробнее.

Характерными чертами советского города (как образца архитектурного модерна) являлись унифицированные пространственные паттерны, примерно одинаковая плотность застройки, равномерное распределение сооружений культурно-бытового обслуживания. Сегрегация как социальное различие была невозможна, не существовало таких

понятий, как «престижный район» или «этническое гетто». Разумеется, на практике встречались исключения (к примеру, эксклюзивный доступ к определенным местам городского пространства высокостатусных групп советского общества), однако в целом доминировала идеология социального равенства и приоритета производственных интересов. Городская среда была значимым символическим инструментом трансляции необходимой идентичности и коллективной памяти, доминирующих идеологических и политических ценностей. Архитектурные ансамбли центральной части советских городов стремились «создать идейно-художественный образ большой впечатляющей силы» [14, с. 10], что воплощалось как в проектировании (значительные размеры, монументальные пропорции), так и в дизайне (большое количество политических символов). Проведение различных парадов, митингов и демонстраций считалось главной функцией общественного центра, а неконтролируемые и неуправляемые собрания людей в центральных открытых пространствах были, напротив, нежелательны (чему способствовал сам их внешний вид – огромные площади, прямые протяженные проспекты, хорошо подходящие для организованного движения демонстрантов и абсолютно не пригодные для комфортного неформального общения).

Безусловно, советское городское планирование предусматривало также широкий набор возможностей для отдыха и активного образа жизни горожан (различные парки, катки, спортивные площадки и т. п.). Однако их существование позиционировалось скорее как необходимый элемент социалистического образа жизни, как забота государства о своих гражданах, а не как возможность для развития локальной активности и местного самоуправления, самостоятельного освоения городской территории, реализации «права на город». В результате публичное пространство постепенно сместилось с центральных улиц, проспектов и городских парков в неформальные части советского города (жилые дворы и примыкавшие к ним зеленые зоны), которые выступали в качестве «сцены для социального действия», позволяли горожанам взаимодействовать друг с другом, способствовали социализации подрастающего поколения, устанавливая негласные правила сосуществования.

Произошедшие после падения советской системы перемены преобразили внешний облик советских городов, наделив их такими западноевропейскими элементами инфраструктуры, как деловые районы, торговые и пешеходные улицы, торгово-развлекательные центры. Запустились процессы приватизации и коммерциализации городского публичного пространства, социоэкономической поляризации общества (в том числе маргинализации его отдельных элементов), значительно трансформировалась и система ценностных ориентаций

горожан. В результате смены экономической базы городская идентичность начала формироваться вокруг процессов потребления (а не производства, как было раньше). Географическая конфигурация города также переформировалась вокруг новых «узлов», в качестве которых выступили разнообразные пространства потребления (торговые центры, «барные» улицы, многочисленные кафе и кофейни). Публичная жизнь постепенно начала смещаться от периферии к центру, однако смысл ее кардинально изменился: в основе любого взаимодействия лежали потребительские практики (выбор еды, одежды, досуга, идентичности и т. п.).

Две культуры (советская и западная) тесно переплетаются друг с другом в границах городской среды, формируя так называемую *сферу взаимодействия*. А. Лефевр полагал, что нет одного социального пространства, а есть бесконечное множество различных социальных пространств, которые проникают и/или накладываются друг на друга [13, с. 97]. При этом пространство способно что-то принимать в себя, а что-то отбрасывать. Если «стираются» части пространства, выполняющие важные социальные функции (например, социализации или идентификации), то их нагрузка распределяется на другие элементы. Р. Мертон называет такое явление латентной функциональностью [15, с. 146]: например, когда досуговую функцию начинают выполнять элементы публичного пространства, изначально для этого не предназначенные, – фойе торговых центров).

Если представить себе динамику культурных взаимодействий в границах городской среды как дискретное, точечное движение, то каждое состояние взаимодействия в единицу времени можно описать в понятиях различной степени интеграции, приняв за крайние точки абстрактные состояния полной аккультурации или полного деструктивного конфликта. Успех такого взаимодействия зависит от того, насколько точно учтены потребности горожанина как объекта воздействия городской среды. Потребности в данном случае аналогичны производящим причинам: люди поступают определенным образом, поскольку они движимы личными целями. Но их действия структурируются различными внешними факторами: властью и законом, существующими обычаями и традициями, природным и архитектурным ландшафтом, историческим багажом, доминирующими ценностями, доступными ресурсами, объемом располагаемого капитала и т. п.

Как было отмечено ранее, в советском городе общественный центр (на формальном уровне) и дворовая территория (на неформальном) выполняли функции социализации и идентификации. Именно эти элементы городской среды отвечали за трансляцию доминирующих социальных и политических символов и ценностей, при этом

влияние «альтернативной» (дворовой) публичной сферы было значительно сильнее, чем «официального» общественного центра города [16]. В постсоветских городах дворовая территория постепенно приходит в запустение. С одной стороны, этому способствует появление разнообразных возможностей проведения досуга в центральной части города (прежде всего в многочисленных пространствах потребления), а с другой стороны – ухудшение качества самих жилых дворов (преобладание высотной застройки, уплотнение устоявшихся районов, резкий рост числа автомобилей и т. п.). В результате такие задачи советской городской среды, как формирование идентичности, трансляция идеологических ценностей, объединение поколений и т. п., постепенно уходят в прошлое. При этом сильное местное самоуправление и устойчивый институт локальных сообществ, свойственный западноевропейским городам, не формируется (так как ни «бывший советский центр», ни современные пространства потребления, ни опустевшие жилые дворы для этого просто не подходят). Нарастает атомизация, социальная сегрегация и индивидуализация публичного пространства, социальное (связующее) значение которого значительно ослабевает, а идеологический аспект городской среды постепенно заменяется гедонистическим: наиболее важными функциями публичного пространства становятся развлекательная и рекреативная (в довольно узком ее понимании – как возможность «отдохнуть»

и «расслабиться») [17]. Иными словами, можно говорить о *дисфункциях городского развития*.

Сложность подобных дисфункций заключается в том, что их крайне сложно исправить при помощи внешних (дизайнерских) решений по преобразованию городской среды. В соответствии с терминами В. О. Глазычева [18] в данном случае меняется лишь «форма города», тогда как его сущность остается прежней: «В результате вместо решения реальных проблем, вместо проектирования шага ближайшего развития конкретного города предлагаются образцы дизайнерских и транспортных решений, которые стали итогом развития западных городов» [1]. А нужно начинать не с городской среды, а с человека, так как социальное проектирование должно предшествовать градостроительному.

Решить данную задачу можно при помощи построения функциональной матрицы городской среды.

Культурное удовлетворение первичных потребностей налагает вторичные или производные императивы [19, с. 324]. По аналогии с этим можно предположить, что существуют *базовые функции городской среды*, исключительно важные для поддержания жизнедеятельности города как единого целого, а также вторичные (производные от базовых), выполнение которых позволяет судить о развитии города, качестве городской среды и ее друженности.

На основе сказанного *иерархию функций городской среды* можно представить в виде модели (рис. 2):

Рис. 2. Социальные функции городской среды

Fig. 2. Social functions of urban area

Под функцией в данном случае мы понимаем *определенное действие, направленное на удовлетворение каких-либо потребностей*. Например, предоставляя возможность индивидам объединяться, городская среда удовлетворяет потребность в безопасности, зависимости и любви. Восстанавливающие способности городской среды дают возможность реализовать потребность в самосохранении, развивающие – в познании и самоактуализации и т. д. В результате успешной реализации какой-либо потребности формируется значимая социальная ценность, которая позволяет городской среде сохранять устойчивость (удерживая необходимые качества городской среды, как бы предохраняя их от разрушения). Так, реализация социально-инклюзивной функции городской среды формирует у горожан ценность взаимоуважения и равенства. Она, в свою очередь, не допускает существования в границах города таких негативных явлений, как нетер-

пимость, национализм, религиозный экстремизм, гендерная дискриминация, эйджизм и т. п., что делает городскую среду более доступной и комфортной для горожан независимо от их пола, возраста, национальности, достатка и физических возможностей, *закрепляя ее социально-инклюзивные свойства*. Подобные примеры можно привести применительно к каждой из функций. Иными словами, *городская среда формирует у горожан определенные ценности, сложившиеся ценности поддерживают устойчивость городской среды* (как практическое воплощение идеи производства пространства А. Лефевра).

В таком случае *функциональность городской среды* – это оптимальный подбор ее характеристик, обеспечивающий поддержание баланса (гомеостаза) всей системы (города в целом). Исходя из существующих представлений об индивидуальных потребностях, *предложим функциональную матрицу городской среды*¹ (см. таблицу).

¹Мы понимаем, что такое разделение функций довольно условно, так как все они тесно связаны друг с другом, однако в качестве схематической иллюстрации функциональной наполненности городской среды считаем использование данной матрицы вполне уместным.

Функциональная матрица городской среды

The functional matrix of the urban environment

Функции		Социальная потребность	Формируемая ценность
Объединение	Коммуникативная	Соединение разрозненных элементов в единое целое	Социальность
	Социально-инклюзивная	Сокращение дистанции	Взаимоуважение и равенство
	Организационно-креативная	Активность и участие	Ответственность
Восстановление	Рекреативная	Биологическая, психологическая, социальная безопасность	Самосохранение
	Развлекательная	Радость, веселье, игра	Удовольствие
Развитие	Культурно-образовательная	Познание и самоактуализация	Самосовершенствование
	Социализирующая	Усвоение образцов поведения	Индивидуальность

Заключение

Городская среда может быть представлена как гетерогенное, неустойчивое образование, сложная, многоуровневая функциональная система, в основе которой лежит системообразующая функция – общий интерес (общий фактор). Устойчивость (гомеостаз) данной системы зависит от того, насколько точно учтены потребности горожанина как объекта воздействия городской среды. Важнейшими функциями городской среды по отношению к индивиду являются возможности объединения, восстановления и развития. При этом городская среда формирует у горожан определенные ценности, которые, в свою очередь, поддерживают устойчивость городской среды.

Использование структурного функционализма как методологической основы эмпирического измерения качества городской среды имеет ряд значительных преимуществ. Во-первых, позволяет оценить городскую среду в единстве материального и социального, преодолев ограничения урбанистических трактовок городских преобразований. Во-вторых, дает возможность рассматривать индивида не только как пассивного потребителя го-

родских благ и услуг, но как активный источник развития города, позволяя изучать не только саму дружелюбность городской среды как данность, но и агентов ее формирования и поддержания. В-третьих, позволяет изучать не только внешнюю, управляемую, публичную сторону городской жизни, но и повседневное взаимодействие между горожанином и городской средой. Кроме того, полученная функциональная матрица может стать основой построения универсальной системы принципов конструирования дружелюбной городской среды, а также критериев ее оценки.

В завершение стоит отметить, что, несмотря на волну критики структурно-функционального анализа и последующее за ней кардинальное переосмысление его основ во второй половине XX в., главное его преимущество – способность представить любой социальный объект как интегрированную во внешнюю среду, непрерывно саморазвивающуюся социокультурную систему, – сохраняется и сегодня. Особенно если речь идет об изучении такого сложного, многозначного и исключительно динамичного феномена, как город.

Библиографические ссылки

1. Чернова Е. Почему общественные пространства в России – это имитация урбанистики [Интернет]. 2014 [процитировано 11 ноября 2018 г.]. Доступно по: <https://www.the-village.ru>.
2. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. Азапкович Т, Скуратов Б, переводчики. Москва: Логос; 2001. 416 с.
3. Soja EW. *Postmodern Geographies: the Reassertion of Space in Critical Social Theory*. New York: Verso; 1989. 266 p.
4. Гейл Я. Города для людей. Токтонов А, переводчик. Москва: Альпина Паблшер; 2012. 276 с.
5. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. Мотылев Л, переводчик. Москва: Новое издательство; 2011. 512 с.
6. Петрофф Н. Urban Baby, или Перспективы культурно-исторического изучения раннего возраста в контексте американского городского социума. *Антропологический форум*. 2010;12:127–137.
7. Malone K. Children, youth and sustainable cities. *Local Environment*. 2001;6(1):5–12. DOI: 10.1080/13549830120024215.
8. Kearns R, Collins D. Crossing roads, crossing boundaries: autonomy, authority and risk in a child pedestrian safety initiative. *Space and Polity*. 2003;7(2):193–202. DOI: 10.1080/1356257032000133937.
9. Freeman C. Colliding Worlds: planning with children and young people for better cities. In: Gleeson B, Sipe N, editors. *Creating Child Friendly Cities*. London: Routledge; 2006. p. 69–85.
10. Child Friendly Cities Initiative [Internet]. 2019 [cited 2019 January 21]. Available from: <https://www.unicef.org.uk/child-friendly-cities/>.

11. International Association of Educating Cities [Internet; cited 2019 January 21]. Available from: <http://www.edcities.org>.
12. Батыгин ГС. Структурный функционализм Толкота Парсонса. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2003;4–5:6–34.
13. Лефевр А. *Производство пространства*. Стаф И, переводчик. Москва: Strelka Press; 2015. 432 с.
14. Матвеева НМ. Общественные центры городов. *Архитектура СССР*. 1972;7:9–13.
15. Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. Коганова ЗВ, редактор. Москва: АСТ; 2006. 873 с. Совместное издание с «Хранитель».
16. Лебедева ЕВ. Трансформация публичного пространства постсоветских городов. *Социология*. 2016;4:107–115.
17. Лебедева ЕВ. Публичное пространство постсоветского города: возможности для развития социальности и «кризис публичности». *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017;20(1):74–92.
18. Глазычев ВЛ. *Урбанистика*. Москва: Европа; 2008. 220 с.
19. Малиновский Б. *Избранное: динамика культуры*. Николаев ВГ, Трубочкин ДП, Порус ВН, переводчики. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2015. 464 с.

References

1. Chehernova E. [Why public spaces in Russia are an imitation of urbanism] [Internet]. 2014 [cited 2018 November 30]. Available from: <https://www.the-village.ru>. Russian.
2. Mumford L. *Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva* [The myth of the machine. Technics and human development]. Azapkovich T, Skuratov B, translators. Moscow: Logos; 2001. 416 p. Russian.
3. Soja E. *Postmodern Geographies: the Reassertion of Space in Critical Social Theory*. New York: Verso; 1989. 266 p.
4. Gehl J. *Goroda dlya lyudei* [Cities for people]. Toktonov A, translator. Moscow: Alpina Publisher; 2012. 276 p. Russian.
5. Jacobs J. *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov* [The death and life of great American cities]. Motylev L, translator. Moscow: Novoe Izdatel'stvo; 2011. 512 p. Russian.
6. Petroff N. Urban Baby, or Perspectives of cultural and historical study of an early age in the context of American urban society. *Antropologicheskii forum*. 2010;12:127–137. Russian.
7. Malone K. Children, youth and sustainable cities. *Local Environment*. 2001;6(1):5–12. DOI: 10.1080/13549830120024215.
8. Kearns R, Collins D. Crossing roads, crossing boundaries: autonomy, authority and risk in a child pedestrian safety initiative. *Space and Polity*. 2003;7:193–202. DOI: 10.1080/1356257032000133937.
9. Freeman C. Colliding Worlds: planning with children and young people for better cities. In: Gleeson B, Sipe N, editors. *Creating Child Friendly Cities*. London: Routledge; 2006. p. 69–85.
10. Child Friendly Cities Initiative [Internet]. 2019 [cited 2019 January 21]. Available from: <https://www.unicef.org.uk/child-friendly-cities/>.
11. International Association of Educating Cities [Internet; cited 2019 January 21]. Available from: <http://www.edcities.org>.
12. Batygin GS. [Structural functionalism of Talcott Parsons]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*. 2003;4–5:6–34. Russian.
13. Lefebvre H. *Proizvodstvo prostranstva* [La Production de l'espace]. Staf I, translator. Moscow: Strelka Press; 2015. 432 p. Russian.
14. Matveeva NM. [Space production]. *Arkhitectura SSSR*. 1972;7:9–13. Russian.
15. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Koganova ZV, editor. Moscow: AST; 2006. 873 p. Co-published by the «Khranitel'». Russian.
16. Lebedeva AV. Transformation of public space in post-Soviet cities. *Sotsiologiya*. 2016;4:107–115. Russian.
17. Lebedeva E. Public space in post-Soviet cities: sociability and «Crisis of publicity». *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2017;20(1):74–92. Russian.
18. Glazychev VL. *Urbanistika* [Urbanism]. Moscow: Europe; 2008. 220 p. Russian.
19. Malinowski BK. *Izbrannoe: dinamika kul'tury* [The dynamics of culture change]. Nikolaev VG, Trubochkin DP, Porus VN, translators. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; 2015. 464 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.07.2018.
Received by editorial board 28.07.2018.

УДК 316.422+115

СОЦИОДИНАМИКА ТРАКТОВОК ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

И. Г. СКОРАЯ¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Пространство и время рассмотрены как субстанциональные основы бытия. Основное внимание уделено концепции социального пространства и времени в теории сетевого общества М. Кастельса. Показано, что в информационном (сетевом) обществе время приобретает новую характеристику и становится мгновенным, вневременным. Взаимоотношения между временем и обществом постоянно меняются, поэтому в постиндустриальном обществе сетевое типа истолкование времени в ритмических периодах производственно-практической деятельности предполагается через такое важное понятие, как распространение темпоральных характеристик не только на практико-деловую, но и на досуговую деятельность человека.

Ключевые слова: время; социальное время; мгновенное время; вневременное время; сетевое общество; темпоральность; социодинамика; досуговая деятельность.

SOCIODYNAMICS OF TIME INTERPRETATIONS IN MODERN PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

I. G. SKORAYA^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The substantive foundations of being (space and time) were considered. The main attention is paid to the concept of social space and time in the theory of network society by M. Castells. It is shown that in the information (network) society, time acquires a new characteristic and becomes instantaneous, timeless. Since the relationship between time and society is constantly changing, in the post-industrial society of the network type the interpretation of time in the rhythmic periods of production and practical activity presupposes an important concept of application of temporal characteristics not only to practical-business, but also to leisure activities of an individual.

Keywords: time; social time; instant time; timeless time; network society; temporality; socio-dynamics; leisure activities.

В условиях становления и стремительного развития сетевого общества существенно меняются философские и социологические трактовки многих критериальных характеристик развития объективной реальности и ее отражение в научных понятиях. Такие изменения затронули даже субстанциональные основы бытия – пространство и время.

После создания А. Эйнштейном теории относительности и введения ее в научный оборот в начале XX в. в корне изменилось представление о структуре пространства и времени. Общая теория относительности постулирует кривизну космического пространства и утверждает, что в космосе из-за действия крупных объектов пространство несколько

Образец цитирования:

Скорая ИГ. Социодинамика трактовок времени в современной философии и социологии. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019;2:54–58.

For citation:

Skoraya IG. Sociodynamics of time interpretations in modern philosophy and sociology. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2019;2:54–58. Russian.

Автор:

Инна Геннадиевна Скорая – аспирантка отдела социологии культуры. Научный руководитель – академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор Е. М. Бабосов.

Author:

Inna G. Skoraya, postgraduate student at the department of sociology of culture.
ina.skoraya@yandex.by
<https://orcid.org/0000-0001-5233-6225>

ко искривляется, а это ведет к тому, что происходят изменения и во времени, ведь пространство и время – неразделимые проявления одной и той же сущности – так называемого пространственно-временного континуума [1, с. 39]. Пространственно-временной континуум представляется в виде четырехмерного пространства – времени с четырьмя осями координат – x, y, z и t . Специальная теория относительности рассматривает и характеризует особенности пространства-времени с позиции человека-наблюдателя. При этом предполагается, что происходит замедление и искажение времени, зависящее от массы тела и от скорости.

Выдвинутая в 1980-х гг. физиками-теоретиками Д. Шварцем и М. Грином теория струн внесла фундаментальные изменения в повседневный мир науки, в том числе в истолкование особенностей пространства и времени. Теория струн предполагает, что микрочастицы не имеют форму шара, а представляются в виде удлинённых струн, обладающих способностью пронизывать всю нашу Вселенную. Понятия массы, скорости частиц определяются вибрациями этих струн, и каждая из них теоретически находится в многообразии Калаби – Яу [2, с. 95]. Компактификация многообразий представляет собой очень искривлённое пространство, и в соответствии с теорией многообразия микрочастицы ничем не связаны в пространстве и в виде небольших шариков движутся отдельно друг от друга. Теория струн практически исключает разграничения при соединении двух микрочастиц. Если микрочастицы представляют собой шарики, то возможно отследить их пределы в пространстве – времени при соединении. Если соединяются разрозненные струны, то границы их соединения рассматриваются с разных углов. При изучении этих пределов под разными углами мы получим совершенно разные результаты границ их соединения, т. е. точного понятия такой границы просто нет.

Позиция диалектико-материалистической сущности времени выражена Ф. Энгельсом: основные формы пространства и бытия, которые существуют всегда, составляют основу пространства и времени, их наличие и значение [3, с. 119]. Это показывает, что время – неотъемлемый фактор в человеческой жизни. Оно является одним из необходимых компонентов материального мира, который включает в себя всю территорию социального пространства, а также людей, населяющих его и действующих во времени.

Необходимо различать два типа времени: 1) время как объективное свидетельство описания реальности (физическое время); 2) время как субъективная характеристика (социальное время).

Физическое время имеет свойство существовать независимо от людей и восприятия, однако, когда человек пытается его измерить, оно будет

выходить за пределы объективной реальности, в мир интеллектуального размышления в виде категорий. Время объективно, но масштаб его измерения – субъективная конструкция. Фактуально физическое время не делится на века, годы, дни, часы и минуты – это только категории, помогающие людям понимать и измерять физическое время.

Главные особенности времени – очередность и продолжительность. События следуют друг за другом в определенном порядке, и каждое из них имеет свою длительность. Доктор социологических наук В. М. Пича считает, что под временем стоит понимать любой процесс, который происходит в окружающем нас мире. Феномен времени производит выражение всего сущего, что происходит в природе, обществе и жизни человека. Любые действия и бездействия в окружающем нас мире затрагивают временные рамки. Весь мир обусловлен некими процессами, ограниченными временным характером. Жизнь отдельного индивида и человеческого общества в целом измеряется временем [4, с. 239].

Чтобы более детально изучить время в социальном контексте, нужно учесть его особенности. С нашей точки зрения, наиболее точная характеристика времени дана доктором философских наук В. С. Поликарповым. Из 12 изученных им характеристик времени наиболее значимы для данного исследования следующие.

1. *Многомерность.* Практическая деятельность представляет собой основной способ существования человека. Благодаря ей человек попадает в сферу многообразия, выходя за пределы обыденной жизни.

2. *Субъективная сторона.* Социальное время – форма имеющего длительность целеполагания субъектно-преобразующей деятельности людей.

3. *Ценностное значение.* Время в качестве формы существования людей выступает одновременно и богатством, и ценностью [5, с. 34].

Доктор социологических наук В. И. Ильин отметил способность социального времени преобразовываться в другие ресурсы, подчеркнув, что время является субъективным измерением, так как единица астрономического времени переживается каждым индивидом по-разному [6, с. 158].

Социологический аспект в изучении времени начинается с работ Э. Дюркгейма. Ученый отметил ритмичность общества, развив идею «качественного времени» [7, с. 211]. Он считал, что обществу и его членам присуще только общее временное сознание, а время выступает в качестве социальной категории. Время в социальном контексте представляет собой чередование различных жизненных событий, а пространство – порядок расположения этих событий. Единица времени – интервал, кото-

рый соответствует единице активности социальной жизни. Э. Дюркгейм указывал, что именно движение и жизнь общества – основа временной категории. Конструкция времени в социальном аспекте формируется по определенным точкам отсчета, которые имеют вес в зависимости от представлений людей о значении того или иного явления в их жизни, т. е. само построение социального времени основывается на ценностных ориентациях. Если системы ценностей отличаются, то изменяется и строение времени в социальном контексте, ведь ритм социальной жизни – это определенная социальная практика, которая воспринимается через установленную систему ценностей.

С более глубоких теоретико-методологических оснований анализирует данную проблему К. Маркс. Он утверждал, что основа образа жизни человека состоит в реализации деятельности в едином измерении со временем: это та базовая черта, которая позволяет оценить важность времени для человека, ведь реализация конкретным индивидом своего времени зависит от внешних факторов, прежде всего от наличия личной свободы. Отсюда К. Маркс вывел действие закона социального и личностного развития человека («закон экономии времени») [8, с. 54]. Ученый указывал, что любая экономия сводится в конечном счете к экономии времени. Из данного закона вытекает и обратная теория: если человек тратит ресурсы на что-либо существенное, он будет иметь затраты во времени, которое издавна считалось самым ценным благом, которым располагает человек, и от того, каким образом он им распорядится, зависит его дальнейшая судьба. Таким образом, К. Маркс объяснил феномен времени, изучив объективные повседневные потребности человека с учетом самореализации и совершенствования.

П. Бурдьё, опираясь на методологию Маркса, показал, что стоимость товара зависит от времени, необходимого для его производства. В результате, по мнению французского ученого, ценность нравственных взглядов, вкусов определяется временными ресурсами, которые можно развить благодаря использованию интернета, музыки и иных средств коммуникации [9, с. 107].

Философ-экзистенциалист Ж.-П. Сартр утверждал, что временность – это организационная структура, а три способа существования времени – прошлое, настоящее и будущее – следует рассматривать как совокупность «данных», составляющих бесконечное число «сейчас» как структурирование момента первоначального синтеза [10, с. 624]. В его интерпретации будущее содержит в себе природу возможного, которое может быть реализовано как вынашиваемый человеком проект в процессе его активной деятельности. Под действиями, по мнению Сартра, нужно понимать всю синтетическую активность индивида, т. е. полное расположение

средств, необходимых для достижения прогнозируемых целей. Таким образом, человек всегда обречен на свободу в своих пространственно-временных характеристиках, неразрывно связанных с ответственностью за все происходящее, и в творческой активности.

С точки зрения Сартра, рассмотрение любого действия возможно через призму дихотомичности «бытия-для-себя» и «бытия-в-себе». Это говорит о том, что время трактуется им через имманентное начало, которое и устанавливает наличие трансцендентного временного истолкования.

Американский социолог Д. Белл, предложивший одну из важнейших концепций постиндустриального общества, делил макроглобальные характеристики времени на три этапа: период доиндустриального развития, период индустриального развития, период постиндустриального развития [11, с. 56].

Так, основной движущей силой постиндустриального общества являются знания, навыки, информационные технологии, которые воздействуют практически на все сферы жизнедеятельности. Сейчас именно информационно-коммуникационные технологии – основной драйвер развития общества. По мнению российского академика Н. Н. Моисеева, на поиски и работу с информацией у человека уходит сегодня примерно 80 % от общих затрат времени [12, с. 65].

Важная составляющая постиндустриального общества – развитие сферы услуг и постепенное вытеснение производства товаров. Например, в 1990-х гг. уровень развития названной отрасли во многих западных странах был высоким: в США этот показатель достиг 67,7 %, в Италии – 62,6 % [13, с. 167]. Значит, уже в конце XX в. в ряде развитых стран доля сферы услуг в структуре ВВП составляла более 60 %, что свидетельствовало об интенсивном переходе к постиндустриальному обществу. В экономике приобрели вес профессии, связанные со сферой информации, т. е. наука и технологии, создаваемые и распространяемые ими информационные потоки послужили основой для становления постиндустриального общества.

Испано-американский философ и социолог М. Кастельс в теории сетевого общества показал самые крупные изменения, произошедшие при истолковании значимых радикальных трансформаций характеристик времени.

На протяжении всей истории цивилизации информация всегда играла существенную роль, однако в результате формирования постиндустриального общества возможность генерировать, обрабатывать и передавать информацию стала фундаментальным источником производительности и власти. Именно поэтому Кастельс связывает постиндустриальное общество не только с информационным, но и с сетевым.

Он ввел понятие «сетевое общество» в 1996 г. [14, с. 61]. Так, в силу широкого распространения электронных коммуникаций они образуют глобальную сеть (инфомагистраль, Всемирную паутину), охватывающую все жизненно важные функции социума. Из этого складывается система специальных открытых структур, элементов и узлов, способных на основе сообщений неограниченно расширяться в ее пределах через одни и те же коды связи. Система имеет гибкий, адаптивный, эволюционный характер [14, с. 62–67].

Введенная М. Кастельсом концепция социального пространства и времени очень важна для развития науки. Если представить, что в основе информационного общества лежат пространства потоков, то можно сделать вывод о том, что населенные пункты видоизменяют свои классические характеристики географического, экономического и исторического значения, так как они интегрированы в функционально разнообразные взаимодействующие сети.

Кастельс полагает, что такие города, как Лондон, Париж и прочие, это не столько населенные пункты со своими базовыми характеристиками, сколько потоки и процессы информации. Ученый предположил, что сетевое общество характеризуется разрушением биологического и социального ритма, связанного с жизненным циклом людей [15, с. 414]. Информационный век и новая экономика в трудах Кастельса – это новая концепция темпоральности, выражаемая термином «вневременное время» [14, с. 51]. Другими словами, в информационном (сетевом) обществе время становится вневременным и имеет новую характеристику темпоральности. Его можно рассматривать по-разному в каждом социальном контексте, и новая общественная концепция позволяет создать некую систему, при которой прошлое, настоящее и будущее могут быть запрограммированными в едином сообщении. При этом регулирование времени будет происходить на основании социальных концепций. В данном процессе осуществляется размытие цикла, что приводит к разного рода социальным аритмиям, основывающимся на принципе последовательности событий жизни. Следует заметить, что у нее социобиологический характер, отражающий гибкую, весьма изменчивую реальность.

М. Кастельс указывает, что одно из самых важных умений индивида – умение правильно ис-

пользовать время как базу современного капитала в силу того, что в сетевом обществе вся система управления основывается на гибкой темпоральности: сокращение производственного и обменного времени является ядром новых организационных форм хозяйственной деятельности, капитал сжимает время, впитывает его в себя, существуя за счет его перевзвешивания [14, с. 405].

Следует иметь в виду, что истолкование времени в ритмических периодах производственно-практической деятельности предполагается через такое понятие, как распространение темпоральных характеристик не только на практико-деловую, но и на досуговую деятельность человека. Считаем, что само понятие досуга возникло в индустриальном обществе и было модернизировано в сетевом. Сейчас для обеспечения досуга задействован целый ряд человеческих ресурсов и для эффективной реализации данной деятельности следует создавать конкретные социально-экономические условия. Первое из них связано с тем, что само общество не может организовать досуг, включив в него только ряд определенных обязанностей, поскольку современная индустрия досуга требует индивидуального подхода для тех или иных сфер деятельности каждого человека. Следующее условие заключается в том, что любая деятельность, в которой участвует человек, в каждом случае должна быть отделена от других видов деятельности и организована таким образом, что ее можно отделить от свободного времени и теоретически, и практически.

Наконец, социально-технический контекст общественных отношений задает новую временную структуру темпоральной реальности (меняется конфигурация временных характеристик). Сетевизация общества вызывает качественно новое изменение времени: возникает мгновенное время. У человека появляется возможность в любое время отправить (получить) сообщение (информацию) в любую точку мира. Все это побуждает переосмыслить подходы к некоторым видам досуга и его темпоральным характеристикам.

Таким образом, взаимоотношения между временем и обществом постоянно меняются. В информационном обществе свободное время приобретает новое значение темпоральности, трансформируется, адаптируется к новым условиям жизнедеятельности человека, его миропониманию и мироистолкованию.

Библиографические ссылки

1. Мицкевич НВ. *Релятивистская физика. Специальная теория относительности. Общая теория относительности*. Москва: Либроком; 2014. 200 с.
2. Владимиров ЮС. *Метафизика*. Москва: БИНОМ. Лаборатория базовых знаний; 2002. 550 с.
3. Маркс К, Энгельс Ф. *Экономические рукописи 1857–1859 гг.* В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 46, часть 1*. 2-е издание. Москва: Политиздат; 1978. с. 115–137.
4. Пича ВМ. *Социология свободного времени*. Львов: Свит; 1990. 149 с.

5. Поликарпов ВС. *Время и культура*. Харьков : Вища школа; 1987. 68 с.
6. Лолаев ТП. Свойства времени: их современная интерпретация. *Философия и общество*. 2005;4:158–171.
7. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные. В: Дюркгейм Э. *Социология: ее метод; предмет, предназначение. Работы разных лет*. Гофман А, переводчик. Москва: Канон; 1995. с. 209–220.
8. Пилипенко ПА. Время: относительная онтология. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2015;15(1):53–57.
9. Насырова ЭА. Логико-философская интерпретация и лингвистический аспект категории времени. *Вестник Башкирского университета*. 2012;17(2):105–115.
10. Сартр Ж-П. *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*. Колядко В, переводчик. Москва: Республика; 2009. 928 с.
11. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Иноземцев В, редактор. Москва: Academia; 1999. 790 с.
12. Моисеев НН. *Избранные труды. Том 2*. Москва: Тайдекс Ко; 2003. 264 с.
13. Кушмир ИВ. *Макроэкономика*. Москва: Аллель; 2014. 379 с.
14. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Шкаратан О, переводчик. Москва: ГУ ВШЭ; 2016. 680 с.
15. Кастельс М. *Власть коммуникации*. Тылевич НМ, переводчик. Черных АИ, редактор. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2016. 564 с.

References

1. Mickiewicz NV. *Relyativistskaya fizika. Spetsial'naya teoriya otnositel'nosti. Obshchaya teoriya otnositel'nosti* [Relativistic physics. Special theory of relativity. General theory of relativity]. Moscow: Librokom; 2014. 200 p. Russian.
2. Vladimirov YuS. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy; 2002. 550 p. Russian.
3. Marx K, Engels F. [Economic manuscripts of 1857–1859]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 46, chast' 1* [The works. Volume 46, part 1]. 2nd ed. Moscow: Politizdat; 1978. p. 115–137. Russian.
4. Pica VM. *Sotsiologiya svobodnogo vremeni* [Sociology of the free time]. Lviv: Svit; 1995. 149 p. Russian.
5. Polikarpov VS. *Vremya i kul'tura* [Time and culture]. Kharkov: Vishha shkola; 1987. 68 p. Russian.
6. Lolaev TP. [Properties of the time: their modern interpretation]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2005;2:159–171. Russian.
7. Durkheim E. [Individual views and collective views]. In: Durkheim E. *Sotsiologiya: ee metod; predmet, prednaznachenie. Raboty raznykh let* [Sociology: its method, subject, purpose. Works of different years]. Gofman A, translator. Moscow: Kanon; 1995. p. 209–220. Russian.
8. Pilipenko PA. Time: relative ontology. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2015;15(1):53–57. Russian.
9. Nasyrova EA. Logical and philosophical interpretation and linguistic aspect of the category of time. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2012;17(2):105–115. Russian.
10. Sartre J-P. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and nothing. Experience of phenomenological ontology]. Kolyadko V, translator. Moscow: Respublika; 2000. 698 p. Russian.
11. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial society. The experience of social forecasting]. Inozemtsev V, editor. Moscow: Academia; 1999. 790 p. Russian.
12. Moiseev NN. *Izbrannyye trudy. Tom 2* [Selected works. Volume 2]. Moscow: Taydeks Ko; 2003. 264 p. Russian.
13. Kushnir IV. *Makroekonomika* [Macroeconomics]. Moscow: Allel; 2014. 379 p. Russian.
14. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information age: economy, society and culture]. Shkaratan O, translator. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2016. 680 p. Russian.
15. Castells M. *Vlast' kommunikatsii* [The power of communication]. Tylevich NM, translator; Chernykh AI, editor. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2016. 564 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.01.2019.
Received by editorial board 17.01.2019.

УДК 316.614

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ В БЕЛАРУСИ

О. Е. ДМИТРИЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены особенности социализации пожилых людей, такие проблемы и риски на этом этапе, как нехватка четко определенных ролей, социальная исключенность, депривация, эйджизм. Представлены результаты эмпирического исследования межпоколенных взаимоотношений в современной белорусской семье «Беларусь: формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях» (2017). Объект исследования – граждане Республики Беларусь старше 18 лет (9996 человек). Результаты исследования показывают, что в белорусских семьях взаимоотношения между пожилыми людьми и их взрослыми детьми продолжают строиться в русле традиционных семейных ценностей, т. е. отношения между поколениями достаточно близкие. Старшие помогают молодежи в уходе за их детьми, поддерживают финансово, а молодежь заботится о родителях, оказывая им помощь по дому и ухаживая за ними.

Ключевые слова: социализация; пожилые люди; старшие поколения; пенсионеры; риски; внутрисемейные взаимоотношения поколений.

INTRA-FAMILY RELATIONSHIPS OF GENERATION IN BELARUS

O. E. DMITRIEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The features of socialization of the elderly, as well as problems and risks at this stage, such as the lack of clearly defined roles, social exclusion, deprivation, ageism, are considered. It also presents the results of research of intergenerational relationships in the modern Belarusian family, conducted in the framework of the survey «Belarus: family formation, stability of family relations and fertility in changing socio-economic conditions» (2017). The object of the research was citizens of the Republic of Belarus over 18 years old (9996 people). The results show that the relationship between elderly people and their grown up children in Belarusian families are still built within the framework of traditional family values, meaning intergenerational relationships remain close enough, and older parents and their children are ready to take care of each other. Older generations help young people in caring for children and support them financially. Young people take care of their parents, helping them with household chores and personal care.

Keywords: socialization; elderly people; older generations; retirees; risks; intra-family relationships of generations.

Образец цитирования:

Дмитриева ОЕ. Внутрисемейные взаимоотношения поколений в Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;2: 59–67.

For citation:

Dmitrieva OE. Intra-family relationships of generation in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;2:59–67. Russian.

Автор:

Ольга Евгеньевна Дмитриева – старший преподаватель кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga E. Dmitrieva, senior lecturer at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.
dmitriewa75@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0133-4139>

Проблема социализации пожилых людей с каждым днем приобретает все большую актуальность, поскольку в современном обществе наметился ряд тенденций, изменяющих отношение к старости, роли и статусу старших поколений в социуме, трансформирующих ценностные ориентации и стереотипы о стариках, нормативные параметры и репертуар их ролей.

Во-первых, общество переходит от постфигуративной к кофигуративной культуре с элементами культуры префигуративной. Выдающийся американский этнограф М. Мид отмечает, что постфигуративная культура основывалась на передаче опыта и традиций от старших поколений к младшим внутри расширенных патриархальных семей. В кофигуративной культуре дети и взрослые учатся не только у старших, но и у сверстников; для нее характерна нуклеарная семья, состоящая только из родителей и детей. Префигуративная культура возникает в результате стремительного развития технологий, когда старшие поколения не успевают их осваивать. В этих обстоятельствах не только дети учатся у родителей, но и родители учатся у своих детей [1, с. 222–248]. Российский исследователь феномена старости Н. А. Рыбакова делает вывод, что «старикам нужны для сохранения преимущественно постфигуративной культуры, тогда как кофигуративная и особенно префигуративная культуры все менее нуждаются в стариках как носителях и хранителях традиций, обычаев, образа жизни... знаний, жизненного опыта, мудрости» [2, с. 7].

Во-вторых, в течение последних десятилетий серьезно трансформируется возрастная структура общества, что выражается в сокращении численности и старении населения. Среди стран СНГ Беларусь является самой старой и быстро стареющей [3]. Доля населения Беларуси старше трудоспособного возраста уже превысила 25 %, а к 2035 г. будет составлять 27,7 % [4]. Пожилые люди занимают все более значимое место в обществе, но при этом возникает парадоксальная ситуация: бурные изменения темпов жизни приводят к тому, что опыт старших поколений оказывается для молодых менее пригодным, чем это наблюдалось раньше, и число этих «ненужных людей» постоянно растет [2, с. 8]. Известно, что люди в возрасте около 60 лет болезненно переживают блокирование их важнейшей потребности в передаче жизненного опыта, игравшей ранее историческую роль в сохранении и развитии культуры [5, с. 83]. Сегодня наблюдается противоположная тенденция: дети и внуки становятся для пожилых людей своеобразными опекунами, наставниками и проводниками в социуме. Старшие поколения нуждаются в содействии по бытовым, экономическим, медицинским и социальным вопросам, в психологической поддержке на этапе адаптации к новым условиям жизни. При

этом между молодыми людьми и пожилыми растет информационная лагуна, усугубляющая конфликты поколений [6, с. 19].

Перед обществом встает проблема продления активного долголетия и сохранения удовлетворительного жизненного потенциала пожилых людей до их глубокой старости. Таким образом, необходимо уделить особое внимание их социализации – процессу «овладения новыми ценностями, ролями, навыками с тем, чтобы при изменении образа жизни и прекращении трудовых форм активной деятельности сохранить и как можно дольше поддерживать связи с окружающим миром, дееспособность и интерес к жизни» [7, с. 36].

Рассмотрим особенности социализации пожилых людей (старше 60 лет), их проблемы и риски на этом этапе, возникающие вследствие смены социокультурных традиций и трансформации возрастной структуры общества.

С наступлением пожилого возраста человек переходит из зрелого трудозанятого возраста в пенсионный. Для многих людей это событие порождает новые проблемы и новый стиль жизни. Меняются степень вовлеченности в трудовую сферу (прежде главный источник существования), социальное окружение (вместо коллег – семья, соседи и друзья), привычные социальные роли; происходит примирение с новыми ролями. С переходом к новым социальным условиям начинается новый этап социализации со своими особенностями [8, с. 42], когда свертываются социальные функции и человек переходит в пенсионный статус.

Отличительная черта социализации в пожилом возрасте – нехватка четко определенных ролей, частым следствием которой является стремление пожилых выглядеть моложе [9, с. 123]. После выхода на пенсию стареющий человек попадает в уникальную для него по степени сложности и непривычности ситуацию неопределенности, когда ему приходится самостоятельно вырабатывать требования к своему поведению [10, с. 51].

На наш взгляд, репертуар ролей и ролевой социализации пожилых людей в Беларуси и России примерно одинаков. Е. А. Здравомыслова и Н. М. Божко выделяют три основные роли для пожилых людей, способствующие их социальной интеграции: роли бабушки и дедушки; уход за более старшими родственниками; работающие пенсионеры. Эти роли делают жизнь пожилого человека насыщенной, осмысленной, нужной, но одновременно несут определенные риски, если имеют принудительный характер и выполняются от безвыходности. Еще одна роль, в которую вовлечены люди старшего возраста, – роль пациентов и клиентов социальных сервисов [11, с. 59–61]. Стремительное развитие и внедрение во все сферы жизни информационно-коммуникационных технологий, превышающие возможности адаптации к ним, актуализируют, на

наш взгляд, еще одну роль для пожилого человека – роль ученика.

Как правило, с прекращением трудовой деятельности начинается «цикл исключенности» (В. ван Винден). Сейчас многие пенсионеры стремятся продолжить работу, чтобы поддерживать не только свое материальное положение, но и социальные связи, интерес к жизни. Специалисты отмечают, что «среди продолжающих работать по достижении пенсионного возраста больше тех, кто получил высшее образование, меньше тех, кто стоит на нижних ступенях образовательной иерархии» [12, с. 103]. Среди неработающих пенсионеров более половины, безусловно, хотели бы иметь работу или не отказались бы от нее; 41 % желающих иметь работу нуждаются в помощи при ее поиске [6, с. 29]. Процессы нисходящей социальной мобильности протекают заметно легче у пожилых людей, продолжающих трудовую деятельность, даже несмотря на снижение их статуса по сравнению с прежним [6, с. 11]. Однако многие организации и предприятия внедряют политику омоложения кадров, и пожилой работник вынужден прекратить активную трудовую деятельность, рискуя стать экономически, а затем и социально исключенным. Для него резко снижается степень доступности товаров и услуг, сужается их спектр, ограничивается возможность участия в общественной жизни. В результате неравного доступа к социальным благам возрастает риск депривации. Выделяют следующие направления депривации пенсионеров: экономическая (бедность); культурная и образовательная (ограничение возможности получения дополнительного образования и организации культурного досуга); социальная (пренебрежение к старости и отчуждение пожилых людей от социума) [6, с. 17]. Происходит ломка социальных норм и связей.

Процесс социализации старшего поколения также затрудняется проявлениями эйджизма. На межличностном уровне, в семейных отношениях эйджизм выражается в отсутствии понимания, нетерпении, росте раздражительности и конфликтах, невнимании, игнорировании потребностей и др. [11, с. 66]. На уровне институтов и организаций госслужащие, поставщики услуг, волонтеры, работодатели, даже медики и педагоги часто опираются на устаревшие стереотипы, демонстрируя предвзятое отношение к пожилому человеку, ограничивая его возможности [11, с. 55]. По данным Всемирной организации здравоохранения, полученным в результате исследования жизненных ценностей, не менее 60 % респондентов, проживающих в самых различных регионах мира, сообщили, что пожилые люди сталкиваются с неуважительным к себе отношением, причем самый низкий уровень уважения был отмечен в странах с высоким уровнем доходов [13].

Согласно психосоциальной концепции развития личности Э. Эриксона, на последнем жизненном этапе человек переосмысливает пережитое и в результате такого размышления возникает либо умиротворение, либо отчаяние, усугубленное глубоким внутренним кризисом, значительно ускоряющим процесс старения [9]. Эксперты департамента ВОЗ по проблемам старения и жизненного цикла обращают внимание на то, что негативное отношение к старению и пожилым людям вызывает важные последствия для физического и психического здоровья людей старшего возраста: ощущая себя обузой для окружающих, последние более низко оценивают себя, что подвергает их риску депрессии и социальной изоляции; пожилые негативно воспринимают свое старение, хуже восстанавливаются после состояния нетрудоспособности и в среднем живут на 7,5 лет меньше, чем люди с позитивным отношением к старению [13].

Поскольку об успешной социализации пожилых людей косвенно можно судить по степени их удовлетворенности жизнью, отметим, что «в Беларуси зафиксирован достаточно высокий уровень удовлетворенности жизнью во всех возрастных группах населения как среди мужчин, так и среди женщин. <...> Уровень удовлетворенности жизнью снижается по мере ухудшения самооценки здоровья. Однако, несмотря на ухудшение самооценки здоровья с возрастом, уровень удовлетворенности жизнью у населения старше 50 лет сохраняет стабильно высокие значения. Это означает, что имеют место факторы, компенсирующие ухудшение здоровья и позволяющие сохранять приемлемое качество жизни (удовлетворенность). Полагаем, что основу такой оценки субъективного благополучия составляет высокий уровень семейной поддержки, социальной защищенности белорусов, высокая доступность широкого спектра услуг здравоохранения и легитимность основных институтов государства» [14, с. 166].

Функция заботы и поддержки людей старшего возраста традиционно возлагается на их повзрослевших детей, а взаимоотношения с детьми остаются самым важным фактором в жизнедеятельности пожилых родителей. Проанализируем, каким образом в нынешних социально-экономических условиях выстраиваются отношения между взрослыми поколениями в белорусской семье; выясним, что представляет собой забота о пожилых гражданах и их финансовой поддержке (со стороны семьи и общества). Что думают члены семьи о взаимной поддержке? Готово ли старшее поколение помогать своим взрослым детям? Намереваются ли взрослые дети взять на себя ответственность за заботу о своих родителях? Ответы на эти вопросы представлены в результатах впервые проведенного в нашей стране исследования «Беларусь: формирование семьи, стабильность семейных отношений и рож-

даемость в меняющихся социально-экономических условиях» (2017).

Первые интересующие нас вопросы касались мнения респондентов о том, *чьей задачей является забота о пожилых людях, нуждающихся в помощи, у них дома* (далее – забота о пожилых), а также *кто должен оказывать им финансовую поддержку, если уровень дохода ниже прожиточного минимума* (далее – финансовая поддержка пожилых), – *общество, семья или и те, и другие*. При анализе ответов на поставленные вопросы получены следующие результаты [15, с. 118–120].

Была выявлена общая тенденция: в вопросе заботы о пожилых ($N = 9848$) наше население отдает предпочтение семье, а в вопросе финансовой под-

держки пожилых ($N = 9799$), по мнению респондентов, семья уступает место обществу.

На выбор между обществом и семьей в качестве ответственных за заботу о пожилых людях и их финансовую поддержку могут влиять индивидуальные характеристики респондентов, поэтому проанализируем распределение установок по полу, возрасту, уровню образования, социально-профессиональному статусу, уровню дохода, состоянию здоровья, региону проживания.

Пол. Из тех, кто считает задачей семьи заботу о пожилых ($p = 0,000$; $V = 0,07$) и их финансовую поддержку ($p = 0,000$; $V = 0,056$), большинство составили женщины. Мужчины более склонны делегировать эти обязанности обществу (рис. 1).

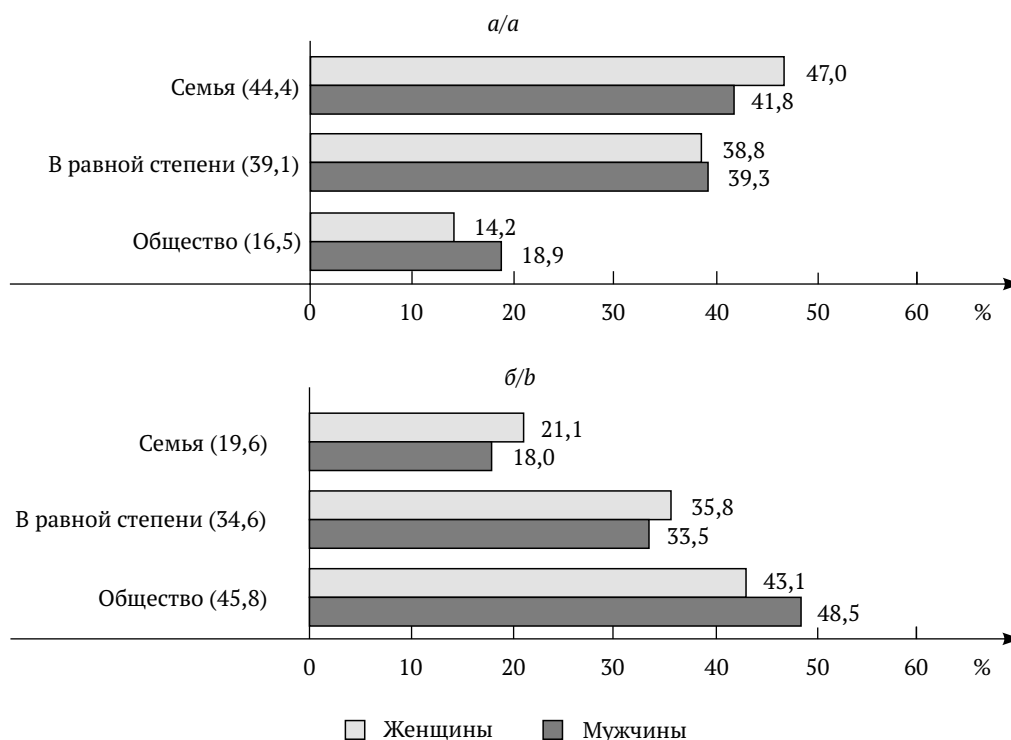

Рис. 1. Распределение ответов мужчин и женщин о том, кто должен заботиться о пожилых людях (а) и оказывать им финансовую поддержку (б)

Fig. 1. Distribution of men and women responses about who should care for supporting the elderly (a) and provide financial support (b)

Возраст. Самые молодые (18–19 лет) (22,9 %) и самые старшие (старше 70 лет) (21,2 %) в большей степени считают заботу о пожилых задачей общества ($p = 0,000$; $V = 0,072$). Люди среднего возраста (40–49 лет) доверяют обществу меньше (13,4 %), а семье – больше (47,5 %).

Чем старше респонденты, тем чаще они высказывают суждение о том, что финансовая поддержка пожилых должна осуществляться обществом ($p = 0,000$; $V = 0,034$): так считает около половины населения, достигшего 60-летнего возраста. В этом вопросе снова выделяется когорта людей 40–49 лет, доверяющая обществу меньше остальных (42,1 %).

Образование. Люди, имеющие самый низкий уровень образования, чаще других считают, что об-

щество должно заботиться о пожилых, и в большей мере ожидают именно от него финансовой поддержки для пожилых. Меньше всего на финансовую поддержку государства рассчитывают респонденты с самым высоким уровнем образования. Чаще остальных они готовы разделить обе задачи поровну между семьей и обществом и реже других считают их делом семьи ($p = 0,000$; $V = 0,042$).

Социально-профессиональный статус. Люди, не занятые в государственном секторе экономики (студенты, безработные, пенсионеры, нетрудоспособные), в большей мере (около 20,4 % ответов), чем остальные (на долю которых приходится 15,1 %), доверяют заботу о пожилых обществу. Больше остальных в этом вопросе на семью рассчиты-

вают люди в отпуске по уходу за ребенком (53 %) и ведущие домашнее хозяйство (48,1 %) ($p = 0,001$; $V = 0,049$). При этом безработные и пенсионеры (около 49 %) и нетрудоспособные граждане (58 %) чаще, чем другие социально-профессиональные группы (около 44,4 %), считают, что финансово поддерживать пожилых людей должно общество. По этому вопросу выделяется мнение людей, помогающих члену семьи на семейном предприятии или крестьянском хозяйстве: только 14,3 % из них выбрали общество, а 57,1 % считают, что это обязанность семьи ($p = 0,000$; $V = 0,058$).

Уровень доходов. Данный критерий следующим образом влияет на мнение респондентов о том, кто должен заботиться о пожилых ($p = 0,000$; $V = 0,078$). Здесь население тоже больше склонно доверять семье, причем респонденты с уровнем дохода выше 800 BYN высказываются в пользу семьи чаще остальных (около 48,4 % против 42,6 %). Имеются различия в ответах на вопрос о финансовой поддержке пожилых в зависимости от уровня доходов ($p = 0,000$; $V = 0,068$): чем ниже доходы респондентов, тем больше они рассчитывают на помощь общества, а не семьи. По мнению 50,2 % людей с уровнем дохода 250–399 BYN, общество должно участвовать в решении финансовых проблем пожилых граждан; 17,9 % считают это задачей семьи (против соответственно 36,3 % и 33,2 % респондентов с уровнем дохода выше 2500 BYN).

Состояние здоровья. Чем хуже состояние здоровья, тем в большей степени респонденты считают, что общество должно заботиться о пожилых людях ($p = 0,000$; $V = 0,041$) и оказывать им финансовую поддержку ($p = 0,000$; $V = 0,038$).

Регион проживания. Выявлена статистически значимая связь между местом проживания и мнением респондентов о том, кто именно должен заботиться о пожилых ($p = 0,000$; $V = 0,068$). В Гомельской и Минской областях эту задачу чаще делегируют либо семье, либо обществу и меньше остальных склонны распределять ее в равной мере между ними.

По вопросу оказания финансовой поддержки пожилым ($p = 0,000$; $V = 0,118$) выделяется Гомельская область, где значительно выше, чем в других регионах, ожидания помощи от общества: респонденты меньше рассчитывают на силы семьи, реже считают, что эта задача в равной степени и государства, и семьи.

Следующий интересующий нас вопрос касался мнения респондентов о том, *должны ли родители помогать своим взрослым детям и, если должны, как именно*. Мы проанализировали степень их согласия со следующими утверждениями:

- «Дедушки и бабушки должны присматривать за внуками, если их родители не могут этого делать» (далее – присмотр за внуками);

- «Родители обязаны обеспечивать финансовую поддержку взрослых детей, когда у них финансовые затруднения» (далее – финансовая поддержка взрослых детей);

- «Родители должны приспосабливать свою жизнь так, чтобы помочь взрослым детям, если те в этом нуждаются» (далее – приспособить свою жизнь).

Полагаем, что ответы на эти вопросы дадут нам представление об ожиданиях молодежи относительно помощи со стороны старших поколений в семье, а также о готовности родителей оказывать эту помощь своим взрослым детям. Как видно на рис. 2, основная роль, которая отводится старшим поколениям, – роль бабушки и дедушки (73 %), что неудивительно, поскольку в нашем обществе эти функции наиболее характерны для пожилых людей, имеющих семьи. Также актуальна финансовая поддержка взрослых детей родителями (65,6 %). На наш взгляд, это связано с сохранившейся традицией межпоколенных взаимоотношений в расширенных патриархальных семьях и с ухудшившейся экономической ситуацией в стране. И только чуть более половины респондентов (54 %) считают, что родители должны приспосабливать свою жизнь к тому, чтобы помочь взрослым детям; более четверти (25,9 %) с этим утверждением не согласны. С нашей точки зрения, такое распределение ответов связано с традицией взаимоотношений поколений в нуклеарных семьях. Кроме того, приспособление жизни родителей под нужды взрослых детей может быть затруднено в связи с трудовой занятостью первых либо их преклонным возрастом.

По всем вопросам мужчины и женщины демонстрируют сходные мнения.

Выявлена статистически значимая связь между возрастом респондентов и их мнениями относительно помощи родителей своим взрослым детям: присмотр за внуками ($N = 9823$; $p = 0,000$, $c = -0,082$); финансовая поддержка взрослых детей ($N = 9839$; $p = 0,000$; $c = -0,084$); приспособить свою жизнь ($N = 9768$; $p = 0,000$, $c = -0,099$). По всем трем вопросам в распределении ответов наблюдаются следующие одинаковые тенденции.

Чем старше респонденты, тем большую степень согласия они демонстрируют по каждому утверждению. Это может объясняться тем, что для пожилых родителей взаимоотношения со своими детьми весьма существенны и с возрастом люди стремятся укрепить эту связь, оказывая поддержку разного рода.

Мнение молодежи (18–30 лет) практически не отличается от мнения представителей среднего возраста (45–59 лет), что может объясняться ее зависимостью от старших поколений в силу неустойчивости быта и наличия маленьких детей, повто-

рением, воссозданием родительских установок из-за недостаточности собственного жизненного опыта (молодежь – это дети поколения среднего возраста).

Респонденты в возрасте 31–44 лет по всем вопросам проявляют наименьшую степень согласия и наибольшую – несогласия. Возможно, это связано с высоким уровнем трудовой занятости и финансовой независимостью, наличием взрослых детей – поэтому у людей этого возрастного диапазона снижается потребность в том, чтобы старшее поколение помогало им по уходу за их детьми. Однако такие установки могут восприниматься пожилыми людьми как проявление эйджизма.

Выявить взгляды взрослых детей по поводу взаимоотношений с пожилыми родителями возможно, оценив их согласие со следующими утверждениями:

- «Дети должны взять на себя ответственность за заботу о родителях, когда те в этом нуждаются» (далее – забота о родителях);
- «Дети обязаны обеспечивать финансовую поддержку родителей, когда у них финансовые затруднения» (далее – финансовая поддержка родителей);
- «Дети должны забрать к себе родителей, если те уже не могут сами позаботиться о себе» (далее – забрать родителей к себе).

Для исследования были отобраны респонденты, которые живут отдельно от своих родителей и у которых жив хотя бы один из родителей ($N = 4483$), оба родителя живы (53,6 %), жива только мать (40,2 %), жив только отец (6,2 % респондентов) [11, с. 120–121].

Так, была выявлена высокая степень согласия взрослых детей с каждым из утверждений: 90,5 % респондентов согласны заботиться о родителях; 84,1 % взрослых детей согласны поддерживать родителей финансово и 88,2 % согласны забрать родителей к себе.

Обнаружено влияние возраста взрослых детей на их согласие обеспечивать родителей финансовой поддержкой ($p = 0,00$; $c = 0,073$). Около 88,7 % молодых респондентов в возрасте 18–29 лет чаще готовы помогать родителям. Среди 70-летних респондентов процент согласия с данным утверждением снижается до 82,3 %. Респонденты старше 70 лет полностью согласны (100 %) на финансовую поддержку родителей.

С увеличением возраста респондентов постепенно снижается и согласие респондентов забрать родителей к себе ($p = 0,01$; $c = 0,45$): 94,7 % в 18–19 лет; 83,3 % (к 69 годам); после 70 лет – 66,7 %. Эти данные могут быть связаны с нежеланием пожилых людей обременять жизнь младших поколений до тех пор, пока силы и здоровье позволяют проживать отдельно от детей.

Существенного влияния других индивидуальных характеристик респондентов не выявлено. Однако при сравнении ответов респондентов, живущих совместно со своими родителями и проживающих отдельно, обнаружено, что взрослые дети, живущие вместе с родителями, чаще проявляют согласие/единодушие по всем трем вопросам (см. рис. 3). По-видимому, это можно объяснить тем, что у респондентов, живущих вместе с родителями, не зафиксировано существенных негативных изменений в жизни.

Исследователь социальных сетей поддержки Н. В. Ефимова полагает, что в белорусских семьях в передачу финансовых трансфертов более вовлечены мужчины, а в остальных видах помощи активнее участвуют женщины. В качестве реципиентов, получающих финансовую помощь, чаще всего выступают молодые люди до 39 лет, преимущественно биологические и приемные дети доноров [16, с. 115]. В меньшей степени финансовая помощь поступает от взрослых детей к престарелым родителям.

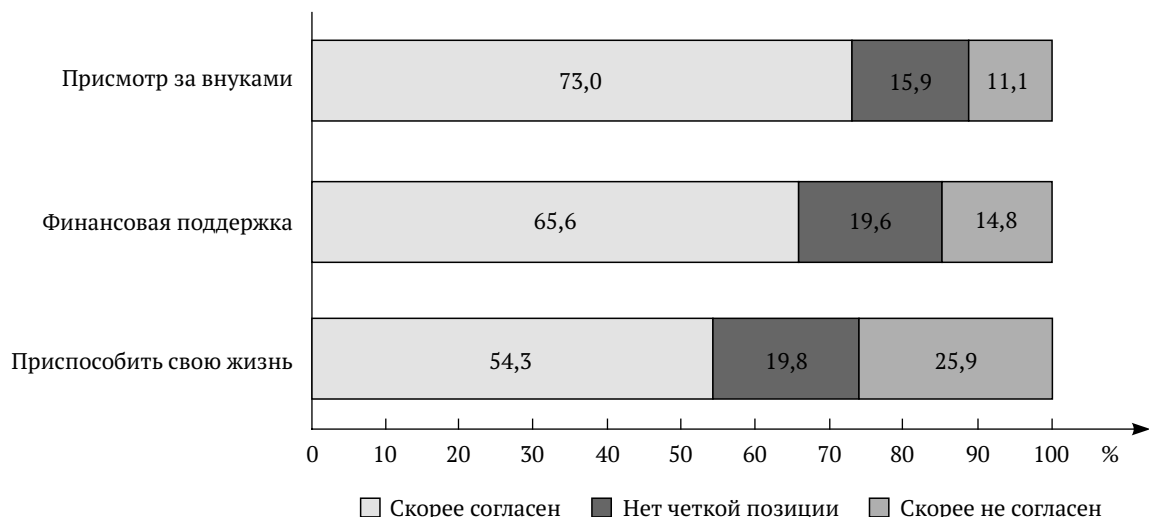

Рис. 2. Распределение ответов респондентов о помощи родителей своим взрослым детям
Fig. 2. Distribution of answers of respondents about parental assistance to their adult children

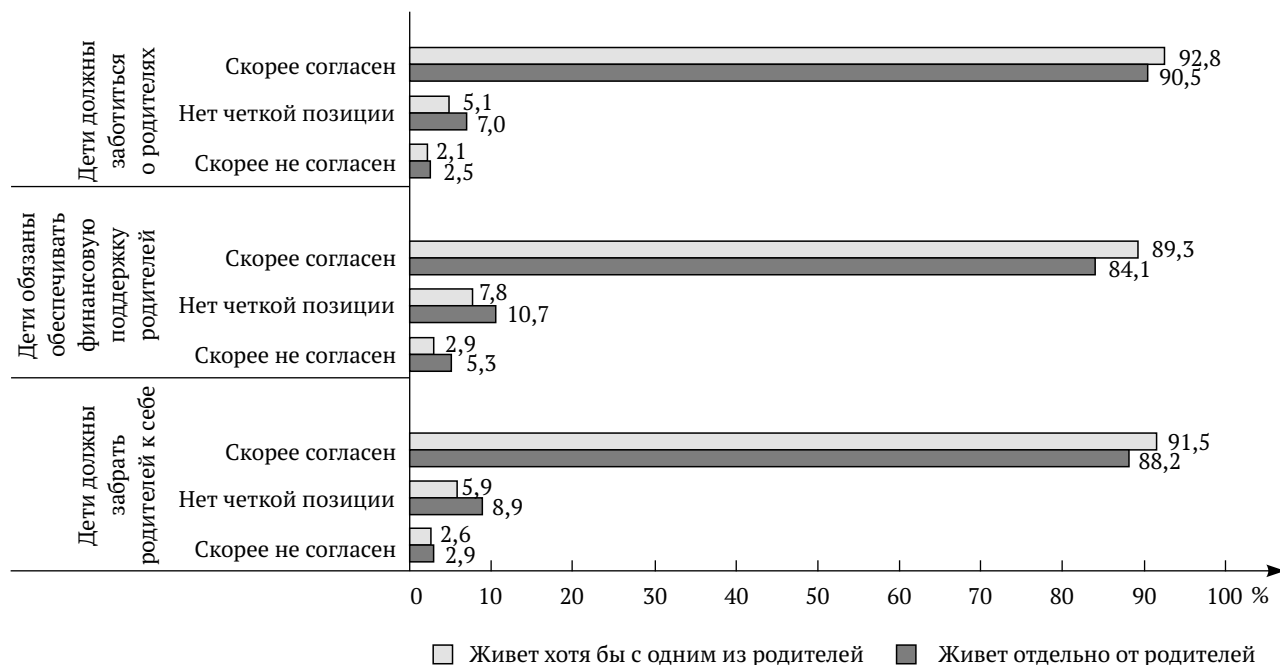

Рис. 3. Влияние совместного проживания с родителями на мнение о том, должны ли дети помогать своим престарелым родителям
Fig. 3. The impact of co-residence with parents on respondent opinion about children's duty to care for their elderly parents

В белорусских семьях «наиболее развита неформальная сеть поддержки по уходу за детьми. Можно с уверенностью констатировать, что каждая пятая семья, имеющая детей до 14 лет, пользуется регулярной помощью родителей, а также других родственников. Менее развиты неформальные сети регулярной практической помощи по дому и регулярной помощи по уходу за собой (для тех граждан, кото-

рые лишены возможности ухаживать за собой самостоятельно). Но если в сетях по уходу за детьми основную нагрузку берут на себя родители, то в сетях практической помощи и помощи по уходу за собой дети чаще оказывают поддержку родителям, а также представителям старшего поколения (дедушкам и бабушкам)» [16, с. 116]. Эти выводы дополняют и подтверждают результаты нашего исследования.

Выводы

Проблема социализации пожилых людей усугубляется стремительными изменениями в обществе, которые обусловлены развитием технологий, трансформацией культурных традиций и возрастной структуры общества, множеством рисков, проявляющихся в первую очередь на индивидуальном уровне (нехватка четко определенных ролей, социальная исключенность, депривация, эйджизм и др.). В значительной степени это касается жителей малых и средних городов, имеющих более низкий уровень образования, доходов и меньший выбор рабочих мест. Полагаем, что указанные риски тесно взаимосвязаны с рисками на организационном и государственном уровнях и могут выступать в качестве их причин. Так, на организационном уровне возможны риски потери опытных кадров, роста издержек и снижения экономических показателей и др. На уровне государства и общества вероятны риски снижения производительности общественного труда, утраты молодежью доверия к власти, а также разрыва ценностных связей поколений.

Тем не менее у пожилого населения Беларуси уровень удовлетворенности жизнью сохраняет стабильно высокие значения, что может быть связано с высоким уровнем взаимной межпоколенной семейной поддержки. По мнению респондентов, при распределении ответственности между обществом и семьей, касающейся заботы о престарелых, уход за ними должна осуществлять семья, а финансовую поддержку старших поколений с низким уровнем дохода – общество.

Исследование показало, что внутрисемейные взаимоотношения между взрослыми поколениями сегодня строятся, как правило, в рамках традиционных семейных ценностей. Именно от старших поколений ожидается молодежь помощи в уходе за детьми. Актуальна для взрослых детей и финансовая поддержка родителей: чуть более половины респондентов полагают, что пожилые родители приспособятся, выстроят свою жизнь так, чтобы помочь своим взрослым детям. Наиболее независимы по всем видам поддержки от старших поколений люди

в возрасте 31–44 лет. Чем старше респонденты, тем больше они готовы помогать младшим поколениям в семье, стремясь сохранить с ними контакт.

Пожилые люди рассчитывают на заботу своих детей, однако с возрастом эти ожидания снижаются. Результаты исследования также свидетельствуют о зависимости молодежи 18–29 лет от помощи старших поколений, а также о высокой степени готовности взять на себя заботу о пожилых родителях и ради них внести изменения в свою жизнь.

Это значит, что взрослые дети считают заботу о пожилых людях, нуждающихся в уходе на дому, своим долгом. По этим вопросам отмечена чрезвычайная однородность высказываний.

Старшие поколения помогают молодежи в уходе за детьми (в большей степени женщины) и оказывают им финансовую поддержку (в большей степени мужчины). Молодежь заботится о своих родителях, оказывая им помощь по дому и по уходу за ними.

Библиографические ссылки

1. Мид М. *Культура и мир детства. Избранные произведения*. Асеев Ю, переводчик; Кон И, Белинов В, редакторы. Москва: Наука; 1988. 429 с.
2. Рыбакова НА. *Проблема старости в европейской философии: от античности до современности*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2016. 288 с.
3. Калабихина И, Красовская Н, Калмыкова Н. Демографическое старение в Республике Беларусь: вызовы и перспективы [Интернет]. Минск, 2017 [протитировано 31 января 2019 г.]. Доступно по: <https://www.econ.msu.ru/sys/taw.php?o=44039&p=attachment>.
4. Доля населения Беларуси старше трудоспособного возраста к 2035 году будет составлять 27,7 % [Интернет]. БЕЛТА. 2017 [протитировано 1 декабря 2018 г.]. Доступно по: <https://www.belta.by/society/view/dolja-naselenija-belarusi-starshe-trudosposobnogo-vozrasta-k-2035-godu-budet-sostavljat-277-268743-2017/>
5. Аллахвердова ОВ, Викторов ВИ, Иванов МВ, Иванова ЕН, Кармин АС, Липницкий АВ. *Конфликтология*. Кармин АС, редактор. Санкт-Петербург: Лань; 1999. 448 с.
6. Щербаков ИМ. *Посттрудова социализация пожилых людей в современной России* [автореферат диссертации]. Нижний Новгород: Волго-Вятская академия государственной службы; 2006. 30 с.
7. Рубанов АВ, руководитель. *Состояние и пути повышения адресности социальной защиты нуждающихся слоев городского населения (комплексное социально-экономическое исследование)* [научный отчет]. Минск: Минский научно-исследовательский институт социально-экономических и политических проблем; 2003.
8. Ялышева МЮ. Социализация людей старшего возраста. В: Лукьянов ВА, Михайлова РМ, редакторы. *Добровольцы – старшему поколению. Том 2. Социализация людей старшего поколения с участием добровольцев*. Санкт-Петербург: ИПЦ СПГУТД; 2015. с. 35–48.
9. Смелзер НДж. Социология. Глава 4. Социализация (окончание). Липский АВ, переводчик. В: *Социологические исследования* [Интернет]. 1991 [протитировано 25 декабря 2018];6:122–134. Доступно по: <http://ecsocman.hse.ru/data/331/927/1216/14Smelzer.pdf>.
10. Ялышева МЮ. Особенности и возможности для активной жизни в пожилом возрасте. В: Лукьянов ВА, Михайлова РМ, редакторы. *Добровольцы – старшему поколению. Том 2. Социализация людей старшего поколения с участием добровольцев*. Санкт-Петербург: ИПЦ СПГУТО; 2015. с. 49–54.
11. Здравомыслова ЕА, Божко НМ. Вызовы третьего возраста и задачи образовательных практик. В: Лукьянов ВА, Михайлова РМ, редакторы. *Добровольцы – старшему поколению. Том 2. Социализация людей старшего поколения с участием добровольцев*. Санкт-Петербург: ИПЦ СПГУТО; 2015. с. 55–84.
12. Черкашина ТЮ. Пенсионный переход: кто продолжает или прекращает занятость с достижением пенсионного возраста? В: Терещенко ОВ, редактор. *Методология и перспективы использования данных исследования «Поколения и гендер»*. Материалы Международной конференции; 28 ноября 2016 г.; Минск, Беларусь. Минск: Альтиора Форте; 2017. с. 102–104.
13. Дискриминация пожилых и негативное отношение к старению вредят их здоровью [Интернет]. Всемирная организация здравоохранения. 2016 [протитировано 20 декабря 2018 г.]. Доступно по: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2016/discrimination-ageing-youth/ru/>.
14. Шухатович В, Щавелева М, Бородачева Е. Здоровье и качество жизни. В: Терещенко О, Кучера Т, редакторы. *Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Том 2. Анализ результатов исследования «Поколения и гендер»*. Минск: Белсэнс; 2018. с. 159–166.
15. Дмитриева ОЕ. Взрослые дети в жизни старших поколений. В: Терещенко О, Кучера Т, редакторы. *Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Том 2. Анализ результатов исследования «Поколения и гендер»*. Минск: Белсэнс; 2018. с. 117–123.
16. Ефимова Н, Лапето А. Система взаимоотношений и поддержки: обмен частными трансфертами. В: Терещенко О, Кучера Т, редакторы. *Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Том 2. Анализ результатов исследования «Поколения и гендер»*. Минск: Белсэнс; 2018. с. 117–123.

References

1. Mid M. *Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya* [Culture and the world of childhood. Selected works]. Aseev Yu, translator; Kon I, Belinov V, editors. Moscow: Nauka; 1988. 429 p. Russian.
2. Rybakova NA. *Problema starosti v evropejskoj filosofii: ot antichnosti do sovremennosti* [The problem of old age in European philosophy: from antiquity to modernity]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2016. 288 p. Russian.

3. Kalabihina I, Krasovskaya N, Kalmykova N. Demographic aging in the Republic of Belarus: challenges and prospects [Internet]. Minsk, 2017 [cited 2018 January 31]. Available from: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=44039&p=attachment>. Russian.
4. The share of the population of Belarus older than working age by 2035 will be 27.7 % [Internet]. BELTA. 2017 [cited 2018 December 1]. Available from: <https://www.belta.by/society/view/dolja-naselenija-belarusi-starshe-trudosposobnogo-vozrasta-k-2035-godu-budet-sostavljat-277-268743-2017/>. Russian.
5. Allahverdova OV, Viktorov VI, Ivanov MV, Ivanova EN, Karmin AS, Lipnitskii AV. *Konfliktologiya* [Conflictology]. Karmin AS, editor. Saint Petersburg: Lan'; 1999. 448 p. Russian.
6. Shherbakov IM. *Posttrudovaya sotsializatsiya pozhilykh lyudei v sovremennoi Rossii* [Post-labor socialization of older people in modern Russia] [dissertation abstract]. Nizhny Novgorod: Volga-Vyatka Academy of Public Administration; 2006. 30 p. Russian.
7. Rubanov AV, research supervisor. *Sostoyanie i puti povysheniya adresnosti sotsial'noi zashchity nuzhdayushchikhsya sloev gorodskogo naseleniya (kompleksnoe sotsial'no-ekonomicheskoe issledovanie)* [The state and ways to improve the targeting of social protection of the needy segments of the urban population (a comprehensive socio-economic study)] [scientific report]. Minsk: Minsk Research Institute of Socio-Economic and Political Problems; 2003. p. Russian.
8. Jalyшева MJu. [Socialization of older people]. In: Luk'yanov VA, Mikhailov RM, editors. *Dobrovol'tsy – starshemu pokoleniyu. Tom 2. Sotsializatsiya lyudei starshego pokoleniya s uchastiem dobrovol'tsev* [Volunteers – the older generation. Volume 2. Socialization of the older generation with the participation of volunteers]. Saint Petersburg: Publishing and Rinting Center of the Saint Perersburg State University of Industrial Tekhnologies and Design; 2015. p. 35–48. Russian.
9. Smelzer NJ. [Sociology. Chapter 4. Socialization (the end)]. Lipskii AV, translator. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Internet]. 1991 [cited 2018 December 25];6:122–134. Available from: <http://ecsocman.hse.ru/data/331/927/1216/14Smelzer.pdf>. Russian.
10. Jalyшева MJu. [Features and opportunities for active life in old age]. In: Luk'yanov VA, Mikhailova RM, editors. *Dobrovol'tsy – starshemu pokoleniyu. Tom 2. Sotsializatsiya lyudei starshego pokoleniya s uchastiem dobrovol'tsev* [Volunteers – the older generation]. Volume 2. Socialization of the older generation with the participation of volunteers]. Saint Petersburg: Publishing and Rinting Center of the Saint Perersburg State University of Industrial Tekhnologies and Design; 2015. p. 49–54. Russian.
11. Zdravomyslova EA, Bozhko NM. [Third age challenges and educational practices objectives]. In: Luk'yanov VA, Mikhailova RM, editors. *Dobrovol'tsy – starshemu pokoleniyu. Tom 2. Sotsializatsiya lyudei starshego pokoleniya s uchastiem dobrovol'tsev* [Volunteers – the older generation]. Volume 2. Socialization of the older generation with the participation of volunteers]. Saint Petersburg: Publishing and Rinting Center of the Saint Perersburg State University of Industrial Tekhnologies and Design; 2015. p. 55–84. Russian.
12. Cherkashina TJu. [Retirement transition: who continues or ceases employment with the achievement of the retirement age?]. In: Tereshenko OV, editor. *Metodologiya i perspektivy ispol'zovaniya dannykh issledovaniya «Pokoleniya i gender». Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii; 28 noyabrya 2016 g.; Minsk, Belarus'* [Methodology and prospects for the use of data from the generations and gender study. Proceedings of the International conference; 2016 November 28; Minsk, Belarus]. Minsk: Al'tiora Forte; 2017. p. 102–104. Russian.
13. Discrimination of the elderly and negative attitude towards aging harm their health [Internet]. *World Health Organization*. 2016 [cited 2018 December 12]. Available from: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2016/discrimination-youth-ru/>. Russian.
14. Shuhatovich V, Shhaveleva M, Borodacheva E. [Health and quality of life]. In: Tereshenko O, Kuchera T, editors. *Belarus': struktura sem'i, semeinye otnosheniya, reproduktivnoe povedenie. Tom 2. Analiz rezul'tatov issledovaniya «Pokoleniya i gender»* [Belarus: family structure, family relations, reproductive behavior. Volume 2. Analysis of the results of the study «Generations and Gender»]. Minsk: Belsens; 2018. p. 159–166. Russian.
15. Dmitrieva OE. [Adult children in the lives of older generations]. In: Tereshenko O, Kuchera T, editors. *Belarus': struktura sem'i, semeinye otnosheniya, reproduktivnoe povedenie. Tom 2. Analiz rezul'tatov issledovaniya «Pokoleniya i gender»* [Belarus: family structure, family relations, reproductive behavior. Volume 2. Analysis of the results of the study «Generations and Gender»]. Minsk: Belsens; 2018. p. 117–123. Russian.
16. Efimova N, Lapeto A. [Relationship and Support System: Private Transfer Exchange]. Tereshenko O, Kuchera T, editors. *Belarus': struktura sem'i, semeinye otnosheniya, reproduktivnoe povedenie. Tom 2. Analiz rezul'tatov issledovaniya «Pokoleniya i gender»* [Belarus: family structure, family relations, reproductive behavior. Volume 2. Analysis of the results of the study «Generations and Gender»]. Minsk: Belsens; 2018. p. 117–123. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.02.2019.
Received by editorial board 21.02.2019.

УДК 378.147.31;316.74;316.772.5

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ КАК КОМПОНЕНТА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ОСНОВЕ КОЛИЧЕСТВЕННОГО МЕТААНАЛИЗА)

И. В. МИРОНЦОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Сопоставляется эффективность традиционного обучения и онлайн-обучения. На основе техники количественного метаанализа и экспериментальных данных показано, что онлайн-обучение может являться результативным и самостоятельным компонентом высшего образования. Отдельно обосновывается тезис о необходимости начала экспертной дискуссии на предмет перспектив внедрения в учреждениях высшего образования Беларуси онлайн-обучения в формате «массовый онлайн-курс».

Ключевые слова: традиционное образование; офлайн-образование; онлайн-образование; онлайн-обучение; высшее образование; метаанализ.

THE EFFECTIVENESS OF E-LEARNING AS A COMPONENT OF HIGHER EDUCATION (ON THE BASIS OF QUANTITATIVE META-ANALYSIS)

I. V. MIRONTSOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The comparison between the effectiveness of online-learning and traditional education was discussed. Using the technique of quantitative meta-analysis on the basis of experimental data it was shown that e-learning can be an effective and independent component of higher education. The thesis of the need to start an expert discussion on the prospects for the introduction of online forms of education for the «massive online course» format (MOCC) in higher educational institutions of Belarus is separately discussed.

Keywords: traditional education; offline education; online education; online learning; e-learning; higher education; meta-analysis.

Введение

До недавней поры традиционное образование (аудиторное, или офлайн-обучение) и онлайн-образование существовали параллельно, крайне редко совершая интервенции в поле деятельности «конкурентов». Заслуживающим упоминания ис-

ключением (одним из немногих) может являться новаторская инициатива российского Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее – ВШЭ), заключающаяся в том, чтобы обязать каждого студента прой-

Образец цитирования:

Миронцов ИВ. Эффективность онлайн-обучения как компонента высшего образования (на основе количественного метаанализа). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019; 2:68–74.

For citation:

Mirontsov IV. The effectiveness of e-learning as a component of higher education (on the basis of quantitative meta-analysis). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;2:68–74. Russian.

Автор:

Игорь Валерьевич Миронцов – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Д. К. Безнюк.

Author:

Igor V. Mirontsov, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. mirontsov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6143-9437>

ти хотя бы один онлайн-курс за время обучения в магистратуре. По словам руководства УВО, это необходимая мера, чтобы в стенах университета продемонстрировать обучающимся возможности самостоятельного получения образования и снять возможный страх перед такой формой обретения знаний.

Заявление ректора ВШЭ Я. Кузьмина в октябре 2018 г. о том, что «через пять лет мы точно заменим абсолютно все лекции онлайн-курсами»¹, породило новый виток дискуссии об эффективности подобного перехода. Говоря о плюсах подобной инициативы, Я. Кузьмин отмечал, что «посещаемость во всех вузах оставляет желать лучшего, а у препода-

вателей не остается времени на исследовательскую работу из-за аудиторной нагрузки. Переход на цифровой формат должен повысить вовлеченность студентов, разгрузить профессоров и в целом поднять качество университетского образования»².

В данной статье будет рассматриваться эффективность онлайн-образования по сравнению с традиционным на основе оценок, получаемых обучающимися за время прохождения идентичных по содержанию курсов. Под обучающимися понимаются студенты дневной, заочной вечерней форм обучения, а также преподаватели и работники (в том числе проходящие переподготовку и (или) повышающие квалификацию).

Материалы и методы исследования

В целях агрегирования имеющихся эмпирических исследований была применена техника метаанализа, процедура которого состояла из поиска и отбора релевантных источников (см. рисунок), кодирования отобранных статей, метааналитических расчетов, анализа полученных результатов.

Традиционно считается, что онлайн-образование одновременно с увеличением возможности доступа к знаниям содержит в себе множество барьеров, негативно влияющих на качество получаемых знаний. К таким барьерам часто относят нехватку мотивации, скуку, неспособность пройти курс до конца, обезличенность самого курса (например,

отсутствие возможности сразу задать уточняющий вопрос преподавателю)³ и т. п.

Вместе с тем многие современные исследования фиксируют, что, несмотря на объективно существующие трудности при прохождении онлайн-курсов и восприятии транслируемой в них информации, эффективность такой формы получения знаний высока и не уступает традиционным видам образования (см., например, [1; 2] и др.). В рамках данного исследования проверяется гипотеза о том, что итоговая эффективность традиционного обучения и онлайн-обучения окажется примерно одинаковой.

Предыдущие метааналитические исследования по данной теме

Найденные автором в процессе подготовки статьи метааналитические работы, затрагивающие изучаемую проблематику, имеют некоторые ограничения: посвящены лишь изучению эффекта онлайн-образования в сравнении с традиционным при обучении медицинского персонала [3–5] либо затрагивают различные аспекты онлайн-образования, но не сравнивают эффектив-

ность с традиционным образованием (например, не рассматривают отношение к онлайн-образованию различных пользователей [6] или эффективность онлайн-обучения на основе виртуальной реальности [7]). Данные ограничения делают необходимым проведение еще одного метаанализа, более соответствующего заявленному объекту исследования.

Поиск литературы

Метаанализ – это процесс обобщения, оценки и анализа результатов количественных исследований. Для его выполнения был проведен общий поиск научной литературы на *Google Scholar*, представляющей собой простую и эффективную платформу. Ее главное преимущество состоит в возможности обнаружить все публикации независимо от качества журналов, в которых они размещены. Ограничение данной платформы заключается в том, что она часто не дает доступа

к полному тексту публикации. В связи с этим для скачивания найденных и отобранных статей были использованы такие ресурсы, как *JSTOR*, *Science Direct*, *EBSCO* и другие базы зарубежной периодики. Если найденная статья была недоступна для скачивания на указанных платформах, задействовался ресурс *Sci-Hub* (деятельность разрешена на территории Республики Беларусь). При формировании первоначального списка исследований были отобраны статьи, опубликованные только на

¹Лекции переносят в онлайн-аудиторию [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3758336> (дата обращения: 08.01.2019).

²Там же.

³MOOC Completion Rates: The Data [Электронный ресурс]. URL: <http://www.katyjordan.com/MOOCproject.html> (дата обращения: 08.01.2019).

английском языке, без ограничения по времени публикации.

Поиск проводился по ключевым словам:

- *traditional learning, e-learning*;
- *computer-assisted learning*;
- *education*.

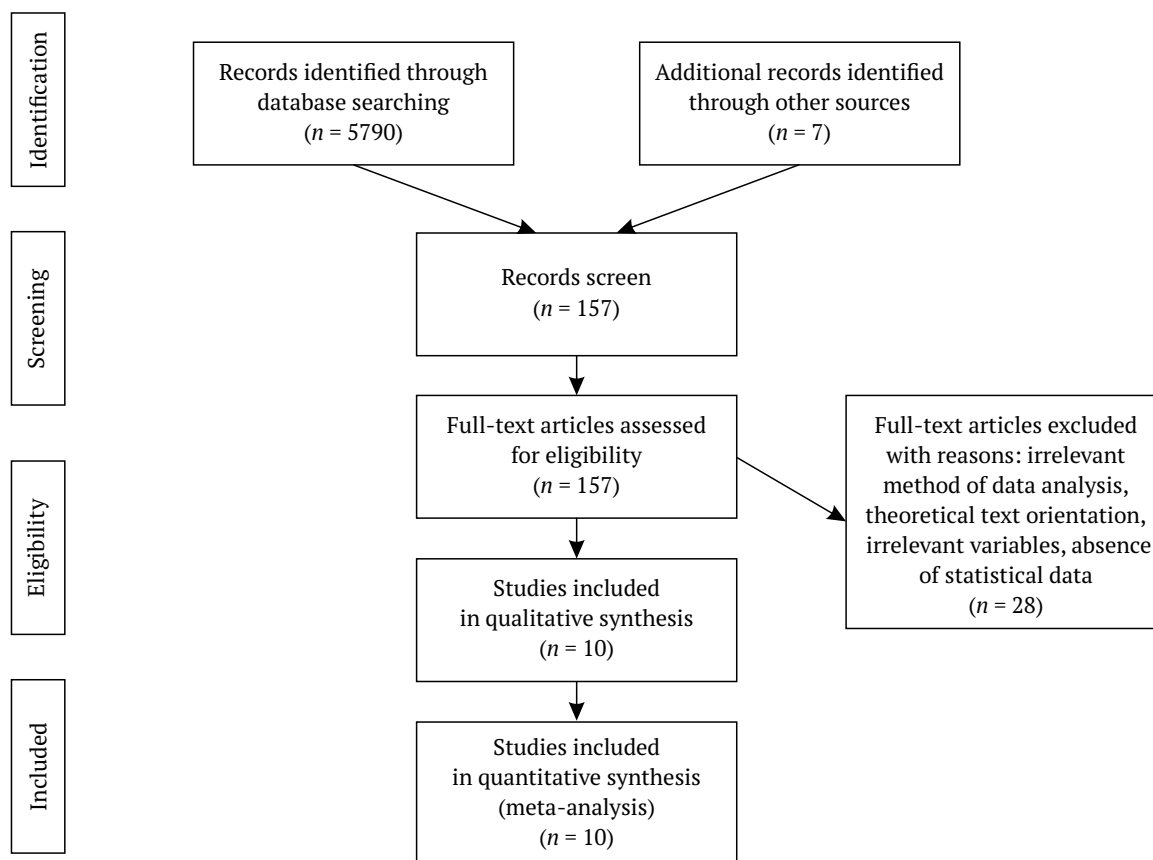
Это дало в результате ссылки на примерно 17 600 статей. После этого к списку ключевых слов было добавлено сочетание *experimental group*, чтобы увеличить вероятность отображения статей, в кото-

рых авторы использовали бы метод эксперимента. Таким образом было найдено 5160 публикаций, из которых просмотрено 150 публикаций (15 страниц). В результате было выявлено 7 источников методом снежного кома при просмотре списка литературы в отобранных статьях, отобрано 38 статей, в которых рассматривалась эффективность традиционного образования и онлайн-образования. Каждая из них была проанализирована на предмет критериев, удовлетворяющих включению в метаанализ.

Критерии включения статей

В статьях, подходящих для включения в метаанализ, необходимо было наличие данных о результатах контрольной и экспериментальной групп после прохождения какого-либо обучающего курса (материала): для первой – путем традиционного формата обучения (лекции, семинары в аудитории), для второй – интерактивных способов обучения (онлайн-видео, тесты и т. п.). Так, из числа обнаруженных релевантных (по ключевым словам) публикаций было исключено 28 статей:

9 публикаций теоретического характера; 8 материалов, в которых отсутствуют необходимые данные; 10 статей, посвященных изучению других аспектов сопоставления традиционного образования и онлайн-образования, и одна статья, данные которой не поддались обработке при помощи *Practical Meta-Analysis Effect Size Calculator*⁴ (вероятно, из-за фальсификации данных). Итак, в метаанализ были включены результаты 10 статей и 13 исследований⁵ [1; 2; 8–15] (см. рисунок).

Процедура отбора статей.

Источник: [16]

Flow Diagram.

Source: [16]

⁴Practical Meta-Analysis Effect Size Calculator [Электронный ресурс]. URL: <https://campbellcollaboration.org/escalc/html/EffectSizeCalculator-Home.php> (дата обращения: 19.01.2019).

⁵Превышение числа статей над числом исследований объясняется тем, что в некоторых работах осуществлялся как пост-тест, так и пост-пост-тест, нацеленный на проверку усвоения учебного материала через определенное время.

Основные характеристики статей

Авторы статей, отобранных для метаанализа, представляют различные страны: США, Великобританию, Испанию, Иран и т. д. Объем выборок для проведения эксперимента (экспериментов) с объединением участников контрольной и эксперимен-

тальной групп колеблется от 25 до 2303 человек. Общий объем выборки составил 3222 человека, которые относятся к различным категориям учащихся – начиная от студентов медицинских колледжей и заканчивая учащимися младших классов (см. табл.).

Характеристики исследований

Research Characteristics

Первый автор исследования	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
	<i>Mean</i>	<i>SD</i>	<i>N</i>	<i>Mean</i>	<i>SD</i>	<i>N</i>
Lim	17,3	8,3	31	11,4	13,1	82
Moazami_1	22,45	4,41	15	19,25	5,11	20
Moazami_2	19,65	4,88	15	17,26	3,35	20
Morente	15,83	2,52	30	11,6	2,39	42
Fernandez_1	6,57	0,69	54	6,52	0,96	62
Fernandez_2	5,47	0,88	54	5,31	1,41	62
Awadh	18,12	2,21	43	18,08	2,39	50
Kaveevivitchai	2,81	2,06	37	3,78	3,13	40
Terrazas-Arellanes	64,1	16,8	1325	57,7	14,2	978
Amouzeshi	12,4	2,2	23	14,1	1,9	29
Vernadakis_1	8,8	1,16	25	8,24	2,67	25
Vernadakis_2	8,76	1,17	25	8,08	2,68	25
Keefe	73,06	9,4	42	53,84	11,22	164

Процедура расчетов

В качестве обобщающего показателя, выделенного в каждом исследовании, была использована разница средних (d), а впоследствии, в связи с небольшими размерами выборок в ряде экспериментов, – уточненная при помощи корректирующего коэффициента $J(d \rightarrow g)$ [16, р. 26–28]. Таким образом, для расчета величины эффекта в данном метаанализе использована разница средних (g).

После необходимых вычислений работа была продолжена с коэффициентом g , для которого рассчитывались стандартные отклонения веса. После подсчета основных метрик для всех переменных, но до перехода к вычислению общего размера эффекта по имеющимся исследованиям важным этапом являлся выбор модели метаанализа. В данной работе использована модель случайных эффектов, в рамках которой предполагается, что величина эффекта может изменяться от одного исследования к другому, а значит, между исследованиями существует дисперсия. Модель случайных эффектов была выбрана для расчетов, поскольку исследования, включенные в выборку, различались по стране проведения, году, размеру выборок и дизайну эксперимента. Несмотря на то что сами переменные комплементарны, между ними есть и некоторые отличия, следовательно, значение эффекта зависит от различающихся латентных кон-

структов. Вследствие указанных причин использование модели фиксированных эффектов было бы некорректным.

На основе рассчитанных величин были сделаны основные вычисления среднего взвешенного значения эффекта (g), его дисперсии, отклонения, построен доверительный интервал [16, р. 97–102]. Для этого были рассчитаны статистика Q (оценка гетерогенности), оценка дисперсии между исследованиями и перевзвешены веса.

Полученная оценка гетерогенности Q значительно превышала критическое значение на уровне доверия 95 % ($df = 11$), а значит, нулевая гипотеза о том, что исследования гомогенны, была отвергнута. Таким образом, выбранные исследования гетерогенны, а это еще раз доказывает адекватность использования модели случайных эффектов в данной работе.

Рассчитанное значение статистики I^2 составило 96,2 %, что говорит о существовании дисперсии между исследованиями. Другими словами, этот показатель объясняется в метаанализе различиями, обусловленными страной и годом проведения исследования, размерами выборок, дизайном эксперимента. Данный показатель говорит также о допустимости проведения метарегрессии.

Результаты и их обсуждение

В ходе всех проведенных вычислений размер величины среднего взвешенного эффекта составил 0,4 с доверительным интервалом (0,35; 0,46), что свидетельствует о незначительном положительном влиянии онлайн-обучения на результаты, получаемые студентами. Это опровергает исходную гипотезу исследования о том, что эффективность онлайн-обучения не отличается от традиционного.

Данный итог коррелирует с результатами большинства исследований, использованных в данной статье, и выводами уже проведенных метаанализов на эту тему [3–5]. Его также подтверждают авторы крупномасштабного отчета «Десять лет отслеживания развития онлайн-образования в США» (*Changing course: Ten years of tracking online education in the United States*), где указывается, что в период 2003–2009 г. происходило незначительное сокращение доли старших научных сотрудников, которые считают, что результаты онлайн-обучения уступают результатам обучения на аналогичных очных курсах. С 2009 г. по 2011 г. эта доля оставалась относительно стабильной, однако результаты за 2012 г. свидетельствуют о существенном улучшении мнения о качестве результатов обучения в онлайн-режиме. Доля ответов о том, что эффективность онлайн-обучения ниже, сократилась с 32,4 % в 2011 г. до всего 23 % в 2012 г. [17, р. 24].

Аналогичные данные за последующие годы отсутствуют, однако если рассматривать онлайн-обучение как один из итогов социокультурного становления интернета [18], то можно предположить, что по мере его дальнейшего развития, проникновения и увеличения доступности будет также расти и его эффективность.

Вместе с тем общепринятый скепсис в адрес онлайн-обучения – мощный фактор, который замедляет его развитие и не способствует оценке его эффективности. Обращаясь к данным упомянутого выше отчета о развитии онлайн-обучения в США, отметим, что одним из важных результатов изучения на протяжении 10 лет этой формы трансляции знания является сильная положительная связь между наличием в образовательном учреждении различных форм онлайн-обучения и благоприятным мнением о них руководства университета. Учреждения образования, в которых нет возможности получения знаний онлайн, в пять раз чаще оценивают этот компонент высшего образования

как неэффективный, нежели их более «сетевые» коллеги. Также подтверждается вывод о том, что чем большее количество возможностей для онлайн-обучения присутствует в университете, тем позитивнее их руководители оценивают качество этого компонента высшего образования [17, р. 26].

Ограниченное и пока только набирающее ход онлайн-обучение как компонент высшего образования в университетах Беларуси и России продолжает сталкиваться с бездейственным сопротивлением руководящих органов. Так, ректор ВШЭ Я. Кузьминов в одном из своих интервью отмечал низкие компетенции большинства преподавателей в области цифровой трансформации образования⁶. Сейчас идею цифровизации высшего образования в России в рамках национальных проектов «Образование», «Наука», «Цифровая экономика Российской Федерации» популяризируют такие УВО, как Московский государственный университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербургский государственный университет, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Московский физико-технический институт, Уральский федеральный университет и Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. В обозримой перспективе предполагается также создание на их базе общероссийской образовательной платформы и последующее более интенсивное проникновение на онлайн-платформы ведущих университетов США.

Пока Беларусь далека даже от внедрения онлайн-обучения в перечень компонентов высшего образования, не говоря уже о создании своей национальной платформы⁷, поэтому в качестве отправной точки цифрового образования стоит рассмотреть обращение к уже накопленному опыту российских коллег и начать поступательно внедрять учебные онлайн-курсы формата *МООС* в образовательные программы. Последующие возможные векторы развития онлайн-образования необходимо в максимально короткие сроки вынести на рассмотрение экспертной группы ученых и администраторов, пока отставание отечественной образовательной системы от набирающего ход мирового тренда не приняло угрожающих очертаний.

Ограничения

Одно из главных ограничений данной работы – в том, что для метаанализа было отобрано только 13 исследований, а значит, показатель оценки дис-

персии может иметь низкую точность. Это тоже могло привести к некоторому смещению при вычислении среднего взвешенного значения эффекта.

⁶Ярослав Кузьминов: Меняйтесь, будьте более конкурентоспособны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.utmn.ru/presse/ekspertnoe-mnenie/653897/> (дата обращения: 19.01.2019).

⁷Своего рода образовательной онлайн-платформой можно назвать лишь портал *adu.by*, но он ограничивается ступенью среднего образования.

Исследование не может считаться полноценным метаанализом, потому что ставило перед собой хоть и широкую, но конкретную цель: на основе существующих исследований определить эффективность традиционного и онлайн-образования, а также привлечь экспертов к дискуссии о возможности внедрения форм онлайн-обучения в белорусских учреждениях высшего образования.

Необходимо подчеркнуть, что вывод данного исследования о том, что онлайн форма получения знаний несколько более эффективна, нежели традиционная, предполагает принятие во внимание

следующих нюансов. Во-первых, речь идет о формальном образовании, в котором онлайн-обучение лишь один из компонентов в довольно широком и разнообразном учебном процессе. Во-вторых, более высокая эффективность онлайн-обучения в сравнении с традиционным достигается в такой модели средствами внешнего обязательного контроля учащихся и их последующим оцениванием (т. е. нельзя говорить о том, что выводы данного исследования можно распространить на студентов, самостоятельно обучающихся с помощью массовых онлайн-курсов).

Заключение

В результате проведенного метаанализа было выявлено, что онлайн-форма обучения оказывает небольшое положительное влияние на оценки по курсу, получаемые студентами. Так опровергается сложившееся убеждение в том, что аудиторная форма занятий более эффективна, чем онлайн-обучение.

Результаты анализа, а также уже сформировавшаяся мировая практика по использованию учебных онлайн-курсов свидетельствуют о целесообразности использования этой формы обучения

как части электронно-методического комплекса дистанционного обучения студентов белорусских УВО. Помимо качественного расширения при их помощи перечня изучаемых дисциплин (достигаемого без увеличения нагрузки на преподавателей) и ознакомления обучающихся с новейшими знаниями, данный формат образования будет способствовать достижению и, вероятно, превышению академических ожиданий студента, сможет послужить отправной точкой для дальнейшего внедрения инноваций в данной области.

Библиографические ссылки

1. Moazami F, Bahrapour E, Azar MR, Jahedi F, Moattari M. Comparing two methods of education (virtual versus traditional) on learning of Iranian dental students: a post-test only design study. *BMC Medical Education*. 2014;14(1):45–49. DOI: 10.1186/1472-6922-14-45.
2. Al-Qahtani AAY, Higgins SE. Effects of traditional, blended and e-learning on students' achievement in higher education. *Journal of Computer Assisted Learning*. 2013;29(3):220–234. DOI: 10.1111/j.1365-2729.2012.00490.x.
3. Voutilainen A, Saaranen T, Sormunen M. Conventional vs. e-learning in nursing education: a systematic review and meta-analysis. *Nurse Education Today*. 2017;50:97–103. DOI: 10.1016/j.nedt.2016.12.020.
4. Lahti M, Hätönen H, Välimäki M. Impact of e-learning on nurses' and student nurses knowledge, skills, and satisfaction: a systematic review and meta-analysis. *International Journal of Nursing Studies*. 2014;51(1):136–149. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2012.12.017.
5. Tarpada SP, Morris MT, Burton DA. E-learning in orthopedic surgery training: a systematic review. *Journal of Orthopaedics*. 2016;13(4):425–430. DOI: 10.1016/j.jor.2016.09.004.
6. Šumak BT, Heričko M, Pušnik M. A meta-analysis of e-learning technology acceptance: the role of user types and e-learning technology types. *Computers in Human Behavior*. 2011;27(6):2067–2077. DOI: 10.1016/j.chb.2011.08.005.
7. Merchant Z, Goetz ET, Cifuentes L, Keeney-Kennicut W, Davis TJ. Effectiveness of virtual reality-based instruction on students' learning outcomes in K-12 and higher education: a meta-analysis. *Computers & Education*. 2014;70:29–40. DOI: 10.1016/j.compedu.2013.07.033.
8. Aleman JLF, de Gea JMC, Mondéjar JJR. Effects of competitive computer-assisted learning versus conventional teaching methods on the acquisition and retention of knowledge in medical surgical nursing students. *Nurse Education Today*. 2011;31(8):866–871. DOI: 10.1016/j.nedt.2010.12.026.
9. Amouzehi Z, Soltani N, Taheri NK, Bidaki MZ, Mousavi SAR, Nasirizade M, Safajou F. The Effect of offline e-learning on cognitive learning (levels of knowledge, comprehension, and application) of fluid and electrolyte imbalances course among nursing students. *Journal of Surgery and Trauma*. 2016;4(1):2–6.
10. Kaveevivitchai C, Chuengkriankrai B, Luecha Y, Thanooruk R, Panijpan B, Ruenwongsa P. Enhancing nursing students' skills in vital signs assessment by using multimedia computer-assisted learning with integrated content of anatomy and physiology. *Nurse Education Today*. 2009;29(1):65–72. DOI:10.1016/j.nedt.2008.06.010.
11. Keefe G, Wharrad HJ. Using e-learning to enhance nursing students' pain management education. *Nurse Education Today*. 2012;32(8):e66–e72. DOI: 10.1016/j.NEDT.2012.03.018.
12. Lim J, Kim M, Chen SS, Ryder CE. An empirical investigation of student achievement and satisfaction in different learning environments. *Journal of Instructional Psychology*. 2008;35(2):113.
13. Morente L, Morales-Asencio JM, Veredas FJ. Effectiveness of an e-learning tool for education on pressure ulcer evaluation. *Journal of Clinical Nursing*. 2014;23(13–14):2043–2052. DOI: 10.1111/jocn.12450.
14. Terrazas-Arellanes FE, Gallard AJ, Strycker LA, Walden ED. Impact of interactive online units on learning science among students with learning disabilities and English learners. *International Journal of Science Education*. 2018;40(5):498–518. DOI: 10.1080/09500693.2018.1432915.

15. Vernadakis N, Zetou E, Tsitskari E, Giannousi M, Kioumourtzoglou E. Student attitude and learning outcomes of multimedia computer-assisted versus traditional instruction in basketball. *Education and Information Technologies*. 2008;13(3):167–183. DOI: 10.1007/S10639-008-9061-0.
16. Borenstein M, Hedges LV, Higgins JPT, Rothstein HR. *Introduction to Meta-Analysis*. Chichester: John Wiley & Sons; 2011. 452 p.
17. Allen IE, Seaman J. Changing course: Ten Years of Tracking Online Education in the United States [Internet]. 2013 [cited 2019 January 19]. Available from: <https://eric.ed.gov/?id=ED541571>.
18. Доброродний ДГ. Социокультурные условия становления сети Интернет. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:23–28.

References

1. Moazami F, Bahrampour E, Azar MR, Jahedi F, Moattari M. Comparing two methods of education (virtual versus traditional) on learning of Iranian dental students: a post-test only design study. *BMC Medical Education*. 2014;14(1):45–49. DOI: 10.1186/1472-6922-14-45.
2. Al-Qahtani AAY, Higgins SE. Effects of traditional, blended and e-learning on students' achievement in higher education. *Journal of Computer Assisted Learning*. 2013;29(3):220–234. DOI: 10.1111/j.1365-2729.2012.00490.x.
3. Voutilainen A, Saaranen T, Sormunen M. Conventional vs. e-learning in nursing education: a systematic review and meta-analysis. *Nurse Education Today*. 2017;50:97–103. DOI: 10.1016/j.nedt.2016.12.020.
4. Lahti M, Hätönen H, Välimäki M. Impact of e-learning on nurses' and student nurses knowledge, skills, and satisfaction: a systematic review and meta-analysis. *International Journal of Nursing Studies*. 2014;51(1):136–149. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2012.12.017.
5. Tarpada SP, Morris MT, Burton DA. E-learning in orthopedic surgery training: a systematic review. *Journal of Orthopaedics*. 2016;13(4):425–430. DOI: 10.1016/j.jor.2016.09.004.
6. Šumak BT, Heričko M, Pušnik M. A meta-analysis of e-learning technology acceptance: the role of user types and e-learning technology types. *Computers in Human Behavior*. 2011;27(6):2067–2077. DOI: 10.1016/j.chb.2011.08.005.
7. Merchant Z, Goetz ET, Cifuentes L, Keeney-Kennicut W, Davis TJ. Effectiveness of virtual reality-based instruction on students' learning outcomes in K-12 and higher education: a meta-analysis. *Computers & Education*. 2014;70:29–40. DOI: 10.1016/j.compedu.2013.07.033.
8. Aleman JLF, de Gea JMC, Mondéjar JJR. Effects of competitive computer-assisted learning versus conventional teaching methods on the acquisition and retention of knowledge in medical surgical nursing students. *Nurse Education Today*. 2011;31(8):866–871. DOI: 10.1016/j.nedt.2010.12.026.
9. Amouzeshi Z, Soltani N, Taheri NK, Bidaki MZ, Mousavi SAR, Nasirizade M, Safajou F. The Effect of offline e-learning on cognitive learning (levels of knowledge, comprehension, and application) of fluid and electrolyte imbalances course among nursing students. *Journal of Surgery and Trauma*. 2016;4(1):2–6.
10. Kaveevivitchai C, Chuengkriankrai B, Luecha Y, Thanooruk R, Panijpan B, Ruenwongsa P. Enhancing nursing students' skills in vital signs assessment by using multimedia computer-assisted learning with integrated content of anatomy and physiology. *Nurse Education Today*. 2009;29(1):65–72. DOI:10.1016/j.nedt.2008.06.010.
11. Keefe G, Wharrad HJ. Using e-learning to enhance nursing students' pain management education. *Nurse Education Today*. 2012;32(8):e66–e72. DOI: 10.1016/j.NEDT.2012.03.018.
12. Lim J, Kim M, Chen SS, Ryder CE. An empirical investigation of student achievement and satisfaction in different learning environments. *Journal of Instructional Psychology*. 2008;35(2):113.
13. Morente L, Morales-Asencio JM, Veredas FJ. Effectiveness of an e-learning tool for education on pressure ulcer evaluation. *Journal of Clinical Nursing*. 2014;23(13–14):2043–2052. DOI: 10.1111/jocn.12450.
14. Terrazas-Arellanes FE, Gallard AJ, Strycker LA, Walden ED. Impact of interactive online units on learning science among students with learning disabilities and English learners. *International Journal of Science Education*. 2018;40(5):498–518. DOI: 10.1080/09500693.2018.1432915.
15. Vernadakis N, Zetou E, Tsitskari E, Giannousi M, Kioumourtzoglou E. Student attitude and learning outcomes of multimedia computer-assisted versus traditional instruction in basketball. *Education and Information Technologies*. 2008;13(3):167–183. DOI: 10.1007/S10639-008-9061-0.
16. Borenstein M, Hedges LV, Higgins JPT, Rothstein HR. *Introduction to Meta-Analysis*. Chichester: John Wiley & Sons; 2011. 452 p.
17. Allen IE, Seaman J. Changing course: Ten Years of Tracking Online Education in the United States [Internet]. 2013 [cited 2019 January 19]. Available from: <https://eric.ed.gov/?id=ED541571>.
18. Dabrardni DG. Socio-cultural conditions of the Internet network becoming. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2018;2:23–28. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.01.2019.
Received by editorial board 30.01.2019.

УДК 316.334.2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ И РОССИИ КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

О. Н. ГАВРИЛИК¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Представлены результаты сравнительного исследования экономической культуры населения Беларуси и России на основе анализа проекта «Исследование европейских ценностей» (волна 2008–2009 гг.), а также исследования А. М. Сидоровой об экономической ментальности населения различных стран (по методике Г. Хофстеде). Именно использование единых показателей в социологических замерах стало надежной основой для осуществления компаративного анализа. Сделан вывод о близости ценностных ориентаций населения Беларуси и России в экономической сфере как одного из важнейших факторов успешности интеграционных процессов между этими странами.

Ключевые слова: экономическая культура; экономическая ментальность; экономическое поведение; интеграционные процессы.

ECONOMIC CULTURE OF THE POPULATION OF BELARUS AND RUSSIA AS THE BASIS OF INTEGRATION PROCESSES

O. N. GAVRILIK^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus

The article presents the results of a comparative study of the economic culture of the population of Belarus and Russia on the basis of the data of two international studies – the project «European Values Study» (wave 2008–2009) and the study of A. M. Sidorova economic mentality of the population of different countries by the method of Hofstede. It is the use of common indicators in sociological measurements that has become a reliable basis for comparative analysis. The conclusion is made about the proximity of the value orientations of the population of Belarus and Russia in the economic sphere, which is one of the most important factors of the success of the integration processes between these countries.

Keywords: economic culture; economic mentality; economic behavior; integration processes.

Введение

Глобализация кардинальным образом трансформировала жизнь человечества, предоставив небывалые возможности для прогрессивных технологических, экономических, политических, правовых, социальных, культурных изменений. Но

вместе с тем она открыла государственные границы для новых угроз (терроризм, эпидемии, ядерная война, разрушение экосистемы), справиться с которыми в одиночку странам не под силу. Это прекрасно осознают политические лидеры, что за-

Образец цитирования:

Гаврилик ОН. Экономическая культура населения Беларуси и России как основа интеграционных процессов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;2:75–80.

For citation:

Gavrilik ON. Economic culture of the population of Belarus and Russia as the basis of integration processes. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;2:75–80. Russian.

Автор:

Оксана Николаевна Гаврилик – кандидат социологических наук; старший преподаватель кафедры социологии и специальных социологических дисциплин.

Author:

Oksana N. Gavrilik, PhD (sociology); senior lecturer at the department of sociology and special sociological disciplines.
gavrilik.oksana@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6465-5394>

ставляет их активно искать союзников, налаживать сотрудничество с ведущими центрами экономического, политического, военного развития. Однополюсный мир уступает место многополярности, регионализация стала достойным ответом на вызовы глобализации.

Быть сильными можно только объединившись – это хорошо понимают лидеры Беларуси и России, и наши страны уже давно встали на путь интеграции. Для нее есть все основания: не только территориальная, но и духовная, ментальная близость народов, общность истории, налаженные экономические, политические, культурные связи, родственные отношения между белорусами и россиянами. Однако на первый план выходят вопросы экономического сотрудничества, и здесь возникает немало проблем.

После распада СССР оба государства взяли курс на построение рыночной конкурентоспособной экономики. В каждой стране по-своему были проведены соответствующие институциональные ре-

формы, созданы условия для развития предпринимательства, поддержки частных инициатив, включения населения в финансовый сектор экономики. Однако 26 лет оказались недостаточными для полной и успешной адаптации жителей к новым принципам хозяйственной деятельности. Экономическая культура населения, сложившаяся в советское время, несет на себе отпечаток этого периода.

Экономическая деятельность регулируется духовно-ментальными установками, закрепленными в институте культуры. Поэтому переход к рыночному типу хозяйствования требует изменений в социальных отношениях, перестройки ценностно-нормативной системы общества, что актуализирует изучение экономической культуры населения: она не только испытывает влияние со стороны действующих экономических институтов, но и определяет отношение людей к различным видам хозяйственной деятельности, способам получения дохода, следовательно, влияет на экономическое поведение людей.

Теоретические основы исследования

Теоретико-методологическим основанием для исследования экономической культуры выступают работы российских ученых Н. Н. Зарубиной, А. Ю. Архипова, О. В. Евграфовой, Т. А. Зотовой, В. К. Королева, Т. И. Заславской, Р. В. Рывкиной, В. М. Доброштан, а также белорусского социолога Г. Н. Соколовой. Рассмотрим авторские подходы к анализу экономической (хозяйственной) культуры.

По определению Н. Н. Зарубиной, «хозяйственная культура представляет собой систему ценностей, смыслов, символов, знаний, традиций, обеспечивающих мотивацию и регуляцию хозяйственной (трудовой, производственной, предпринимательской, финансовой, коммерческой и т. д.) деятельности, определяющих форму ее осуществления, а вместе с тем и восприятия ее обществом» [1, с. 111]. В качестве базовых ценностей хозяйственной культуры выделяются труд, собственность, богатство, практицизм, рациональность, профессионализм, предприимчивость [1, с. 119]. Хозяйственная культура имеет разные структурные уровни организации: личностный и институциональный, специализированный и срединный [1, с. 136].

А. Ю. Архипов, О. В. Евграфова, Т. А. Зотова, В. К. Королев считают экономическую культуру средством реализации способностей человека как субъекта социальной деятельности по воспроизводству и развитию материального обеспечения своей общественной жизни [2, с. 26].

С точки зрения Т. И. Заславской и Р. В. Рывкиной, экономическая культура – это совокупность социальных ценностей и норм, являющихся регуляторами экономического поведения и играющих роль социальной памяти экономического развития, т. е. способствующих (или мешающих) трансляции, от-

бору и обновлению ценностей, норм и потребностей, функционирующих в сфере экономики и ориентирующих ее субъектов на те или иные формы экономической активности [3, с. 110–111]. Данное определение подчеркивает статический характер экономической культуры, хотя со временем ценности и нормы, ее составляющие, могут изменяться.

В. М. Доброштан рассматривает экономическую культуру общества в широком смысле и включает в нее материальные ценности, институты, нормы и принципы хозяйственно-производственной деятельности, характер экономических отношений и процесс эффективного функционирования экономики страны, что образует способ и содержание экономической деятельности людей [4, с. 55].

Среди белорусских ученых вопросами экономической культуры наиболее активно занималась Г. Н. Соколова, которая определила ее как систему созданных в ходе научно-технического прогресса социальных механизмов, благодаря которым регулируется экономическая деятельность хозяйствующих субъектов, степень их самореализации в тех или иных типах экономического поведения. Экономическая культура включает в себя экономическое сознание и экономическое мышление и является механизмом регулирования экономического поведения индивида [5, с. 114–118]. Преимущество данного подхода состоит в том, что Г. Н. Соколова представила экономическую культуру не просто как функциональное образование, а скорее как динамический компонент социально-экономической системы, внутри которого происходит воспроизводство и изменение культурных ценностей. Поэтому именно приведенное определение экономической культуры стало отправной точкой данного исследования.

Результаты и их обсуждение

Обратимся к результатам проекта «Исследование европейских ценностей» (2008–2009), представленным Центром социологических и политических исследований БГУ, и монографиям «Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте “Исследование европейских ценностей”» [6] и «Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей» [7]. Объем выборочной совокупности по Республике Беларусь составил 1500 человек, по Российской Федерации – 1504 человека.

Основанием всякой человеческой деятельности выступают базовые ценности: семья, работа, дружба, здоровье, досуг и т. д. Отношение к профессии, труду определяет качество исполнения своих обязанностей, инициативность работника, его заинтересованность в процессе и результатах трудовой активности. По данным исследования, ценность работы для жителей Беларуси и России занимает второе место в иерархии жизненных ценностей: очень важна работа для 52,9 % белорусов (индекс значимости работы равен 0,62) и 52,1 % россиян (индекс значимости – 0,55). Им уступают только ценности семьи [7, с. 93–94]. Это говорит о том, что трудовая деятельность является не только источником дохода, но и важнейшей сферой самореализации человека.

В иерархии ценностей населения Беларуси первых три места начиная с 1990-х гг. стабильно занимают такие ценности, как высокая заработная плата, хороший коллектив и интересная работа [6, с. 79–80]. Это объясняется тем, что основные усилия жителей республики направлены на поддержание необходимого уровня материального благосостояния. В то же время остаются приоритетными ценности общения, коллективизма, желание работать не только для получения денег, но и для раскрытия своего творческого и профессионального потенциала.

Для жителей России в большей степени, чем для жителей Беларуси, важны такие характеристики трудовой деятельности, как гарантия не потерять работу, соответствие работы способностям человека, равное отношение ко всем на рабочем месте, большой отпуск, отсутствие жесткого контроля, ответственная работа, приобретение новых навыков. Белорусы же больше ценят хороший коллектив, удобный режим работы, общение с людьми, полезность работы для общества, совмещение интересов семьи и работы.

Средняя оценка удовлетворенности работой у россиян выше, чем у белорусов (7,04 балла против 6,54 балла). Также россияне более свободны в принятии самостоятельных решений на работе (сред-

няя оценка данного показателя составила 6,17, у белорусов – 5,81 балла).

Важный компонент экономической культуры – представление о справедливости распределения доходов, причинах бедности и богатства, социально-экономической дифференциации населения. Участников проекта «Исследование европейских ценностей» просили указать причины, по которым некоторые люди в их стране живут в нужде. Жители Беларуси считают, что материальное благополучие человека в большей степени зависит от его собственных действий, и с этим мнением солидарно население России. Несправедливость в обществе отмечается белорусами как второй по значимости фактор существования людей с низким уровнем дохода. Россияне поставили на второе место прогресс как одну из важнейших детерминант бедности.

Участникам исследования также предлагалось согласиться либо не согласиться с рядом утверждений, касающихся различных аспектов трудовой деятельности. Полученные данные представлены в табл. 1.

Мнения жителей Беларуси и России совпадают в том, что неработающие люди становятся ленивыми (с этим утверждением в той или иной степени согласны более 70 % населения обоих государств) и что получать незаработанные деньги унижительно (так считают чуть более половины жителей обеих стран). Вместе с тем у белорусов в большей степени выражено осознание общественной значимости трудовой деятельности, которая является важнейшей сферой самореализации человека. Зато россияне готовы упорно трудиться, даже если для этого потребуется сократить свободное время.

Проект «Исследование европейских ценностей» свидетельствует о том, что для жителей России более характерны патерналистские установки; ориентация на государственный контроль над экономической сферой, дифференциацию доходов в зависимости от индивидуальных усилий; соответствие рабочего места интересам сотрудников. Россияне и белорусы высказывают сходные мнения по вопросам безработицы, государственной поддержки, конкуренции. Однако жители Беларуси более позитивно относятся к основным составляющим рыночных отношений – частной собственности, свободе экономических субъектов, конкуренции, но в меньшей степени, чем россияне, поддерживают различия в доходах. Интересно, что и в России, и в Беларуси доминирование ориентации на поддержку населения со стороны государства наблюдалось после распада СССР (волна исследований 1995–1998 гг.), в период социально-политических и экономических потрясений.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Согласны Вы или не согласны со следующими утверждениями?», %

Table 1

Distribution of answers to the question «Do you agree or disagree with the following statements?», %

Утверждения	Согласны		Не согласны		Ни то, ни другое	
	Беларусь	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь	Россия
Чтобы полностью реализовать свои способности, необходимо иметь работу	84,2	75,7	8,8	13,1	7,0	11,2
Это унижительно – получать деньги, которых не заработал	53,6	53,2	23,9	23,0	22,5	23,8
Люди, которые не работают, становятся ленивыми	72,5	73,4	12,6	14,5	14,9	12,1
Работа – это долг каждого по отношению к обществу	63,2	43,3	18,3	32,0	18,5	24,7
Работа всегда должна быть на первом месте, даже если остается меньше свободного времени	38,7	44,7	45,0	32,9	16,3	22,4

В обществе массового потребления изменяется роль и значение денег в повседневной жизни людей. Коммерциализация духовных благ, жизни, тела, отношений наталкивается на сопротивление со стороны общества. Более половины населения обоих государств (53,9 % жителей Беларуси и 56,1 % жителей России) желают, чтобы в их странах придавалось меньше значения деньгам и материальным ценностям.

Представляют особый интерес данные проекта «Исследование европейских ценностей», касающиеся мнения белорусов и россиян о некоторых аспектах монетарного поведения. Участникам предлагалось оценить по 10-балльной шкале, в какой степени можно оправдать те или иные действия (1 – никогда, 10 – всегда), затем выводилось среднее значение по стране. Так, утверждение «Притязание на государственные пособия, льготы, на которые Вы не имеете права» получило 3,22 балла у населения Беларуси и 2,99 балла у жителей России; утверждение «Уклонение от налогов, если предоставляется такая возможность» было оценено в 3,52 и 3,25 балла соответственно. В меньшей степени может быть оправдано получение взяток (соответственно 2,88 и 2,27 балла), в большей степени заслуживает оправдания уклонение от оплаты проезда в общественном транспорте (4,49 и 4,05 балла соответственно).

Свидетельством формирования экологической культуры населения обеих стран является готовность его большинства (65,9 % жителей Беларуси и 62,1 % жителей России) пожертвовать частью своих доходов при уверенности, что эти деньги будут использованы для предотвращения загрязнения окружающей среды.

Понятие экономической ментальности близко категории экономической культуры: она включа-

ет в себя стереотипы потребления, нормы и образцы взаимодействия, организационные формы, ценностно-мотивационное отношение к работе и богатству, степень восприимчивости (или невосприимчивости) к зарубежному опыту [8, с. 702]. Одним из наиболее популярных подходов к измерению и сравнению экономической ментальности разных стран является этнометрический подход, в котором применяются математические методы исследования [9, с. 76]. Изучением белорусской ментальности занимается А. М. Сидорова, которая провела опрос населения Беларуси (без указания на объем и структуру выборки) с использованием методики Г. Хофстеде «Модуль исследования ценностей – 1994» (VSM 94), основанной на пяти измерениях.

Первое измерение – дистанция власти, которая отражает степень лояльности к существованию неравномерного распределения власти. Второе измерение – индивидуализм в противовес коллективизму. Третье измерение – маскулинность (его противоположность – фемининность), под которой понимается ценность достижения рациональности, прямых действий, зарабатывания денег, ответа на вызовы внешнего мира. Четвертое измерение – избегание неопределенности: чем выше данный показатель, тем больше люди нуждаются в руководстве «сверху», избегают рисков, труднее принимают нововведения. Пятое измерение – конфуцианский динамизм, который отражает долгосрочную ориентацию общества – в противоположность краткосрочной (тактической) ориентации [9, с. 76–77].

В результате исследования по первым четырем параметрам были получены следующие показатели экономической ментальности жителей Беларуси и России (табл. 2).

Таблица 2

Результаты измерения экономической ментальности населения Беларуси и России

Table 2

Results of measuring the economic mentality of the population of Belarus and Russia

Показатели	Дистанция власти	Индивидуализм	Маскулинность	Избегание неопределенности
Беларусь	62	39	49	76
Россия	33	36	48	70

Источник: [9, с. 77–78].

Для белорусского населения характерны дистанция власти на уровне выше среднего, низкий индивидуализм, высокий уровень избегания неопределенности, умеренная степень маскулинности. Экономическая ментальность россиян имеет сходные особенности, однако отличается более низким уровнем дистанции власти.

А. М. Сидоровой проведен кластерный анализ, в результате которого были выделены четыре группы стран, обладающих похожими ментальными характеристиками, которые могут облегчать проведение интеграционных процессов:

1) страны с рыночным менталитетом, которым свойственны высокий индивидуализм, низкая дистанция власти, высокая маскулинность;

2) страны с рыночным социально-демократическим менталитетом, которым присущи дистанция власти ниже среднего, достаточно высокий индивидуализм, доминирование фемининности и уровень избегания неопределенности в пределах от низкого до среднего;

3) страны с промежуточным менталитетом (занимают промежуточное положение между Западом и Востоком), которые объединяют средний и высокий уровни дистанции власти, индивидуализм от низкого до умеренного уровня, низкая или умеренная маскулинность, высокий уровень избегания неопределенности;

4) страны с конфуцианским менталитетом, для которых характерны очень высокий уровень дистанции власти, низкий уровень индивидуализма,

показатель маскулинности в пределах от умеренного до очень высокого и показатель избегания неопределенности в пределах от низкого до выше среднего [9, с. 78–80].

Исследование показало, что экономическая ментальность населения Беларуси и России сочетает в себе черты восточного и западного менталитетов, поэтому обе страны могут характеризоваться промежуточным менталитетом. Данный вывод согласуется с мнением российского социолога А. А. Широкаковой, которая отмечает противоречивость изменений в ценностных ориентациях, происходящих в Беларуси и соседних странах, и невозможность однозначного отнесения белорусского общества в ценностном отношении к евразийской или восточноевропейской группе стран-соседей [10, с. 117].

Выявленные характеристики экономической ментальности послужили основанием для выделения различных типов экономической культуры: англосаксонского; социально-демократического (скандинавская модель); европейского социально-рыночного (немецкая модель); государственно-корпоративного; мусульманского и латиноамериканского; корпоративно-кланового; корпоративно-азиатского. Беларусь и Россия относятся к государственно-корпоративному типу экономической культуры [11, с. 47]. Близость ментальных параметров двух стран, их неформальных экономических институтов способствует интеграционным процессам в рамках Союзного государства.

Заключение

Для того чтобы политические, правовые, экономические реформы имели успех, они должны соответствовать основам нравственного мировоззрения большинства граждан – только тогда можно достичь подлинного социально-экономического преобразования общества. Для реализации рыночных реформ требуются изменения в экономической культуре населения, в том числе усвоение таких хозяйственных ценностей, как рационализм, предприимчивость, инновационность, склонность к риску и т. д. Прежние ценности, ставшие ненуж-

ными в новых экономических условиях, уступают место новым, более перспективным, позволяющим адаптироваться и стать успешным в хозяйственной деятельности.

По ценностным ориентациям страны – участницы Союзного государства занимают промежуточное положение между Западом и Востоком. Их объединяют такие показатели экономической культуры, как высокая значимость работы, ценность самореализации в трудовой деятельности, представление об определяющей роли индивиду-

альных усилий в достижении материального благополучия, коллективизм, установка на рыночный тип экономических отношений, признание важности государственного контроля деятельности хозяйствующих субъектов, низкая степень готов-

ности к экономическим рискам. Сходство ценностных ориентаций населения Беларуси и России в экономической сфере является одним из важнейших факторов успешности интеграционных процессов между двумя странами.

Библиографические ссылки

1. Зарубина НН. *Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе*. Москва: Логос; 2004. 443 с.
2. Архипов АЮ, Евграфова ОВ, Зотова ТА, Королева ВК. *Экономическая культура*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского государственного университета; 2006. 294 с.
3. Заславская ТИ, Рывкина РВ. *Социология экономической жизни: очерки теории*. Новосибирск: Наука; 1991. 448 с.
4. Доброштан ВМ. О некоторых аспектах экономической культуры общества и личности. *Государственный советник*. 2013;2:53–64.
5. Соколова ГН. *Экономическая социология*. Минск: Навука і тэхніка; 1995. 265 с.
6. Ротман ДГ, Булышко ДМ, Данилов АН, редакторы. *Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»*. Минск: БГУ; 2009. 231 с.
7. Булышко ДМ, Данилов АН, Правдивец ВВ, Ротман ДГ, редакторы. *Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей*. Минск: БГУ; 2016. 219 с.
8. Олейник АН. *Институциональная экономика*. Москва: ИНФРА-М; 2005. 416 с.
9. Сидорова А. М. Влияние экономической ментальности на становление интеграционных процессов. *Журнал институциональных исследований*. 2015;2:68–83. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.068=083.
10. Широканова АА. Близкие духом: динамика ценностей в Беларуси и соседних странах (1990–2012). *Социология*. 2016;3:108–118.
11. Лемешенко ПС, Сидорова АМ. Экономическая ментальность как основа интеграционных процессов стран Таможенного союза и Украины. *Философия хозяйства*. 2015;3:43–51.

References

1. Zarubina NN. *Sotsiologiya khozyaistvennoi zhizni: problemnyi analiz v global'noi perspektive* [Sociology of economic life: problem analysis in the global perspective]. Moscow: Logos; 2004. 443 p. Russian.
2. Arkhipov AYU, Evgrafova OV, Zotova TA, Koroleva VK. *Ekonomicheskaya kul'tura* [Economic culture]. Rostov-on-Don: Publishing House of the Rostov State University; 2006. 294 p. Russian.
3. Zaslavskaya TI, Ryvkina RV. *Sotsiologiya ekonomicheskoi zhizni: ocherki teorii* [Sociology of economic life: essays on theory]. Novosibirsk: Nauka; 1991. 448 p. Russian.
4. Dobroshtan VM. On some aspects of the economic culture of the society and personality. *The State Counsellor*. 2013;2:53–64. Russian.
5. Sokolova GN. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1995. 265 p. Russian.
6. Rotman DG, Bulynko DM, Danilov AN, editors. *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: Belarus' v proekte «Issledovanie evropeiskikh tsennostei»* [The value world of modern man: Belarus in the project «European Values Study»]. Minsk: Belarusian State University; 2016. 231 p. Russian.
7. Bulynko DM, Danilov AN, Pravdivets VV, Rotman DG, editors. *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropeiskii soyuz i Rossiya v mezhdunarodnykh proektakh po izucheniyu tsennostei* [The value world of modern man: Belarus in international projects on the study of European values]. Minsk: Belarusian State University; 2009. 219 p. Russian.
8. Oleinik AN. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics]. Moscow: INFRA-M; 2005. 416 p. Russian.
9. Sidorova AM. Impact of informal institutions on the development of integration processes. *Journal of Institutional Studies*. 2015;2:68–83. Russian. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.068=083.
10. Shirokanova AA. Close in spirit: value dynamics in Belarus and neighbouring countries (1990–2012). *Sotsiologiya*. 2016;3:108–118. Russian.
11. Lemeshchenko PS, Sidorova AM. Economic mentality as a basis of integration processes in countries of the Customs Union and Ukraine. *Filosofiya khozyaistva*. 2015;3:43–51. Russian.

Статья поступила в редколлегию 29.08.2018.
Received by editorial board 29.08.2018.

УДК 316+338.48

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ТУРИСТОВ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН У РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА

Д. В. КЛИМОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Методом семантического дифференциала по 21 личностной характеристике изучались социальные репрезентации туристов из различных стран, посещающих Республику Беларусь, у работников предприятий гостиничного бизнеса. В результате проведения кластерного анализа было выявлено 6 кластеров. В первый кластер вошли туристы из России, Украины и Италии. Второй кластер образовали исключительно жители Беларуси. Третий кластер – туристы из Китая, Израиля и Турции. В состав четвертого кластера вошли представители Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Швейцарии и Германии. Пятый кластер образовали туристы из США, Франции и Польши, а шестой кластер – из Литвы, Латвии и Эстонии. Были выявлены и описаны различия между кластерами.

Ключевые слова: социальные репрезентации; семантический дифференциал; гостиничный бизнес; индустрия гостеприимства; иностранные туристы.

Образец цитирования:

Климович ДВ. Кластеризация социальных репрезентаций туристов из различных стран у работников предприятий гостиничного бизнеса. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;2:81–90.

For citation:

Klimovich DV. Clustering of social representations of tourists from different countries by the hospitality industry employees. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;2:81–90. Russian.

Автор:

Дарья Викторовна Климович – аспирантка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Darya V. Klimovich, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
dasha_by@mail.ru

CLUSTERING OF SOCIAL REPRESENTATIONS OF TOURISTS FROM DIFFERENT COUNTRIES BY THE HOSPITALITY INDUSTRY EMPLOYEES

D. V. KLIMOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Social representations of tourists from different countries visiting the Republic of Belarus were studied from the point of view of hospitality industry employees. The method of semantic differential by 21 personal characteristics was applied. As a result of cluster analysis, 6 clusters were identified. The first cluster included representatives from Russia, Ukraine and Italy. The second cluster was formed exclusively by representatives of Belarus. The third cluster was formed by representatives from China, Israel and Turkey. The fourth cluster included representatives from the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Switzerland and Germany. The fifth cluster was formed by representatives of the United States, France and Poland, and the sixth cluster included representatives of Lithuania, Latvia and Estonia. Were identified and described differences between clusters.

Keywords: social representations; semantic differential; hotel business; hospitality industry; foreign tourists.

Положительные тенденции в развитии межкультурных контактов наблюдаются в различных сферах деятельности белорусского государства, таких как образование, общественные отношения, торговля, бизнес, политика, трудовая деятельность, туризм и отдых.

Стремительное увеличение количества кросс-культурных контактов привлекло внимание ученых в области социальных наук со всего мира. В целях повышения эффективности социального взаимодействия исследователи пытаются выявить культурную специфику, изучить и описать закономерности поведения представителей разных этнических групп, сопоставить различные характеристики культур. В результате большого числа научных изысканий были выявлены как культурно-универсальные, так и культурно-специфические особенности поведения представителей различных народностей (Г. Хофстеде, Г. Триандис).

Поведение людей детерминировано такими факторами, как ближайшее социальное окружение, культура, ситуация взаимодействия, социальная коммуникация, личностные диспозиции, установки. Перспективным подходом к пониманию взаимосвязи этих составляющих в сознании человека и объяснению их влияния на поведение является изучение социальных репрезентаций.

С. Московичи определяет социальные репрезентации как идеи, мысли, знания и образы, которые коллективно разделяются членами общества: это согласованный универсум мыслей, социально создаваемых и социально коммуницируемых для формирования частей «общего сознания» [1, с. 372]. Г. М. Андреева отмечает, что для С. Московичи социальные репрезентации «есть осмысленные знания, которые являются в современном обществе эквивалентом тому, что в традиционных обществах рассматривается как мифы и верования,

которые в этой связи могут быть названы «современной версией здравого смысла» [2, с. 204].

Еще одно определение понятия социальных репрезентаций принадлежит Д. Жодле: «Категория социального представления обозначает специфическую форму познания, а именно знания здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловлены. В более широком плане социальные представления – это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения. Как таковые они обладают особыми характеристиками в области организации содержания, ментальных операций и логики. Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределены контекстом и условиями возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которым они служат во взаимодействии с миром и другими людьми»¹ [3, р. 361].

Б. Гафье трактует социальные репрезентации как совокупность знаний, убеждений, схем восприятия и действия по отношению к социально значимому объекту. Они составляют особую форму повседневного знания, которое определяет реальность для социальной общности, выработавшей его для целей деятельности и коммуникации [4, с. 54].

Отмечается тенденция широкого использования теории и методологии социальных репрезентаций в кросс-культурных исследованиях. В основе данного подхода лежит выявление особенностей и различий социальных репрезентаций у субъектов, принадлежащих к различным этнокультурным группам. Сейчас изучение социальных репрезентаций в кросс-культурном аспекте ведется во многих направлениях. Наиболее важны работы, в которых анализируются социальные репрезентации представителей разных национальных общностей, по-

¹Здесь и далее перевод наш. – Д. К.

скольку они существенно расширяют возможности системного понимания специфики и детерминант представления людей одних национальных групп другими.

Так, концепция социальных репрезентаций была положена в основу изучения социальных представлений греческих и иорданских школьников друг о друге [5]. В результате анализа полученных данных исследователи обнаружили преобладание нейтральных социальных репрезентаций у респондентов. Социальные репрезентации у греческих школьников формировались через телевидение, а у иорданских – благодаря школьной активности. Упомянутое исследование предполагало решение практических задач, в частности было необходимо найти способы улучшения взаимодействия между европейским и арабским миром. На основе результатов данного исследования предложены некоторые формы межкультурного сотрудничества, а также созданы школьные программы, посвященные вопросам толерантности и адекватного восприятия представителей других наций. Все это должно способствовать избавлению от стереотипов и различных форм нетерпимости.

Еще одно исследование особенностей формирования социальных репрезентаций о представителях других национальностей проведено с целью найти пути улучшения отношений между чехами и австрийцами [6]. Было выявлено, что специфика социальных репрезентаций детерминируется типами контактов между представителями обеих наций. В ситуации случайного и формального контакта (например, просьба указать дорогу) респонденты используют общие социальные репрезентации и стереотипы, а в ситуациях более близкого общения полагаются на свой личный опыт взаимодействия и наблюдения за поведением представителей соседней нации. Также исследователи пришли к заключению, что люди склонны взаимодействовать с представителями других национальностей через призму определенных паттернов. При наличии опыта общения с представителями иных общностей люди более склонны положительно оценивать и других представителей этой нации, чем те, кто имеет только опыт случайного или формального общения. Итоги этого анализа могут быть полезны для преодоления межнациональной напряженности между чехами и австрийцами путем разработки специализированных программ взаимодействия.

Были изучены также особенности социальных репрезентаций русских людей о цыганах [4]. Обнаружена выраженная негативная установка в адрес этой национально-культурной группы. В структуре социальных репрезентаций у русских респондентов центральное место занимает элемент «асоциальность», который является причиной группового дефаворитизма в отношении цыганского народа.

Было выявлено и отношение к цыганам как к самобытной культурной группе. Вместе с тем представления о цыганской самобытности прямо связаны с оценкой цыганского народа как чужеродной группы, ценности, мораль и нравственные нормы которой не соответствуют общепринятым в цивилизованном мире. Кроме того, была обнаружена прямо пропорциональная взаимосвязь степени толерантности и уровня образования в качестве основной детерминанты особенностей мультикультурного общественного восприятия.

Интерес представляет еще одно кросс-культурное исследование, цель которого заключалась в выявлении специфических черт характера российских туристов с точки зрения ближайших соседей России [7]. Выборку составили респонденты из Финляндии, Литвы, Эстонии, Латвии, Польши и Беларуси. Для сравнения в качестве участников исследования привлекались россияне. Восприятие русского национального характера представителями соседствующих наций было довольно сходным и не совпадало с тем, как россияне оценивают собственные личностные черты. Русские воспринимались как менее покладистые и совестливые, чем представители собственных наций, но более склонные к открытости и экстраверсии. Также были выявлены некоторые различия в восприятии россиян представителями западноевропейских и центральноевропейских стран. Западные европейцы менее негативно оценивали национальный характер россиян.

Похожее исследование было посвящено выявлению содержания социальных представлений чехов и американцев о русских [8]. В результате обнаружено, что образ русского человека значительно варьируется в зависимости от национальности, возраста и территории проживания респондентов. Содержание же социальных репрезентаций у всех групп в основном негативно, с небольшими вкраплениями положительных оценок.

Таким образом, люди склонны взаимодействовать с представителями других национальностей через призму собственных паттернов. В корне неверные, не соответствующие действительности или негативные представления могут повлечь недопонимания, разногласия, противоречия и конфликты. Без знаний особенностей социальных репрезентаций лиц, осуществляющих непосредственное взаимодействие с представителями других наций, невозможно ни полноценное общение и сотрудничество, ни управление качеством оказываемых услуг, ни социально-политическое взаимодействие.

На основе выявленных закономерностей социальных репрезентаций можно создавать коммуникативные и информационные программы для сферы подготовки и переподготовки кадров, включая обучение менеджеров и представителей контактного персонала предприятий торговли,

туризма и гостеприимства, представителей дипломатического корпуса, предпринимателей, осуществляющих международную экономическую деятельность, и других заинтересованных лиц. Полученная информация также может быть использована в целях повышения эффективности политических мероприятий.

Знание социальных репрезентаций о представителях других наций наиболее актуально для сферы туризма и гостеприимства, поскольку в ней межличностное взаимодействие (например, контакты гостей с обслуживающим персоналом) становится доминирующим фактором, обеспечивающим уровень сервиса. Высокое качество сервиса не может быть достигнуто без учета особенностей психологии и норм поведения гостей из различных стран, носителей разных культур. Очевидно, что невозможно предоставить сервис высокого уровня, если у персонала преобладают негативные социальные репрезентации в отношении той или иной национальной группы. Однако вопрос о том, насколько специалисты индустрии туризма и гостеприимства способны к оценке иностранных гостей, до конца не изучен.

Исследование социальных репрезентаций зарубежных гостей у работников предприятий гостиничного бизнеса в рамках теории С. Московичи позволяет решить ряд исследовательских задач: 1) изучить представления о зарубежных гостях для обнаружения возможных проблемных зон и разработки предложений по обучению и коррекции поведения работников индустрии гостеприимства; 2) внести вклад в теорию социальных репрезентаций путем выявления новых закономерностей. Кроме того, интерес может представлять соотношение результатов анализа с данными самооценки представителей исследуемых стран, а также оценки групп туристов из других стран работниками предприятий гостеприимства.

Таким образом, цель исследования – определение содержания социальных репрезентаций зарубежных гостей у работников предприятий гостиничного бизнеса.

Была использована методика личностного семантического дифференциала, адаптированная сотрудниками НИИ имени В. М. Бехтерева [9; 10], содержащая 21 биполярную шкалу. Цель ее разработки – создание компактного и валидного инструмента для изучения определенных свойств личности, ее самосознания, межличностных отношений, который мог бы быть применен в клинико-психологической и психодиагностической работе, а также в социально-психологической практике. Данный вариант психосемантической методики включает полюсы трех классических факторов семантического дифференциала: оценки, силы и ак-

тивности. Методика позволяет изучить отношение как к другим людям, так и к самому себе.

Исследование проводилось в различных гостиничных предприятиях г. Минска (от бескатегорийных до пятизвездочных). Выборка состояла из респондентов в возрасте от 18 до 57 лет в количестве 107 человек, среди которых 80 женщин и 27 мужчин, представляющих широкий профессиональный спектр: администраторы, консьержи, швейцары, специалисты по бронированию, телефонные операторы, менеджеры, супервайзеры, горничные, метрдотели, бармены, официанты, крупье, охранники и инструкторы по физической подготовке.

Программа проведения исследования социальных репрезентаций работников гостиничной сферы относительно иностранных туристов состояла из нескольких этапов. С помощью анализа статистических данных въездного туризма были определены страны – лидеры по въездному потоку в Республику Беларусь (см. рис. 1). Таким образом, объектами матрицы личностного семантического дифференциала стали представители этих стран. Далее респондентам – работникам сферы гостеприимства – было предложено оценить каждый объект по 7-балльной шкале, заданной биполярными конструктами.

Для получения наиболее полной картины вариативности социальных репрезентаций туристов из различных стран, а также в целях выделения близких и существенно различающихся групп иностранных гостей был проведен кластерный анализ (см. рис. 2).

Наиболее сходными оказались репрезентации представителей Литвы и Латвии, Польши и Франции, Великобритании и Швейцарии, Турции и Израйля, Украины и Италии (рис. 2).

На низшем, элементарном уровне иерархии было целесообразно выделение шести базовых кластеров, поскольку дальнейшее дробление объектов содержательно непродуктивно и статистически не обосновано. В первый кластер вошли туристы из России, Украины и Италии. Второй кластер образовали исключительно представители Беларуси, данные по которым статистически значимо отличались даже от ближайшей к ним группы туристов, которые, в свою очередь, сформировали третий кластер: Китай, Израиль и Турция. В состав четвертого кластера вошли представители Великобритании, Швейцарии и Германии. Пятый кластер образовали туристы из США, Франции и Польши, а шестой кластер – Литвы, Латвии и Эстонии (рис. 2).

На высшем уровне иерархической кластеризации произошло деление выборки на две части, одну из которых образовало относительно небольшое количество объектов.

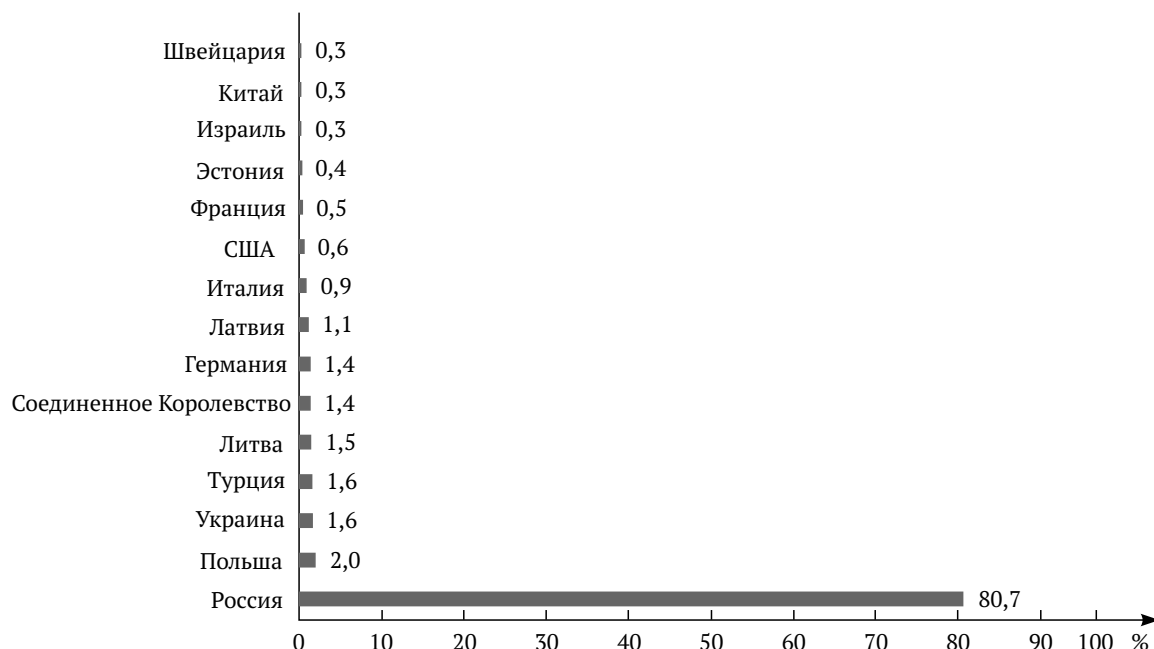

Рис. 1. Распределение по странам мира иностранных туристов, принятых в Республике Беларусь с 2011 по 2015 г. организациями, осуществляющими туристическую деятельность

Fig. 1. Distribution by countries of the world of foreign tourists taken in the Republic of Belarus from 2011 to 2015 by organizations engaged in tourist activities

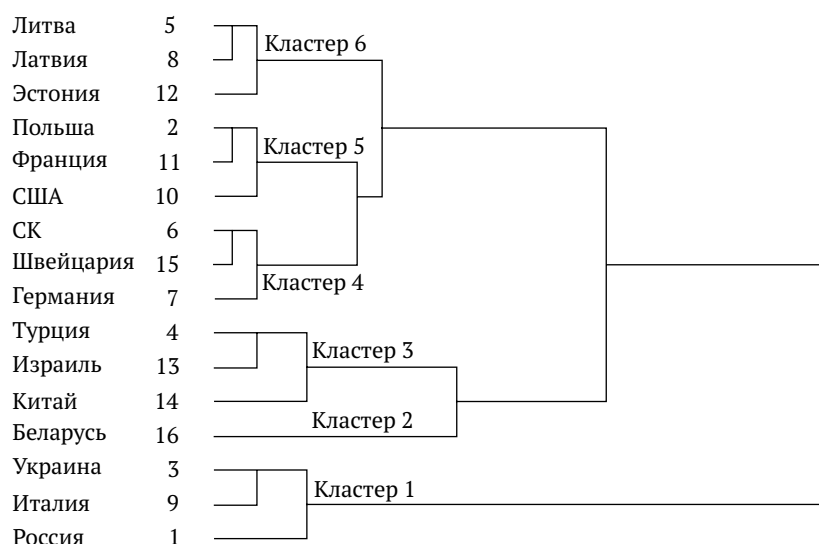

Рис. 2. Кластеризация социальных репрезентаций зарубежных гостей у работников предприятий гостиничного бизнеса

Fig. 2. Clustering social representations of foreign guests by the hospitality industry employees

Таким образом, наиболее «далеким», отличным от остальных, оказался кластер, состоящий из представителей России, Украины и Италии (рис. 2).

По мнению работников индустрии гостеприимства, гости из стран, образующих кластер 1 (Россия, Украина, Италия) (см. рис. 3), более разговорчивы ($p \leq 0,01$), открыты ($p \leq 0,01$), общительны ($p \leq 0,01$), обаятельны ($p \leq 0,01$), сильны ($p \leq 0,01$), деятельны ($p \leq 0,01$), отзывчивы ($p \leq 0,01$), реши-

тельны ($p \leq 0,01$), энергичны ($p \leq 0,01$), уверены ($p \leq 0,01$), упрямы ($p \leq 0,01$), суетливы ($p \leq 0,01$) и раздражительны ($p \leq 0,01$), чем представители остальных стран (кластеры 2–6), которые, в свою очередь, были признаны более добросовестными ($p \leq 0,01$).

Не наблюдалось различий по конструктам независимый – зависимый, расслабленный – напряженный, честный – неискренний.

Рис. 3. Различия в социальных репрезентациях представителей первой (кластер 1) и второй групп кластеров (кластеры 2–6)

Fig. 3. Differences in the social representations of the representatives of the first (cluster 1) and second cluster groups (clusters of 2–6)

На втором уровне иерархической кластеризации выделились две группы стран (рис. 2): в первую вошли представители Беларуси, Китая, Израиля и Турции (кластеры 2, 3), а во вторую – представители Великобритании, Швейцарии, Германии, Литвы, Латвии, Эстонии, США, Франции и Польши (кластеры 4–6).

Туристы из Беларуси, Китая, Израиля и Турции (см. рис. 4) оказались в большей степени разговорчивыми ($p \leq 0,05$), упрямыми ($p \leq 0,05$), напряженными ($p \leq 0,01$), суетливыми ($p \leq 0,01$) и раздражительными ($p \leq 0,01$). В свою очередь, туристы из Великобритании, Швейцарии, Германии, Литвы, Латвии, Эстонии, США, Франции и Польши более обаятельны ($p \leq 0,01$), сильны ($p \leq 0,05$), добросовестны ($p \leq 0,01$), независимы ($p \leq 0,01$), деятельны ($p \leq 0,01$), решительны ($p \leq 0,01$), справедливы ($p \leq 0,01$), уверены ($p \leq 0,01$), честны ($p \leq 0,01$) и самостоятельны ($p \leq 0,01$).

По конструктам открытый – замкнутый, добрый – эгоистичный, энергичный – вялый, дружелюбный – враждебный и общительный – нелюдимый различий практически не наблюдалось.

Были обнаружены статистически значимые различия (см. рис. 5) между туристами-белорусами (кластер 2) и туристами из Китая, Израиля, Турции (кластер 3). По мнению работников гостиничных предприятий, белорусские туристы более обаятельны ($p \leq 0,01$), открыты ($p \leq 0,01$), добры ($p \leq 0,01$), отзывчивы ($p \leq 0,01$), справедливы ($p \leq 0,01$), дружелюбны ($p \leq 0,01$), общительны

($p \leq 0,01$), честны ($p \leq 0,01$) и напряжены ($p \leq 0,05$). При этом в наибольшей степени выделялись такие качества, как обаятельность, доброта, честность и отзывчивость. Представители Китая, Израиля и Турции характеризовались большим упрямством ($p \leq 0,01$), независимостью ($p \leq 0,01$), решительностью ($p \leq 0,01$) и уверенностью ($p \leq 0,01$).

Исследовательский интерес представляли также различия между туристами из Литвы, Латвии, Эстонии (кластер 6) и Великобритании, Швейцарии, Германии, США, Франции, Польши (кластеры 4, 5).

Представители Великобритании, Швейцарии, Германии, США, Франции и Польши (см. рис. 6), с точки зрения сотрудников сферы гостеприимства, оказались более сильными ($p \leq 0,01$), разговорчивыми ($p \leq 0,01$), добросовестными ($p \leq 0,01$), открытыми ($p \leq 0,01$), независимыми ($p \leq 0,01$), деятельными ($p \leq 0,01$), решительными ($p \leq 0,01$), энергичными ($p \leq 0,01$), уверенными ($p \leq 0,01$), общительными ($p \leq 0,01$), честными ($p \leq 0,01$) и самостоятельными ($p \leq 0,01$), нежели туристы из Литвы, Латвии и Эстонии.

По конструктам обаятельный – непривлекательный, упрямый – уступчивый, добрый – эгоистичный, спокойный – суетливый, невозмутимый – раздражительный различий практически не наблюдалось.

На низшем уровне иерархической кластеризации выделились два кластера, один из которых образовали представители Великобритании, Швей-

царии, Германии (кластер 4), а другой – США, Франции и Польши (кластер 5).

Более сильными ($p \leq 0,01$), добросовестными ($p \leq 0,01$), независимыми ($p \leq 0,01$), справедливыми ($p \leq 0,01$), честными ($p \leq 0,01$) и напряженными ($p \leq 0,05$) были признаны туристы из

Великобритании, Швейцарии и Германии (см. рис. 7). Гости из США, Франции и Польши оказались более обаятельными ($p \leq 0,01$), разговорчивыми ($p \leq 0,01$), открытыми ($p \leq 0,01$), отзывчивыми ($p \leq 0,01$), общительными ($p \leq 0,01$), дружелюбными ($p \leq 0,01$), суетливыми ($p \leq 0,01$) и раздражительными ($p \leq 0,01$).

Рис. 4. Различия в социальных репрезентациях представителей групп базовых кластеров 2, 3 и 4–6

Fig. 4. Differences in social representations of representatives of groups basic clusters 2, 3 and 4–6

Рис. 5. Различия в социальных репрезентациях представителей кластеров 2, 3

Fig. 5. Differences in social representations of representatives of clusters 2, 3

Рис. 6. Различия в социальных репрезентациях представителей группы базовых кластеров 4, 5 и кластера 6
Fig. 6. Differences in social representations of the representatives of the group basic clusters 4, 5 and cluster 6

Рис. 7. Различия в социальных репрезентациях представителей кластеров 4, 5
Fig. 7. Differences in social representations of representatives of clusters 4, 5

Причинами подобной кластерной модели могут быть типичные паттерны покупательского поведения. Так, гости из России, Украины и Италии, по всей видимости, демонстрируют аналогичные паттерны потребительского поведения в гостиничной индустрии. Для них характерно открытое выска-

зывание претензий, проявление эмоций, громкие разговоры в общественных местах. Представители Великобритании, Швейцарии и Германии, напротив, более сдержанны, открыто не высказывают претензии, они спокойны, невозмутимы, скупы в проявлении эмоций.

Причина сходства поведения туристов из Турции, Израиля и Китая может быть объяснена тем, что работники индустрии гостеприимства репрезентируют эти нации как народы Востока, при этом очевидно, что израильтяне и турки, как представители ближневосточного региона, воспринимаются как более близкие, чем китайцы. Подобное объяснение можно применить и в отношении гостей из стран Балтии – Литвы, Латвии и Эстонии.

Кроме того, можно полагать, что работники индустрии туризма и гостеприимства руководствуются стереотипами, так как недостаточно знакомы с людьми разных национальностей. Можно предположить, что количество и частота контактов с той или иной культурой коррелирует с формированием положительных или отрицательных составляющих репрезентаций. Иными словами, положительная динамика репрезентаций будет наблюдаться по мере повышения знакомства с представителями различных культур, в то время как незнакомые туристы, напротив, будут восприниматься как более враждебные и непривлекательные. Для тестирования этой гипотезы можно исследовать корреляцию между опытом работы и степенью выраженности положительных качеств в репрезентациях.

Таким образом, в результате проведения кластерного анализа социальных репрезентаций работников предприятий гостиничного бизнеса относительно туристов, посещающих Республику Беларусь, было выделено шесть базовых кластеров: 1) туристы из России, Украины и Италии; 2) туристы из Беларуси; 3) туристы из Китая, Израиля и Турции; 4) туристы из Великобритании, Швейцарии и Германии; 5) туристы из США, Франции и Польши; 6) туристы из Литвы, Латвии и Эстонии.

На высшем уровне иерархической кластеризации произошло деление выборки на две части, одну из которых образовало относительно небольшое количество объектов. Таким образом, наиболее «далеким», отличным от остальных, оказался кластер, состоящий из представителей России, Украины и Италии. На втором уровне выделились две группы стран: туристы из Беларуси, Китая,

Израиля, Турции и туристы из Великобритании, Швейцарии, Германии, Литвы, Латвии, Эстонии, США, Франции и Польши. На следующем уровне выделились два кластера: представители Беларуси и туристы из Китая, Израиля и Турции. Далее произошло деление на две части, одну из которых сформировали представители Литвы, Латвии и Эстонии, а другую – представители Великобритании, Швейцарии, Германии, США, Франции, Польши. На низшем уровне иерархической кластеризации выделились два кластера, один из которых образовали представители Великобритании, Швейцарии, Германии, а другой – представители США, Франции и Польши.

Была последовательно реализована логика описания кластеров туристов из различных стран в представлении работников предприятий гостиничного бизнеса – от наиболее различающихся на высшем уровне иерархии и до наиболее сходных. Также выделены ключевые детерминанты кластеров и групп кластеров, позволяющие наиболее информативно охарактеризовать представителей тех или иных стран.

Результаты данного исследования могут стать основой для разработки программ, направленных на улучшение межкультурного взаимодействия, поиск разрешения межнациональных проблем и коррекцию поведения работников сферы гостиничного бизнеса. Изучение социальных репрезентаций зарубежных гостей сделает возможным их учет в процессе отбора, найма, расстановки и профессиональной ориентации персонала отелей. Теоретические выводы и эмпирические данные, полученные в результате исследования, могут использоваться при разработке обучающих курсов, тренингов, программ зарубежных стажировок, которые будут направлены на формирование у персонала гостиничного бизнеса навыков взаимодействия в поликультурной среде, умений устанавливать и поддерживать контакты с представителями различных наций, способствовать получению более глубоких знаний о туристах, а следовательно, и улучшать понимание их потребностей, желаний или проблем.

Библиографические ссылки

1. Янчук ВА. *Введение в современную социальную психологию*. Минск: АСАР; 2005. 768 с.
2. Андреева ГМ. *Психология социального познания*. Москва: Аспект-пресс; 2004. 288 с.
3. Jodelet D. Représentations sociales: phénomènes, concept et théorie. In: Moscovici S, editeur. *Psychologie sociale*. Paris: PUF; 1984. p. 357–379.
4. Емельянова ТП. *Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования*. Москва: Институт психологии РАН; 2016. 476 с.
5. Al-Said K, Makrakis V, Calogiannakis P, Kostaulas-Makrakis N, De Baz T. Social representations between Greeks and Jordanians: a comparative study. *Europe's Journal of Psychology* [Internet]. 2007 [cited 2019 February 1];3(1). Available from: <https://ejop.psychopen.eu/article/view/388/html>. DOI: 10.5964/ejop.v3i1.388.
6. Tyrlik M, Kourilova S, Konečný S. How trust based on personal experience builds social representations of Austrian neighbors among Czech adolescents living near the Czech – Austrian border. In: 8th *International conference on social*

representations: media and society; 2006 August 28 – September 1; Rome, Italy [Internet]. 2006 [cited 2018 September 12]. Available from: www.europhd.it/sites/default/files/images/onda_3/05/8thICSR/presentation.html.

7. Realo A, Allik J, Lönqvist J-E. Mechanisms of the national character stereotype: how people in six neighbouring countries of Russia describe themselves and the typical Russian. *European Journal of Personality*. 2009;23(3):229–249. DOI: 10.1002/per.719.

8. Емельянова ТП, Паттисон АС. Особенности социальных представлений о русских у жителей Чехии и США. *Психологические исследования* [Интернет]. 2010 [процитировано 2 февраля 2019 г.];5(13). Доступно по: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n5-13/379-emelyanova-pattison13.html>.

9. Сухов АН, Деркач АА. *Прикладная социальная психология*. Москва: МОДЭК; 1998. 600 с.

10. Фетискин НП, Козлов ВВ, Мануйлов ГМ. *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. Москва: Издательство Института психотерапии; 2002. 490 с.

References

1. Yanchuk VA. *Vvedenie v sovremennuyu sotsial'nuyu psikhologiyu* [Introduction to modern social psychology]. Minsk: ASAR; 2005. 768 p. Russian.

2. Andreeva GM. *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspect-press; 2004. 288 p. Russian.

3. Jodelet D. Représentations Sociales: phénomènes, concept et théorie. In: Moscovici S, editor. *Psychologie sociale*. Paris: PUF; 1984. p. 357–379.

4. Yemelyanova TP. *Sotsial'nye predstavleniya: istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Social representations: history, theory, and empirical research]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 2016. 476 p. Russian.

5. Al-Said K, Makrakis V, Calogiannakis P, Kostaulas-Makrakis N, De Baz T. Social representations between Greeks and Jordanians: a comparative study. *Europe's Journal of Psychology* [Internet]. 2007 [cited 2019 February 1];3(1). Available from: <https://ejop.psychopen.eu/article/view/388/html>. DOI: 10.5964/ejop.v3i1.388.

6. Tyrlik M, Kourilova S, Konečný S. How trust based on personal experience builds social representations of Austrian neighbors among Czech adolescents living near the Czech – Austrian border. In: *8th International conference on social representations: media and society; 2006 August 28 – September 1; Rome, Italy* [Internet]. 2006 [cited 2018 September 12]. Available from: www.europhd.it/sites/default/files/images/onda_3/05/8thICSR/presentation.html.

7. Realo A, Allik J, Lönqvist J-E. Mechanisms of the national character stereotype: how people in six neighbouring countries of Russia describe themselves and the typical Russian. *European Journal of Personality*. 2009;23(3):229–249. DOI: 10.1002/per.719.

8. Emelyanova TP, Pattison AS. Uniquities of social representations of Russians as viewed by Czechs and Americans. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2010 [cited 2019 February 2];5(13). Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n5-13/379-emelyanova-pattison13.html>.

9. Sukhov AN, Derkach AA. *Prikladnaya sotsial'naya psikhologiya* [Applied social psychology]. Moscow: MODEK; 1998. 600 p. Russian.

10. Fetiskin NP, Kozlov VV, Manuilov GM. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of personal development and small groups]. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy; 2002. 490 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.02.2019.
Received by editorial board 04.02.2019.

ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНО-СРАВНИТЕЛЬНОЙ РЕВНОСТИ

К. В. ЛЕПЕШКО¹⁾¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечено, что социально-сравнительная ревность возникает при условии высокой значимости ситуации социального сравнения и характеризуется совокупностью связанных между собой мыслей о незаслуженности, несправедливости, неправильности и необъективности существующих преимуществ другого индивида, комплексом переживаний негативных эмоций (прежде всего волнения, печали, гнева, отвращения, презрения) и готовностью к действиям, направленным на совладание со сложившейся ситуацией с помощью стратегий самосовершенствования, уравнивания или уклонения. Установлено, что существует необходимость в разработке индикаторов социально-сравнительной ревности. На основе трехкомпонентной структуры социально-сравнительной ревности, включающей когнитивный, аффективный и поведенческие компоненты, возникло предположение, что такими индикаторами могут выступать когнитивные, эмоциональные и поведенческие оценки. Цель исследования заключалась в эмпирической разработке индикаторов социально-сравнительной ревности с помощью методики оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности. Статистическая обработка производилась с применением программы SPSS 13.0 для Windows, которая включала корреляционный анализ Пирсона и факторный анализ методом главных компонент с Varimax-вращением в целях расчета индексов социально-сравнительной ревности. Корреляционный анализ когнитивных оценок продемонстрировал, что шкалы, оценивающие когнитивную социально-сравнительную ревность, имеют положительную сильную и умеренную взаимосвязь друг с другом. Проведенный факторный анализ методом главных компонент выделил два фактора: в первый вошли критерии заслуженности, справедливости и правильности, а во второй – критерии объективности. Корреляционный анализ эмоциональных оценок позволил установить, что ряд шкал, оценивающих эмоциональную социально-сравнительную ревность, имеет сильную и умеренную положительную взаимосвязь друг с другом и отрицательные взаимосвязи между эмоциями гнева и радости, печали и радости. Факторный анализ выделил четыре фактора: в первый с наибольшими факторными нагрузками вошли эмоции страха, стыда и вины; во второй – гнева; в третий – волнения и удивления; в четвертый – радости и печали. Корреляционный анализ поведенческих оценок позволил установить, что все шкалы имеют отрицательную взаимосвязь друг с другом, поэтому должны рассматриваться как три разные поведенческие стратегии. В результате факторного анализа было выделено два фактора: в первый с наибольшими факторными нагрузками, но противоположными знаками вошли реакции восходящих сравнений и ухода, во второй – реакции латеральных сравнений. На основе полученных результатов были рассчитаны индексы когнитивной и эмоциональной социально-сравнительной ревности, а также три индекса поведенческих реакций, которые представлены формулами для i -й ситуации и для n ситуаций.

Ключевые слова: социально-сравнительная ревность; когнитивная социально-сравнительная ревность; эмоциональная социально-сравнительная ревность; индикаторы ревности.

INDICATORS OF SOCIAL-COMPARISON JEALOUSY

K. V. LEPESHKO^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Social-comparison jealousy arises under the condition of the high importance of the situation of social comparison and is characterized by a set of related thoughts about undeserved, injustice, wrongness and bias of the existing advantages of another individual, a set of experiences of negative emotions (primarily anxiety, sadness, anger, disgust, contempt) and

Образец цитирования:

Лепешко КВ. Индикаторы социально-сравнительной ревности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;2:91–100.

For citation:

Lepeshko KV. Indicators of social-comparison jealousy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;2:91–100. Russian.

Автор:

Ксения Витальевна Лепешко – магистрантка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Kseniya V. Lepeshko, master's degree student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
ksenialepeshko@gmail.com

readiness for action aimed at coping with the situation with the help of strategies of self-improvement, equalization or evasion. It was found that there is a need to develop indicators of social-comparison jealousy. Following a three-component structure of social-comparison jealousy that includes cognitive, affective and behavioral components, it was assumed that such indicators can be cognitive, emotional and behavioral assessments. The aim of the study was to develop empirical indicators of social-comparison jealousy; 195 respondents (aged 18 to 45 years) took part in the study. As a tool of the study method of assessing the situation of provocation of social-comparison jealousy was used. Statistical processing was carried out by the program SPSS 13.0 (for Windows). It effectuated Pearson correlation analysis and factor analysis by principal component method with Varimax-rotation for calculate the indices of social-comparison jealousy. Correlation analysis of cognitive assessments has shown that scales that evaluate cognitive social-comparison jealousy have a positive strong and moderate relationship with each other. The principal component factor analysis identified two factors: the first the criteria of merit, justice and correctness, and the second – objectivity. Correlation analysis of emotional assessments revealed that a number of scales evaluating emotional social-comparison jealousy, have a strong and moderate positive relationship with each other, and the negative relationship between the emotions of anger and joy, sadness and joy. Factor analysis identified four factors: the first factor included emotions of fear, shame and guilt; the second one – anger, disgust, contempt; the third one – excitement and surprise; the fourth – joy and sorrow. Correlation analysis of behavioral assessments allowed to establish that all scales have a negative relationship with each other, that is why they should be considered as three different behavioral strategies. The factor analysis identified two factors: the first with the highest factor loads, but opposite signs included the reactions of ascending comparisons and withdrawal, the second – the reactions of lateral comparisons. Based on the obtained results, the indices of cognitive and emotional social-comparison jealousy were calculated, as well as three indices of behavioral reactions, were presented by formulas for i situation and for n situations.

Keywords: social-comparison jealousy; cognitive social-comparison jealousy; emotional social-comparison jealousy; indicators of jealousy.

Введение

Понимание и психологическая интерпретация контекстов активности индивидов невозможны без изучения процесса социального сравнения. Социальное сравнение – значимый компонент повседневной жизни индивидов и социального познания. Процесс социального сравнения позволяет индивиду формировать Я-образ; корректировать и защищать Я-концепцию; поддерживать самооценку; узнавать о собственных возможностях; общаться и взаимодействовать с другими людьми, получать информацию о себе, соотнося ее с собственными характеристиками; объяснять многообразие поступков и поведение других индивидов [1; 2]. Исследования социального сравнения, начало которым было положено Л. Фестингером [3], нацелены на изучение отдельных глобальных и узких аспектов данного процесса. Анализ литературы демонстрирует, что многие вопросы социального сравнения не раскрыты в полной мере. В частности, это касается преимущественно последствий социального сравнения, стратегий реагирования на результаты социального сравнения, а также выявления личностных факторов, обусловивших те или иные результаты социального сравнения [4–7]. Оно может приводить как к конструктивным последствиям (мотивация к изменениям, стремление быть лучше и т. д.), так и к деструктивным (негодование, деградация индивида) [8–12]. Сравнение себя с другими индивидами может способствовать пониманию несоответствия и, как следствие этого, возникновению конкуренции за определенные качества, способности или атрибуты [12–14]. Кроме того, сравнение себя с другими индивидами может восприниматься как угроза

самооценке – так появляется социально-сравнительная ревность.

На основании анализа литературы была операционализирована трактовка феномена социально-сравнительной ревности как аттитюда, включающего когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты [15; 16]. Высказанные предположения подкрепляются результатами целого ряда исследований. В частности, социально-сравнительная ревность подразумевает различные *когнитивные реакции*. Так, М. Силвер и Дж. Сабини отмечают, что один индивид воспринимает другого индивида как завистливого или ревнивого, когда видит его попытки унижить, обесценить кого-то, чтобы повысить собственную самооценку [11]. Дж. Б. Брайсон также указывает, что индивид, испытывавший социально-сравнительную ревность, может желать свести счеты с объектом сравнения или получить социальную поддержку [17]. По мнению П. Саловой и Дж. Родин, объект сравнения может идеализироваться или, наоборот, вызывать негативные мысли о нем [14].

Анализ ряда исследований позволяет выявить также некоторые *эмоциональные реакции*, входящие в социально-сравнительную ревность. Так, П. Саловой и Дж. Родин обнаружили, что люди, испытывавшие социально-сравнительную ревность, были склонны чувствовать себя подавленными, тревожными и злыми при взаимодействии с объектом сравнения [14]. М. Микулинсер определил, что моделирование эпизода социально-сравнительной ревности вызывало депрессию, гнев и чувство обиды, тревогу и угрозу для самоуважения, фрустрацию [18]. А. Тессер отмечает, что, когда сравни-

ваемый объект подобен сравниваемому, у последнего возникают тревога и депрессия, ощущение угрозы для самооценки [4]. С. А. Берс и Дж. Родин считают гнев одной из наиболее сильно связанных с ревнивым поведением эмоций [12].

Обзор источников позволил выделить ряд *поведенческих стратегий* при возникновении ревности в ситуации социального сравнения:

- *самосовершенствование*, когда действия направляются на то, чтобы стать лучше и опередить другого в чем-либо [6; 8–11];
- *уравнивание*, когда действия направляются на то, чтобы стать таким же или достигнуть такого же уровня исполнения [8; 11; 14];
- *избегание деградации* (при нисходящих сравнениях), когда индивид желает или делает все, чтобы не стать хуже [6];
- *уклонение*, когда индивид использует возможности ухода из ситуации сравнения [8; 10].

Таким образом, **социально-сравнительная ревность** возникает при условии высокой значимости ситуации социального сравнения и характеризуется совокупностью связанных между собой мыслей о незаслуженности, несправедливости, неправильности и необъективности существующих преимуществ другого индивида, комплексом переживаний негативных эмоций (прежде всего волнения, печали, гнева, отвращения, презрения) и готовностью к действиям, направленным на совладание со сложившейся ситуацией с помощью стратегий самосовершенствования, уравнивания или уклонения.

В проведенных ранее исследованиях социально-сравнительной ревности рассматривались ситуации, приводившие к возникновению ревности социального сравнения [13], влиянию атрибуции на активизацию ревности социального сравнения [18]. С. С. Кэмпхофф и ее коллеги изучали ревность социального сравнения в спортивной сфере как результат соперничества и конкуренции [19]. С. А. Берс и Дж. Родин анализировали социально-сравнительную ревность у детей младших и старших возрастов: были установлены половые и возрастные различия в переживаниях ревности, влияние состава семьи и коэффициента интеллекта на активизацию данного феномена [12]. П. Саловей и Дж. Родин также выявляли предпосылки и последствия феномена социального сравнения [14]. До недавнего времени отсутствовали исследования социально-сравнительной ревности, эмпирически подтверждающие ее трехкомпонентную структуру и позволяющие выявить и оценить когнитивные, аффективные и поведенческие реакции на ситуации провокации ревности социального сравнения, что было связано прежде всего с отсутствием диагностического инструментария, позволяющего выявить реакции на ситуации провокации социально-сравнительной ревности. Единственной работой методического плана было исследование

И. А. Фурманова и К. В. Лепешко [20], которое позволило разработать и стандартизировать русскоязычный диагностический инструментарий для оценки названной ситуации, выявить и оценить когнитивные, аффективные и поведенческие реакции на подобные ситуации.

Опросник «Оценка ситуации провокации ревности социального сравнения» включает 18 ситуаций и 4 блока заданий: а) оценки вовлеченности; б) когнитивной оценки по критериям значимости, заслуженности, справедливости, правильности, объективности; в) эмоциональной оценки по 10 дифференциальным эмоциям; г) поведенческой оценки по стратегиям восходящих сравнений, латеральных сравнений, ухода из ситуации [20]. Однако данный диагностический инструментарий не позволяет прямо измерить компоненты социально-сравнительной ревности, а также оценить интенсивность ее переживания в различных жизненных ситуациях. Следовательно, можно заключить, что необходимо разработать индикаторы социально-сравнительной ревности. Опираясь на структуру социально-сравнительной ревности, включающую когнитивный, аффективный и поведенческие компоненты, можно предположить, что такими базовыми индикаторами могут являться когнитивная, эмоциональная и поведенческая оценки.

С. М. Пфейфер и П. Т. П. Вонг предложили различать когнитивную и эмоциональную ревность [21]. **Когнитивная ревность** – это озабоченность и сомнения индивида относительно собственных атрибутов, качеств и способностей, которыми, по его представлениям, обладает конкурент [21]. Иначе говоря, когнитивная ревность означает, что представление о преимуществах и достижениях другого способствует переживанию социально-сравнительной ревности. Этот компонент ревности возникает, когда индивид думает, что его самооценке угрожает конкурент, который обладает более ценными, чем у него, атрибутами или качествами [22]. Угроза самооценке может возникать из-за реальных или воображаемых преимуществ другого индивида, но она всегда вызывает стремление оценить степень вероятного вреда самооценке [22]. В целом когнитивная ревность – это неуверенность в отношении собственных преимуществ, атрибутов, качеств или способностей [21].

Если когнитивная ревность предполагает сфокусированное внимание на преимуществах другого, то **эмоциональная ревность** – это эмоциональная реакция на реальную или предполагаемую угрозу самооценке [21]. Эмоциональная ревность прежде всего реактивна и возникает или как реакция на когнитивную оценку, или как обусловленная эмоциональная реакция на угрозу Я [21].

Г. Л. Уайт и П. И. Маллан характеризуют когницию и эмоцию как взаимозависимые аспекты переживания ревности [22]. С их точки зрения, ког-

нитивные оценки всегда предшествуют эмоциональному переживанию ревности [22].

С учетом изложенного понимания трехкомпонентной структуры социально-сравнительной рев-

ности и выделения когнитивной и эмоциональной ревности было проведено исследование в целях эмпирической разработки индикаторов социально-сравнительной ревности.

Методы

В исследовании принимали участие 195 респондентов в возрасте от 18 до 45 лет. В качестве инструментария исследования была использована методика оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности [20]. Методика включала задание из четырех блоков и ситуации провокации социально-сравнительной ревности, т. е. утверждения, касающиеся сравнения с Другим, который превосходит актора относительно каких-

либо атрибутов, способностей или качеств, тем самым провоцируя конкуренцию и возникновение социально-сравнительной ревности (табл. 1).

Статистическая обработка производилась с помощью программы *SPSS 13.0* для *Windows*, которая включала корреляционный анализ Пирсона и факторный анализ методом главных компонент с *Vartimax*-вращением в целях расчета индексов социально-сравнительной ревности.

Таблица 1

Ситуации провокации социально-сравнительной ревности

Table 1

Provocative situations of social-comparison jealousy

№	Ситуация
1	Кто-то красивее, чем Вы
2	Кто-то имеет более впечатляющие результаты, чем Вы
3	Кто-то лучше выглядит, чем Вы
4	Кто-то более общителен и уверен в себе, чем Вы
5	Кто-то реализует свои потенциальные возможности лучше, чем Вы
6	Кто-то имеет фигуру лучше, чем у Вас
7	Кто-то более популярен, чем Вы
8	Кто-то выглядит более счастливым, чем Вы
9	Кто-то является более обеспеченным, чем Вы
10	Кто-то менее умный, чем Вы, получает более высокие оценки
11	Вы делаете ту же самую работу, что и кто-то, и при этом получаете меньше, чем он или она
12	Кто-то занимает высокое положение благодаря деньгам родителей или их высокому статусу
13	Кто-то покупает себе что-то, что Вы хотели, но не можете позволить себе купить
14	Кто-то более умный, чем Вы
15	Кто-то более талантливый, чем Вы
16	Вы должны учиться (работать), в то время как Ваш одноклассник (коллега) празднично проводит время
17	Кто-то добивается каких-то результатов через манипуляции, в то время как Вы старательно работаете для этого
18	Кто-то получает работу, которую Вы хотели получить

Результаты и их обсуждение

Корреляционный анализ когнитивных оценок (заслуженность, справедливость, правильность и объективность) позволил обнаружить следующие результаты (см. табл. 2).

Когнитивная оценка **заслуженности** (ЗАС) имеет сильную положительную связь с когнитивными оценками справедливости ($r = 0,80$; $p < 0,001$) и правильности ($r = 0,74$; $p < 0,001$), а также слабую поло-

жительную связь с когнитивной оценкой объективности (ОБ) ($r = 0,32$; $p < 0,001$).

Когнитивная оценка **справедливости** (СПР) имеет сильную положительную связь с когнитивным критерием правильности ($r = 0,82$; $p < 0,001$)

и умеренную связь с объективностью ($r = 0,41$; $p < 0,001$).

Когнитивная оценка **правильности** (ПР) имеет умеренную положительную связь с когнитивным критерием объективности ($r = 0,39$; $p < 0,001$).

Таблица 2

**Корреляционный анализ когнитивных оценок
социально-сравнительной ревности**

Table 2

**Correlation analysis cognitive assessments
of social-comparison jealousy**

Когнитивные оценки		ЗАС	СПР	ПР	ОБ
ЗАС	r	1	0,80	0,74	0,32
	Sig.	–	0,000	0,000	0,000
СПР	r	0,80	1	0,82	0,41
	Sig.	0,000	–	0,000	0,000
ПР	r	0,74	0,82	1	0,39
	Sig.	0,000	0,000	–	0,000
ОБ	r	0,32	0,41	0,39	1
	Sig.	0,000	0,000	0,000	–

Полученные данные показывают, что шкалы, оценивающие когнитивную ревность, имеют положительную взаимосвязь друг с другом. В результате проведенного факторного анализа выделились два

фактора (КМО = 0,779, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 458,834$; $df = 6$; $p < 0,0001$). В первый вошли оценки заслуженности, справедливости и правильности, а во второй – объективности (табл. 3).

Таблица 3

**Факторизация когнитивных оценок
социально-сравнительной ревности**

Table 3

**Factorization cognitive assessments
of social-comparison jealousy**

Когнитивные оценки	Факторные нагрузки	
ЗАС	0,910	0,118
СПР	0,914	0,237
ПР	0,892	0,224
ОБ	0,202	0,978
% общей дисперсии	70,05	19,38

На основе полученных данных было сделано предположение о том, что может быть рассчитан **индекс когнитивной социально-сравнительной ревности**, который представляется следующими формулами:

$$КИ_i = 1 - \frac{ЗАС_i + СПР_i + ПР_i}{3},$$

где $КИ_i$ – индекс когнитивной ревности для i -й ситуации.

$$КИ_n = 1 - \frac{\left(\sum_{i=1}^n (ЗАС_i + СПР_i + ПР_i) \right) n^{-1}}{3},$$

где $КИ_n$ – индекс когнитивной ревности для n ситуаций; n – число ситуаций.

Таким образом, чем ближе КИ к 1, тем выше уровень когнитивной социально-сравнительной ревности, и наоборот: чем ближе КИ к 0, тем он ниже.

Корреляционный анализ эмоциональных оценок (волнение, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд и вина) позволил обнаружить результаты, которые представлены в табл. 4.

Эмоция **волнения** имеет умеренную положительную связь с эмоциями печали ($r = 0,50$; $p < 0,001$), страха ($r = 0,54$; $p < 0,001$), стыда ($r = 0,48$; $p < 0,001$) и вины ($r = 0,42$; $p < 0,001$), а также слабую положительную связь с эмоциями удивления ($r = 0,38$; $p < 0,001$), гнева ($r = 0,31$; $p < 0,001$), от-

вращения ($r = 0,30$; $p < 0,001$), презрения ($r = 0,28$; $p < 0,001$).

Эмоция **радости** имеет слабую отрицательную связь с такими эмоциями, как печаль ($r = -0,25$; $p < 0,001$) и гнев ($r = -0,25$; $p < 0,001$).

Эмоция **удивления** имеет слабую положительную взаимосвязь с эмоциями печали ($r = 0,24$; $p = 0,001$), гнева ($r = 0,15$; $p = 0,032$), отвращения ($r = 0,29$; $p < 0,001$), презрения ($r = 0,25$; $p < 0,001$) и страха ($r = 0,20$; $p = 0,005$).

Эмоция **печали** имеет умеренную положительную связь с эмоциями гнева ($r = 0,55$; $p < 0,001$), страха ($r = 0,43$; $p < 0,001$) и стыда ($r = 0,40$; $p < 0,001$), а также слабую положительную связь с такими эмоциями, как отвращение ($r = 0,31$; $p < 0,001$), презрение ($r = 0,38$; $p < 0,001$) и вина ($r = 0,34$; $p < 0,001$), и слабую отрицательную связь с эмоцией радости ($r = -0,25$; $p < 0,001$).

Эмоция **гнева** имеет сильную положительную связь с отвращением ($r = 0,58$; $p < 0,001$) и презрением ($r = 0,62$; $p < 0,001$) и умеренные положительные связи с эмоциями страха ($r = 0,34$; $p < 0,001$), стыда ($r = 0,44$; $p < 0,001$) и вины ($r = 0,32$; $p < 0,001$).

Эмоция **отвращения** имеет сильную положительную взаимосвязь с эмоцией презрения ($r = 0,75$;

$p < 0,001$), а также слабую связь с эмоциями страха ($r = 0,19$; $p = 0,008$), стыда ($r = 0,31$; $p < 0,001$) и вины ($r = 0,26$; $p < 0,001$).

Эмоция **презрения** имеет умеренную положительную связь с эмоциями страха ($r = 0,30$; $p < 0,001$), стыда ($r = 0,42$; $p < 0,001$) и вины ($r = 0,37$; $p < 0,001$).

Эмоция **страха** имеет сильную положительную связь с эмоциями стыда ($r = 0,67$; $p < 0,001$) и вины ($r = 0,63$; $p < 0,001$).

Эмоция **стыда** имеет сильную положительную связь с эмоцией вины ($r = 0,67$; $p < 0,001$).

Полученные результаты продемонстрировали, что ряд шкал, оценивающих эмоциональную ревность, имеет сильную и умеренную положительную взаимосвязь друг с другом и отрицательные взаимосвязи между эмоциями гнева и радости, печали и радости.

В результате факторного анализа выделились четыре фактора (КМО = 0,810, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 833,706$; $df = 45$; $p < 0,0001$). В первый с наибольшими факторными нагрузками вошли эмоции страха, стыда и вины; во второй – гнева, отвращения, презрения; в третий – волнения и удивления; в четвертый – радости и печали (табл. 5).

Таблица 4

Корреляционный анализ эмоциональных оценок социально-сравнительной ревности

Table 4

Correlation analysis emotional assessments of social-comparison jealousy

Эмоциональные оценки		Волнение	Радость	Удивление	Печаль	Гнев	Отвращение	Презрение	Страх	Стыд	Вина
Волнение	<i>r</i>	1	-0,05	0,38	0,50	0,31	0,30	0,28	0,54	0,48	0,42
	<i>Sig.</i>	–	0,442	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Радость	<i>r</i>	-0,05	1	0,07	-0,25	-0,25	-0,13	-0,05	0,07	-0,01	0,04
	<i>Sig.</i>	0,442	–	0,316	0,000	0,000	0,072	0,524	0,305	0,973	0,624
Удивление	<i>r</i>	0,38	0,07	1	0,24	0,15	0,29	0,25	0,20	0,12	0,10
	<i>Sig.</i>	0,000	0,316	–	0,001	0,032	0,000	0,000	0,005	0,100	0,172
Печаль	<i>r</i>	0,50	-0,25	0,24	1	0,55	0,31	0,38	0,43	0,40	0,34
	<i>Sig.</i>	0,000	0,000	0,001	–	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Гнев	<i>r</i>	0,31	-0,25	0,15	0,55	1	0,58	0,62	0,34	0,44	0,32
	<i>Sig.</i>	0,000	0,000	0,032	0,000	–	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Отвращение	<i>r</i>	0,30	-0,13	0,29	0,31	0,58	1	0,75	0,19	0,31	0,26
	<i>Sig.</i>	0,000	0,072	0,000	0,000	0,000	–	0,000	0,008	0,000	0,000
Презрение	<i>r</i>	0,28	-0,05	0,25	0,38	0,62	0,75	1	0,30	0,42	0,37
	<i>Sig.</i>	0,000	0,524	0,000	0,000	0,000	0,000	–	0,000	0,000	0,000
Страх	<i>r</i>	0,54	0,07	0,20	0,43	0,34	0,19	0,30	1	0,67	0,63
	<i>Sig.</i>	0,000	0,305	0,005	0,000	0,000	0,008	0,000	–	0,000	0,000
Стыд	<i>r</i>	0,48	-0,01	0,12	0,40	0,44	0,31	0,42	0,67	1	0,67
	<i>Sig.</i>	0,000	0,973	0,100	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	–	0,000
Вина	<i>r</i>	0,42	0,04	0,10	0,34	0,32	0,26	0,37	0,63	0,67	1
	<i>Sig.</i>	0,000	0,624	0,172	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	–

Таблица 5

Факторизация эмоциональных оценок
социально-сравнительной ревности

Table 5

Factorization emotional assessments
of social-comparison jealousy

Эмоциональные оценки	Факторные нагрузки			
	1	2	3	4
ВОЛ	0,564	0,077	0,593	0,217
РАД	0,116	-0,068	0,100	-0,895
УДИВ	-0,004	0,193	0,900	-0,096
ПЕЧ	0,428	0,259	0,347	0,558
ГНЕВ	0,301	0,707	0,044	0,387
ОТВР	0,080	0,887	0,189	0,059
ПРЕЗ	0,237	0,890	0,105	-0,003
СТРАХ	0,855	0,075	0,206	0,012
СТЫД	0,839	0,270	0,015	0,043
ВИНА	0,834	0,205	-0,028	-0,042
% общей дисперсии	27,96	23,13	13,85	13,25

Поскольку эмоции, вошедшие в два первых фактора, составили 51,1 % общей дисперсии, сделано предположение о том, что может быть рассчитан **индекс эмоциональной социально-сравнительной ревности**, который можно представить следующими формулами:

$$ЭИ_i = \frac{(ГНЕВ_i + ОТВР_i + ПРЕЗ_i + СТРАХ_i + СТЫД_i + ВИНА_i)n^{-1}}{6},$$

где $ЭИ_i$ – индекс эмоциональной ревности для i -й ситуации;

$$ЭИ_n = \frac{\sum_{i=1}^n (ГНЕВ_i + ОТВР_i + ПРЕЗ_i + СТРАХ_i + СТЫД_i + ВИНА_i)n^{-1}}{6},$$

где $ЭИ_n$ – индекс эмоциональной ревности для n ситуаций; n – число ситуаций.

Итак, чем ближе ЭИ к 1, тем выше уровень эмоциональной социально-сравнительной ревности, и наоборот: чем ближе ЭИ к 0, тем он ниже.

Расчеты индексов позволили установить, что почти каждый третий респондент имел высокий уровень когнитивной социально-сравнительной ревности, а каждый пятый – эмоциональной социально-сравнительной ревности (табл. 6). Между этими индикаторами существует положительная корреляционная связь ($r = 0,20$; $p = 0,006$).

Корреляционный анализ поведенческих оценок (восходящее сравнение, латеральное сравнение и уход из ситуации) позволил обнаружить следующие результаты (см. табл. 7).

Восходящее сравнение (ВС) имеет умеренную отрицательную взаимосвязь с поведенческими оценками «латеральное сравнение» (ЛС) ($r = -0,36$; $p < 0,001$) и «уход из ситуации» (УХ) ($r = -0,51$; $p < 0,001$).

Латеральное сравнение имеет низкую отрицательную взаимосвязь с уходом из ситуации ($r = -0,23$; $p = 0,001$).

Полученные данные свидетельствуют о том, что все шкалы имеют отрицательную взаимосвязь друг с другом, поэтому должны рассматриваться как три разные поведенческие стратегии.

Таблица 6

Распределение респондентов по уровням социально-сравнительной ревности, %

Table 6

Distribution of respondents by levels of social-comparison jealousy, %

Виды социально-сравнительной ревности	Уровни		
	низкий	средний	высокий
Когнитивная социально-сравнительная ревность	28,2	42,6	29,2
Эмоциональная социально-сравнительная ревность	21,5	56,9	21,5

Таблица 7

Корреляционный анализ поведенческих оценок
социально-сравнительной ревности

Table 7

Correlation analysis behavioral assessments
of social-comparison jealousy

Поведенческие оценки		BC	ЛС	УХ
BC	<i>r</i>	1	–0,36	–0,51
	<i>Sig.</i>	–	0,000	0,000
ЛС	<i>r</i>	–0,36	1	–0,23
	<i>Sig.</i>	0,000	–	0,001
УХ	<i>r</i>	–0,51	–0,23	1
	<i>Sig.</i>	0,000	0,001	–

Проведенный факторный анализ позволил выделить два фактора (КМО = 0,303, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 142,765$; $df = 3$; $p < 0,0001$). В первый с наибольшими факторными нагрузками, но противоположными знаками вошли реакции восходящих сравнений и ухода. Реакции латеральных сравнений вошли во второй фактор (табл. 8). Результаты дают основания полагать, что ситуация социально-сравнительной ревности может пре-

одолеваться использованием трех самостоятельных стратегий: самосовершенствования (готовности к действиям, направленным на то, чтобы стать лучше и опередить другого в чем-либо), уравнивания (готовности к таким действиям, чтобы соответствовать Другому или же достигнуть его уровня исполнения) и ухода (готовности к использованию любых возможностей для того, чтобы уйти от сравнения).

Таблица 8

Факторизация поведенческих оценок
социально-сравнительной ревности

Table 8

Factorization behavioral assessments
of social-comparison jealousy

Поведенческие оценки	Факторные нагрузки	
	1	2
BC	–0,808	–0,491
ЛС	0,038	0,967
УХ	0,913	–0,278
% общей дисперсии	49,64	41,81

На основе изложенного было сделано предположение о том, что могут быть рассчитаны **индексы поведенческих реакций**, которые представляются следующими формулами: ИВС

$$\text{ИВС}_n = \frac{\sum_{i=1}^n \text{BC}_i}{n}; \text{ИЛС}_n = \frac{\sum_{i=1}^n \text{ЛС}_i}{n}; \text{ИУХ}_n = \frac{\sum_{i=1}^n \text{УХ}_i}{n},$$

где ИВС_n, ИЛС_n, ИУХ_n – индексы поведенческих реакций для *n* ситуаций; *n* – число ситуаций.

Итак, чем ближе эти индексы к 1, тем сильнее готовность к реализации стратегий самореализации (ИВС), уравнивания (ИЛС), уклонения (ИУХ), и наоборот: чем ближе к 0 – тем готовность слабее.

Выводы

Проведенное исследование имело целью эмпирическую разработку индикаторов социально-сравнительной ревности с помощью статистических методов корреляционного и факторного

анализа. В результате исследования было установлено следующее.

1. Факторный анализ выделил два фактора: в первый вошли когнитивные оценки заслуженно-

сти, справедливости и правильности, во второй – объективности. Полученные результаты позволили рассчитать индекс когнитивной социально-сравнительной ревности для i -й ситуации и для n ситуаций; в него вошли когнитивная оценка заслуженности, правильности, справедливости.

2. Факторный анализ выделил четыре фактора: первый – эмоции страха, стыда и вины; второй – эмоции гнева, отвращения, презрения; третий – эмоции волнения и удивления; четвертый – эмоции радости и печали. Полученные данные позволили рассчитать индекс эмоциональной социально-сравнительной ревности для i -й ситуации и для n ситуаций; в него вошли эмоции волнения, печали, гнева, отвращения, презрения, страха, стыда и вины.

3. По результатам факторного анализа в первый фактор (но с противоположными знаками) вошли реакции самосовершенствования и ухода, во

второй фактор – реакции латеральных сравнений. Полученные данные позволили рассчитать три индекса поведенческих реакций (восходящего сравнения, латерального сравнения и ухода) для i -й ситуации и для n ситуаций.

4. Каждый третий респондент имел высокий уровень когнитивной социально-сравнительной ревности, а каждый пятый – эмоциональной социально-сравнительной ревности.

Все это дает основание заключить, что разработанные индексы социально-сравнительной ревности позволят оценивать интенсивность переживания социально-сравнительной ревности в разных жизненных ситуациях, а также дополнять существующий диагностический инструментарий. В дальнейших исследованиях с их помощью можно определять профиль личности с различными стратегиями совладания с социально-сравнительной ревностью.

Библиографические ссылки

1. Андреева ГМ. *Социальная психология*. Москва: Аспект Пресс; 2001. 290 с.
2. Самойленко ЕС. *Проблемы сравнения в психологическом исследовании*. Москва: Институт психологии Российской академии наук; 2010. 416 с.
3. Festinger L. A theory of social comparison processes. *Human Relations*. 1954 May 1;7(2):117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.
4. Tesser A, Collins JE. Emotion in social reflection and comparison situations: intuitive, systematic, and exploratory approaches. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988;55(5):695–709. DOI: 10.1037/0022-3514.55.5.695.
5. Wills TA, Suls J. Commentary: neo-social comparison theory and beyond. In: *Social Comparison. Contemporary Social Comparison Theory and Research*. New York: Lawrence Erlbaum Associated; 1991. p. 395–412.
6. Taylor SE, Buunk BP, Aspinwall LG. Social comparison, stress, and coping. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1990;16(1):74–89. DOI: 10.1177/0146167290161006.
7. Suls JM, Tesch F. Students preferences for information about their test performance: a social comparison study. *Journal of Applied Social Psychology*. 1978;8(2):189–197. DOI: 10.1111/j1559-1816.197.tb00776.x.
8. Wood JV. Theory and research concerning social comparisons of personal attributes. *Psychological Bulletin*. 1989; 106(2):231–248. DOI: 10.1037/0033-2909.106.2.231.
9. Corcoran K, Crusius J, Mussweiler T. Social comparison: motives, standards, and mechanisms. In: Chadee D, editor. *Theories in Social Psychology*. Oxford: Wiley-Blackwell; 2011. p. 119–139.
10. Buunk BP, Collins RL, Taylor SE, Van Yperen NW, Dakof GA. The affective consequences of social comparison either direction has its ups and downs. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990;59(6):1238–1249.
11. Silver M, Sabini J. The perception of envy. *Social Psychology*. 1978;41(2):105–117. DOI: 10.2307/3033570.
12. Bers SA, Rodin J. Social-comparison jealousy: a developmental and motivational study. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984;47(4):766–779. DOI: 10.1037/0022-3514.47.4.766.
13. Salovey P, Rodin J. The differentiation of social-comparison jealousy and romantic jealousy. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;50(6):1100–1112. DOI: 10.1037/0022-3514.50.6.1100.
14. Salovey P, Rodin J. Some antecedents and consequences of social-comparison jealousy. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984;47(4):780–792. DOI: 10.1037/022-3514.47.4.780.
15. Фурманов ИА, Лепешко КВ. Ревность социального сравнения как аттитюд. *Право. Экономика. Психология*. 2017;3(8):95–99.
16. Фурманов ИА, Лепешко КВ. Операционализация понятия ревность социального сравнения. В: Ракицкая АВ, Митрофанова ОГ, редакторы. *Актуальные проблемы психологии развития личности*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2017. с. 325–327.
17. Bryson JB. Situational determinants of the expression of jealousy. In: *Paper Presental at the Meeting of the American Psychological Association*. San Francisco: publisher unknown; 1977. p. 75–78.
18. Mikulincer M, Bizman A, Aizenberg R. An attributional analysis of social-comparison jealousy. *Motivation and Emotion*. 1989;13(4):235–258. DOI: 10.1007/BF00995537.
19. Kamphoff CS, Gill DL, Huddleston S. Jealousy in sport: exploring jealousy's relationship to cohesion. *Journal of Applied Sport Psychology*. 2005;17(4):290–305. DOI: 10.1080/10413200500313578.
20. Фурманов ИА, Лепешко КВ. Методика оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;1:91–105.
21. Pfeiffer SM, Wong PTP. Multidimensional jealousy. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1989;6(2):181–196. DOI: 10.1177/026540758900600203.
22. White GL, Mullen PE. *Jealousy: Theory, Research, and Clinical Strategies*. New York: Guilford Press; 1989. 340 p.

References

1. Andreeva GM. *Sotsialnaya psihologiya* [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press; 2001. 290 p. Russian.
2. Samoylenko ES. *Problemy sravneniya v psichologicheskoy issledovanii* [Problems of comparison in psychological research]. Moscow: Psychology Institute of Russian Academy of Sciences; 2010. 416 p. Russian.
3. Festinger L. A theory of social comparison processes. *Human Relations*. 1954 May 1;7(2):117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.
4. Tesser A, Collins JE. Emotion in social reflection and comparison situations: intuitive, systematic, and exploratory approaches. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988;55(5):695–709. DOI: 10.1037/0022-3514.55.5.695.
5. Wills TA, Suls J. Commentary: neo-social comparison theory and beyond. In: *Social Comparison. Contemporary Social Comparison Theory and Research*. New York: Lawrence Erlbaum Associated; 1991. p. 395–412.
6. Taylor SE, Buunk BP, Aspinwall LG. Social comparison, stress, and coping. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1990;16(1):74–89. DOI: 10.1177/0146167290161006.
7. Suls JM, Tesch F. Students preferences for information about their test performance: a social comparison study. *Journal of Applied Social Psychology*. 1978;8(2):189–197. DOI: 10.1111/j1559-1816.197.tb00776.x.
8. Wood JV. Theory and research concerning social comparisons of personal attributes. *Psychological Bulletin*. 1989;106(2):231–248. DOI: 10.1037/0033-2909.106.2.231.
9. Corcoran K, Crusius J, Mussweiler T. Social comparison: motives, standards, and mechanisms. In: Chadee D, editor. *Theories in Social Psychology*. Oxford: Wiley-Blackwell; 2011. p. 119–139.
10. Buunk BP, Collins RL, Taylor SE, Van Yperen NW, Dakof GA. The affective consequences of social comparison either direction has its ups and downs. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990;59(6):1238–1249.
11. Silver M, Sabini J. The perception of envy. *Social Psychology*. 1978;41(2):105–117. DOI: 10.2307/3033570.
12. Bers SA, Rodin J. Social-comparison jealousy: a developmental and motivational study. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984;47(4):766–779. DOI: 10.1037/0022-3514.47.4.766.
13. Salovey P, Rodin J. The differentiation of social-comparison jealousy and romantic jealousy. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;50(6):1100–1112. DOI: 10.1037/0022-3514.50.6.1100.
14. Salovey P, Rodin J. Some antecedents and consequences of social-comparison jealousy. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984;47(4):780–792. DOI: 10.1037/022-3514.47.4.780.
15. Fourmanov IA, Lepeshko KV. Jealousy of social comparison as an attitude. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya*. 2017;3(8):95–99. Russian.
16. Fourmanov IA, Lepeshko KV. [Operationalization concepts social-comparison jealousy]. In: Rakitskaya AV, Mitrofanova OG, editors. [Actual problems of the psychology of personal development]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2017. p. 325–327. Russian.
17. Bryson JB. Situational determinants of the expression of jealousy. In: *Paper Presental at the Meeting of the American Psychological Association*. San Francisco: publisher unknown; 1977. p. 75–78.
18. Mikulincer M, Bizman A, Aizenberg R. An attributional analysis of social-comparison jealousy. *Motivation and Emotion*. 1989;13(4):235–258. DOI: 10.1007/BF00995537.
19. Kamphoff CS, Gill DL, Huddleston S. Jealousy in sport: exploring jealousy's relationship to cohesion. *Journal of Applied Sport Psychology*. 2005;17(4):290–305. DOI: 10.1080/10413200500313578.
20. Fourmanov IA, Lepeshko KV. The questionnaire assessments provoking situation of social-comparison jealousy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2019;1:91–103. Russian.
21. Pfeiffer SM, Wong PTP. Multidimensional jealousy. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1989;6(2):181–196. DOI: 10.1177/026540758900600203.
22. White GL, Mullen PE. *Jealousy: Theory, Research, and Clinical Strategies*. New York: Guilford Press; 1989. 340 p.

Статья поступила в редколлегию 25.01.2019.
Received by editorial board 25.01.2019.

СТИЛЬ ВОЖДЕНИЯ АВТОМОБИЛЯ: ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ

Н. С. АСТРЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлен теоретико-эмпирический анализ половых различий и психологических предикторов в показателях стилей вождения автомобиля. Обосновывается актуальность обозначенной проблемы, а также взаимосвязь индивидуального стиля деятельности и стиля вождения автомобиля. Под стилем вождения автомобиля понимается совокупность характерных способов действий водителя, управляющего автомобилем, обусловленных рядом личностных и ситуационных факторов, определяющих уровень безопасности (аварийности) на дороге. В исследовании приняли участие 384 водителя категории В. Установлено, что вне зависимости от пола водителя доминирующими стилями вождения являются осторожный, терпеливый и безаварийный, предпочитаемыми – агрессивный, высокоскоростной и тревожный; склонность к опасному и диссоциативному стилям вождения выражена в меньшей степени. Выявлены половые различия в опасном, агрессивном, высокоскоростном, тревожном, терпеливом и осторожном стилях вождения. Регрессионный анализ позволил вычислить психологические предикторы стилей вождения автомобиля и выявить круг факторов, участвующих в их формировании.

Ключевые слова: вождение; личность водителя; стиль вождения автомобиля; половые различия; психологические предикторы; агрессивность.

DRIVING STYLE: SEX DIFFERENCES AND PSYCHOLOGICAL PREDICTORS

N. S. ASTREYKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The theoretical and empirical analysis of sex differences and psychological predictors of driving styles is presented resented. The relevance of identified problem, the relationship of the individual style of activity and driving style are grounded. The driving style is a set of characteristic modes of action of the driver, driving the vehicle, due to a number of personal and situational factors that determine the level of safety (risk of accident) on the road. The study involved 384 drivers. It is established that regardless of the driver's gender, the dominant driving styles are careful, patient and accident free; preferred ones aggressive, high-velocity and anxious; drivers are less susceptible to risky and dissociative driving styles. Sex differences in the driving style are revealed: risky, angry, high-velocity, anxious, patient and careful. Regression analysis made it possible to calculate psychological predictors of driving styles and to identify the range of factors involved in their formation.

Keywords: driving; driver's personality; driving style; sex differences; psychological predictors; aggression.

Образец цитирования:

Астрейко НС. Стиль вождения автомобиля: половые различия и психологические предикторы. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;2:101–107.

For citation:

Astreyko NS. Driving style: sex differences and psychological predictors. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;2:101–107. Russian.

Автор:

Наталья Сергеевна Астрейко – аспирантка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Natalia S. Astreyko, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
astra_tasha@mail.ru

Введение

Разнообразны и многочисленны области авто-транспортной техники, которая используется в системе народного хозяйства Республики Беларусь. В мире насчитывается более 1 млрд автомобилей, водители которых взаимодействуют друг с другом и с иными участниками дорожного движения [1]. Каждый водитель обладает индивидуальным стилем вождения автомобиля, оказывающим влияние на безопасность дорожного движения.

Согласно правилам дорожного движения Республики Беларусь под безопасностью дорожного движения понимают «состояние дорожного движения, обеспечивающее минимальную вероятность возникновения опасности при движении и дорожно-транспортных происшествий» [2, с. 5]. Знание водителями стилей вождения автомобиля способствует планированию маршрута и действий для безопасного управления транспортным средством [3].

Анализ психологических исследований, посвященных действиям водителей [4–12], позволил выявить ряд интересных тем: гендерные особенности управления автомобилем; проблемы опасного и агрессивного стилей вождения; вождение транспортного средства в нетрезвом виде; влияние родительских установок на стиль вождения; особенности поведения пожилых водителей за рулем автомобиля. Другие исследования объясняют факторы стилей вождения автомобиля, влияющие на проявление агрессии на дороге, т. е. учитываются особенности личности и поведенческие реакции водителей при взаимодействии друг с другом и с остальными участниками дорожного движения. Однако изучению психологических предикторов стиля вождения автомобиля не уделялось должного внимания.

В проблеме безопасности дорожного движения принципиальное значение имеет рассмотрение содержания и результатов деятельности водителей, а также тщательный анализ различий между стилями вождения автомобиля мужчин и женщин,

психологических предикторов стилей вождения, влияющих на принятие и осуществление решений в дорожных ситуациях.

Действия водителей зависят от индивидуально-го стиля вождения автомобиля, который детерминирован индивидуальным стилем деятельности. Под стилем деятельности Е. А. Климов понимает устойчивую систему индивидуально-свообразных приемов и способов, которая формируется у человека в целях оптимального уравнивания собственной индивидуальности с внешними условиями ее деятельности [13]. Значит, водители с различными индивидуально-типологическими особенностями нервной системы, способностями и личностными чертами способны достигать равносильной эффективности при выполнении одной и той же деятельности.

Ю. И. Лобанова определяет стиль вождения как типичные, устоявшиеся особенности дорожного поведения водителя, а также как систему способов и средств осуществления им деятельности и взаимодействия с другими участниками дорожного движения, предопределяющих уровень безопасности водителя и определяемых рядом факторов [5]. Согласно определению О. Таубмана-бен-Ари, стиль вождения – это совокупность привычных для водителя методов езды (передвижения), включающих в себя выбор скорости, маневренность, обычные для человека уровни внимательности и уверенности при управлении автомобилем [11, с. 324].

Можно заключить, что стиль вождения автомобиля – это паттерн поведения, совокупность действий водителя, управляющего автомобилем, обусловленный рядом личностных и ситуационных факторов, определяющий уровень безопасности (аварийности) на дороге [14]. Таким образом, в рамках данной статьи поставлены следующие задачи: 1) выявить половые различия в показателях стилей вождения автомобиля; 2) определить прогностические психологические показатели стилей вождения автомобиля.

Организация исследования

Участники исследования. Выборка исследования состояла из 384 респондентов, среди которых 194 мужчины и 190 женщин в возрасте от 18 до 76 лет (средний возраст – 28,8 года). Все опрошенные – водители категории В, т. е. управляющие легковым автомобилем с разрешенной массой не более 3,5 т и количеством мест для сидения до 8 (согласно перечню категорий водительских прав Республики Беларусь). Полученные данные подвергались статистической обработке с помощью программы *SPSS Statistics 17.0*.

Для проведения исследования использовались следующие **методики**:

1) многофакторный опросник стиля вождения, разработанный О. Таубманом-Бен-Ари и соавтора-

ми (в адаптации И. А. Фурманова и Н. С. Астрейко) [15]. Методика включает 8 шкал: диссоциативный, опасный, агрессивный, высокоскоростной, тревожный, терпеливый, осторожный, безаварийный стили вождения;

2) психодиагностический тест В. М. Мельникова, Л. Т. Ямпольского [16], состоящий из 10 шкал нижнего уровня (невротизм, психотизм, депрессия, совестливость, расторможенность, общая активность, робость, общительность, эстетическая впечатлительность, женственность) и 4 шкал верхнего уровня (психическая неуравновешенность, асоциальность, интроверсия, сензитивность);

3) опросник агрессивности А. Басса и М. Перри [17] (в адаптации И. А. Фурманова), состоящий из

4 шкал и оценивающий такие формы агрессивных реакций, как физическая агрессия, вербальная агрессия, гнев, враждебность;

4) опросник провокации агрессии, разработанный Д. О'Коннером и соавторами (в адаптации В. В. Воловиковой) [17]. Инструментарий состоит

из 12 ситуаций и включает 4 эмоциональные реакции (гнев, радость, печаль, страх) и 5 поведенческих реакций (активная агрессия, пассивная агрессия, подавление агрессии, асертивная реакция, бегство) на ситуации провокации агрессии.

Результаты и их обсуждение

Половые различия в показателях стилей вождения автомобиля. Сравнительный анализ позволил выявить некоторые значимые расхождения в иерархиях стилей вождения автомобиля в зависимости от пола респондентов. Для построения иерархий была проведена трансформация показателей стилей вождения в 100-балльную шкалу.

Анализ данных свидетельствуют о том, что для мужчин-водителей (табл. 1) в иерархии стилей

вождения автомобиля доминирующее положение занимают α -стили: осторожный, терпеливый и безаварийный. В субординационном положении находятся предпочитаемые стили вождения автомобиля, т. е. агрессивный, высокоскоростной и тревожный. Было установлено, что в позиции ω -стилей вождения для мужчин располагаются опасный и диссоциативный стили вождения автомобиля.

Таблица 1

Иерархия стилей вождения автомобиля для мужчин

Table 1

Hierarchy of driving styles for men

№	Среднее значение стиля вождения	Сырые баллы	Трансформированные баллы
1	Осторожный	16,71 $\pm$ 4,16	46,85 $\pm$ 16,64
2	Терпеливый	13,13 $\pm$ 3,87	45,64 $\pm$ 19,37
3	Безаварийный	12,43 $\pm$ 3,24	42,14 $\pm$ 16,21
4	Агрессивный	15,10 $\pm$ 4,42	40,41 $\pm$ 17,69
5	Высокоскоростной	17,13 $\pm$ 4,49	37,09 $\pm$ 14,97
6	Тревожный	19,50 $\pm$ 4,35	35,71 $\pm$ 12,43
7	Опасный	13,29 $\pm$ 4,73	33,15 $\pm$ 18,92
8	Диссоциативный	17,66 $\pm$ 5,96	24,15 $\pm$ 14,89

Доминирующими стилями вождения автомобиля (α -стилями) для женщин-водителей (табл. 2) являются терпеливый, осторожный и безаварийный; предпочитаемыми стилями – тревожный, агрессивный и высокоскоростной. Женщины, как и мужчины, в наименьшей степени склонны к опасному и диссоциативному стилям вождения автомобиля (ω -стили).

сивный и высокоскоростной. Женщины, как и мужчины, в наименьшей степени склонны к опасному и диссоциативному стилям вождения автомобиля (ω -стили).

Таблица 2

Иерархия стилей вождения автомобиля для женщин

Table 2

Hierarchy of driving styles for women

№	Среднее значение стиля вождения	Сырые баллы	Трансформированные баллы
1	Терпеливый	14,38 $\pm$ 3,39	51,92 $\pm$ 16,95
2	Осторожный	17,74 $\pm$ 3,55	50,95 $\pm$ 14,21
3	Безаварийный	12,29 $\pm$ 3,25	41,45 $\pm$ 16,26
4	Тревожный	20,54 $\pm$ 4,64	38,68 $\pm$ 13,24
5	Агрессивный	14,13 $\pm$ 4,34	36,51 $\pm$ 17,36
6	Высокоскоростной	15,82 $\pm$ 4,24	32,74 $\pm$ 14,14
7	Опасный	12,39 $\pm$ 3,84	29,56 $\pm$ 15,36
8	Диссоциативный	17,81 $\pm$ 5,13	24,51 $\pm$ 12,89

Полученные данные согласуются с результатами предыдущих исследований и подтверждают, что мужчины и женщины отличаются в стилях вождения автомобиля [10; 11]. Как было установлено ранее, мужчинам более, чем женщинам, свойственно агрессивное управление автомобилем и рискованное поведение. Женщины более расположены к терпеливому и тревожному стилям вождения автомобиля [18].

Достоверно известно, что в обычных обстоятельствах мужчины более агрессивны, чем женщины; половые различия становятся менее существенными тогда, когда людей провоцируют на агрессию [19]. В повседневных ситуациях, когда ничего особенного не происходит, мужчины ведут себя намного агрессивнее, чем женщины, но в состоянии фрустрации или оскорбления женщины реагируют столь же агрессивно, как и мужчины. По сравнению с женщинами мужчины более склонны воспринимать неоднозначные ситуации как провоцирующие и с большей вероятностью реагируют агрессивно в ситуациях повседневности [19]. Например, многие мужчины воспринимают помеху в движении как личное оскорбление и реагируют агрессивно, а женщины чаще всего переживают подобные ситуации спокойно.

Полученные данные позволили выявить половые различия в стилях вождения автомобиля (табл. 3). Установлено, что для мужчин в большей степени, чем для женщин, характерно проявление

опасного ($t = 2,04$; $p \leq 0,05$), агрессивного ($t = 2,18$; $p \leq 0,05$) и высокоскоростного ($t = 2,93$; $p \leq 0,05$) стилей вождения автомобиля. Для женщин в большей степени, чем для мужчин, характерно проявление тревожного ($t = 2,26$; $p \leq 0,05$), терпеливого ($t = 3,38$; $p \leq 0,05$) и осторожного ($t = 2,59$; $p \leq 0,05$) стилей вождения автомобилей.

Значит, женщины-водители характеризуются повышенным уровнем тревожности и терпения. Однако полученные ранее данные по разным видам тревожности (общая и социальная) противоречивы, как и результаты по различным странам: так, в России мужчины демонстрируют более высокий общий уровень тревожности, а в США женщины превосходят мужчин по общей тревожности, а мужчины женщин – по социальной [19]. Не было найдено однозначных подтверждений того, что мужчины и женщины отличаются по уровню терпеливости.

Некоторые исследования показывают, что значимых половых различий в стилях вождения автомобиля нет, а существуют лишь качественные различия между реакциями на ситуации агрессии или стресса [6; 9]. Биологические различия мужчин и женщин отражаются на их психологических характеристиках и, как следствие, на управлении автомобилем [19]. Мужчины и женщины приобретают разнообразный опыт в различных ситуациях (сценариях) на дороге, реализовывая многообразные варианты действий.

Таблица 3

Половые различия в показателях стилей вождения автомобиля

Table 3

Sex differences in driving styles

Среднее значение стиля вождения	Сырые баллы		Достоверность различий, t
	Мужчины	Женщины	
Терпеливый	13,13 ± 3,87	14,38 ± 3,39	3,38*
Осторожный	16,71 ± 4,16	17,74 ± 3,55	2,59*
Диссоциативный	17,66 ± 5,96	17,81 ± 5,13	0,256
Тревожный	19,50 ± 4,35	20,54 ± 4,64	2,26*
Опасный	13,29 ± 4,73	12,39 ± 3,84	2,04*
Агрессивный	15,10 ± 4,42	14,13 ± 4,34	2,18*
Высокоскоростной	17,13 ± 4,49	15,82 ± 4,24	2,93*
Безаварийный	12,43 ± 3,24	12,29 ± 3,25	0,418

* $p \leq 0,05$.

Действия мужчин и женщин различаются по ряду критериев, начиная от обучения в автошколе (освоение правил дорожного движения и выполнение маневров, связанных с управлением автомобилем) до принимаемых решений в конфликтной ситуации [6]. Неуверенность женщин-водителей в своих знаниях технических характеристик, устройства

автомобиля, в вопросах его обслуживания приводит к более осторожным и внимательным действиям, соблюдению правил дорожного движения. А излишняя самоуверенность мужчин обуславливает их невнимательность и, как следствие, создание аварийных ситуаций на дороге, уменьшение безопасности дорожного движения.

Было установлено, что в условиях опасности женщины характеризуются более точным соблюдением правил и предусмотрительными действиями [6]. Это обусловлено тем, что они склонны к риску меньше, чем мужчины. А. И. Кабалева и А. И. Донцов утверждают, что «существуют гендерные особенности реального поведения водителей» [4, с. 70], и отмечают половые различия по факторам скорости, резкости и интенсивности водительской деятельности.

Кроме того, сложившиеся в обществе универсальные стереотипы восприятия женщин-водителей затрудняют адекватную оценку принимаемых женщинами решений: они хотя и совершают большее количество мелких аварий и нарушений, но на их счет гораздо меньше крупных дорожно-транспортных происшествий [4].

Учеными выделены критерии, по которым отличаются мужчины и женщины, управляющие автомобилем: особенности оценки дорожной ситуации; знание устройства автомобиля (технические показатели, оборудование салона и др.); специфика реагирования в предаварийных и аварийных дорожных ситуациях; особенности взаимодействия с другими участниками дорожного движения; соблюдение правил дорожного движения; правильность выполнения маневров [4].

Различия в действиях мужчин и женщин объясняют тремя факторами: навыками вождения, условиями движения и стилем вождения [12]. Различия в стилях вождения наиболее значимы и проявляются в культуре вождения, соблюдении правил дорожного движения и безопасности движения. Половые различия в стилях вождения трудно оценить количественно, так как многие из них связаны скорее с взаимоотношениями между водителями и остальными участниками дорожного движения, чем с открытыми проявлениями.

Прогностические психологические показатели стилей вождения автомобиля. В различных областях психологии предпринимается поиск надежных предикторов (прогностических психологических показателей) стилей вождения автомобиля. Так, большинство авторов основывается на различных вариантах корреляционного анализа. Однако корреляции дают сведения о направлении и тесноте связей, но не позволяют понять, за счет чего эти связи формируются [20]. При использовании регрессионного анализа как метода построения прогноза предикторами являются такие независимые переменные, изменения которых приводят к изменениям зависимых переменных – откликов.

Независимыми переменными, используемыми для построения предикторов стиля вождения автомобиля, служат *личностные характеристики* водителя (психотизм, невротизм, депрессия, совестливость, расторможенность, общая активность, робость, эстетическая впечатлительность, женст-

венность, общительность, асоциальность, психологическая неуравновешенность, интроверсия, сензитивность, агрессивность, формы агрессии), *эмоциональные* (гнев, радость, печаль, страх) и *поведенческие реакции* на ситуации провокации агрессии (активная агрессия, пассивная агрессия, подавление агрессии, бегство, ассертивная реакция). К зависимым переменным следует отнести стили вождения автомобиля (диссоциативный, опасный, агрессивный, высокоскоростной, тревожный, безаварийный, терпеливый, осторожный).

Регрессионный анализ позволил установить, что диссоциативный стиль вождения автомобиля (ДС) характеризуется агрессивностью (Аг), асоциальностью (Ас) и робостью (Р) водителей, о чем свидетельствует уравнение регрессии ($R^2 = 0,14$):

$$ДС = 11,61 + 0,096Аг + 0,42Ас + 0,24Р.$$

Как следует из уравнения, чем сильнее выражены агрессивность, асоциальность и робость, тем более водитель склонен к диссоциативному стилю вождения автомобиля.

Высокоскоростной стиль вождения автомобиля (ВС) детерминирован психотизмом (П) и активной реакцией на ситуации провокации агрессии (АА), о чем свидетельствует уравнение регрессии ($R^2 = 0,21$):

$$ВС = 10,43 + 0,55П + 0,19АА.$$

Из уравнения следует, что чем выше показатель психотизма и чем больше водитель проявляет активную агрессию в ситуациях провокации агрессии, тем больше он стремится к высокоскоростному стилю вождения автомобилем.

Тревожный стиль вождения автомобиля (ТрС) детерминируется водителями с высоким уровнем вербальной агрессии (ВА) и не склонных к бегству (Б) из ситуаций, провоцирующих агрессию. Уравнение регрессии ($R^2 = 0,10$):

$$ТрС = 21,26 - 0,19Б + 0,11ВА.$$

Следовательно, чем сильнее у водителя проявляется вербальная агрессия, тем более он склонен к тревожному стилю вождения, и чем выше вероятность бегства или ухода из ситуации, провоцирующей агрессию, тем менее водитель предрасположен к тревожному стилю вождения.

Опасный стиль вождения автомобиля (ОпС) характеризуется высоким уровнем агрессивности (Аг), радости (Р) и асоциальности (Ас) и низким уровнем женственности (Ж), что отражено в уравнении регрессии ($R^2 = 0,30$):

$$ОпС = 8,33 + 0,19Аг + 0,11Р - 0,33Ж + 0,30Ас.$$

Из данного уравнения следует, что чем выше показатели агрессивности, асоциальности и эмоции радости в ситуациях провокации агрессии, тем больше водитель склонен к опасному стилю вождения автомобиля. Напротив, опасный стиль вождения отрицательно связан с женственностью, т. е. при увеличении показателей по данной характеристике у водителей меньше проявляется склонность к опасному стилю вождения.

Результаты регрессионного анализа свидетельствуют, что агрессивный стиль вождения автомобиля (АС) определяется агрессивностью (Аг) и психотизмом (П) водителя, а также активной реакцией (АА) на ситуации провокации агрессии ($R^2 = 0,24$):

$$АС = 6,50 + 0,12Аг + 0,21АА + 0,29П.$$

Следовательно, положительная корреляция между агрессивностью, психотизмом, активной агрессией и агрессивным стилем вождения говорит о том, что чем выше показатели данных характеристик, тем больше водитель предрасположен к агрессивному стилю вождения автомобиля.

Осторожный стиль вождения (ОС) определяется общительностью (О) и гневом (Г) в ситуациях провокации агрессии. Уравнение регрессии ($R^2 = 0,12$) выглядит так:

$$ОС = 16,90 + 0,29О - 0,05Г.$$

Очевидно, что чем выше показатели общительности и ниже – гнева (злости), тем сильнее водитель предрасположен к осторожному стилю вождения.

Безаварийный стиль вождения автомобиля (БС) характерен для водителей с высоким уровнем со-

вестливости (С). Уравнение регрессии ($R^2 = 0,13$) имеет вид:

$$БС = 10,98 + 0,24С.$$

Значит, чем сильнее выражены показатели по шкале «совестливость», тем больше водитель предрасположен к безаварийному стилю вождения.

Регрессионный анализ показал, что терпеливый стиль вождения автомобиля (ТС) характеризуется асоциальностью (Ас) и активной агрессией в ситуациях провокации агрессии (АА), что отражено в уравнении регрессии ($R^2 = 0,17$):

$$ТС = 16,68 - 0,13АА - 0,24Ас.$$

Следовательно, чем выше показатель по шкале «асоциальность» и чем чаще водитель выражает активную агрессию, тем меньше в его действиях проявляется терпеливый стиль вождения.

Вычисленные психологические предикторы стиля вождения автомобиля позволяют повысить точность прогноза в социальной психологии, выявить круг факторов, участвующих в формировании названных стилей вождения, а также оценить сравнительный вклад этих факторов в прогнозируемые эффекты.

Выводы

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Доминирующими стилями вождения автомобиля как у мужчин, так и у женщин являются осторожный, терпеливый и безаварийный. Предпочитаемыми стилями вождения автомобиля (в порядке убывания) для мужчин являются агрессивный, высокоскоростной и тревожный, для женщин – тревожный, агрессивный и высокоскоростной. И мужчины, и женщины в наименьшей степени склонны к опасному и диссоциативному стилям вождения автомобиля.

2. Выявлены половые различия в показателях стилей вождения автомобиля. Для мужчин в большей степени, чем для женщин, характерно проявление опасного, агрессивного и высокоскоростного стилей. Женщинам в большей степени, чем мужчи-

нам, свойственны тревожный, терпеливый и осторожный стили вождения.

3. Прогностическими показателями диссоциативного стиля вождения автомобиля являются агрессивность, асоциальность и робость; высокоскоростного – психотизм и активная агрессия в ситуациях провокации агрессии; опасного – агрессивность, асоциальность, эмоция радости в ситуациях провокации агрессии и женственность; агрессивного – агрессивность, психотизм и активная агрессия в ситуациях провокации агрессии; осторожного – общительность и злость в ситуациях провокации агрессии; тревожного – вербальная агрессия и «бегство» из ситуации провокации агрессии; безаварийного – совестливость; терпеливого – асоциальность и активная агрессия в ситуациях провокации агрессии.

Библиографические ссылки

1. Quek ZF, Ng E. *Driver identification by driving style* [Internet]. 2013 [cited 2018 May 15]. Available from: <http://cs229.stanford.edu/proj2013/DriverIdentification.pdf>.
2. *Правила дорожного движения Республики Беларусь от 28 ноября 2005 г. № 551 (с изменениями и дополнениями от 10 августа 2015 г. № 349)*. Минск: Аверсэв; 2017. 96 с.
3. Sagberg F, Selpe, Piccinini GF, Engström J. A review of research on driving styles and road safety. *Human Factors*. 2015;20(10):1–28. DOI: 10.1177/0018720815591313.
4. Кабалева АИ, Донцов АИ. Особенности гендерного поведения водителей. *Вопросы психологии*. 2013;4:69–87.
5. Лобанова ЮИ. Вождение как деятельность, поведение и стилевая характеристика. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Психология*. 2014;4(5):97–107.
6. Петрова МИ. Социально-психологические особенности стереотипов восприятия женщин водителями. *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2011;7:239–243.
7. Jenenkova O. Personal characteristics of aggressive drivers in the perception of drivers and road traffic inspectors. *Psychological Thought*. 2014;7(1):80–92. DOI: 10.5964/psyctv7i1.40.
8. Dong W, Li J, Yao R, Li C, Yuan T, Wang L. Characterizing driving styles with deep learning. In: *Proceedings of the 2013. IEEE. Intelligent Vehicles Symposium (IV); 2013 June 23–26; Gold Coast, QLD Australia*. 2013;4:1040–1045. DOI: 10.1109/IVS.2013.6629603.

9. Krahe B. Predictors of women's aggressive driving behavior. *Aggressive Behavior*. 2005;31(6):537–546. DOI: 10.1002/ab.20070.
10. Taubman-Ben-Ari O, Yehiel D. Driving styles and their associations with personality and motivation. *Accident Analysis and Prevention*. 2012;45:416–422. DOI: 10.1016/j.app.2011.08.007.
11. Taubman-Ben-Ari O, Mikulincer M, Gillath O. The multidimensional driving style inventory – scale construct and validation. *Accident Analysis and Prevention*. 2004;36(3):323–332. DOI: 10.1016/S0001-4575(03)00010-1.
12. Veevers J. Women in the driver's seat: trends in sex differences in driving and death. *Population Research and Policy Review*. 1982;1(2):171–182. DOI: 10.1007/BF00138442.
13. Климов ЕА. Индивидуальный стиль деятельности. Гиппенрейтер ЮБ, Романова ВЯ, редакторы. *Психология индивидуальных различий*. Москва: Издательство Московского государственного университета; 1982. с. 140–143.
14. Астрейко НС. Стили вождения автомобиля: личностные и ситуационные факторы. В: Солодухо АС, Фофанова ГА, редакторы. *Психология глазами студентов. Материалы XIV ежегодной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов факультета философских и социальных наук; 25 мая 2017 г.; Минск, Беларусь. Часть 1*. Минск: Белорусский государственный университет; 2017. с. 6–8.
15. Фурманов ИА, Астрейко НС. Адаптация многофакторного опросника стиля вождения. *Философия и социальные науки*. 2016;2:88–93.
16. Реан АА. Практическая психодиагностика личности. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2001. 222 с.
17. Фурманов ИА. *Агрессия и насилие: диагностика, профилактика, коррекция*. Санкт-Петербург: Речь; 2007. 480 с.
18. Taubman-Ben-Ari O, Skvirsky V. The multidimensional driving style inventory a decade later: review of the literature and re-evaluation of the scale. *Accident Analysis and Prevention*. 2016;93:179–188. DOI: 10.16/j.aap.2016.04.038.
19. Ильин ЕП. *Пол и гендер*. Санкт-Петербург: Питер; 2010. 688 с.
20. Рабочая книга по прогнозированию. Бестужев-Лада ИВ, редактор. Москва: Мысль; 1982. 426 с.

References

1. Quek ZF, Ng E. Driver identification by driving style [Internet]. 2013 [cited 2018 May 15]. Available from: <http://cs229.stanford.edu/proj2013/DriverIdentification.pdf>.
2. *Pravila dorozhnogo dvizheniya Respubliki Belarus' ot 28 noyabrya 2005 g. № 551 (s izmeneniyami i dopolneniyami ot 10 avgusta 2015 g. № 349)* [Traffic regulations of the Republic of Belarus of 2005 November 28, No. 551 (as amended and supplemented on 2015 August 10, No. 349)]. Minsk: Aversev; 2017. 96 p.
3. Sagberg F, Piccinini GF, Engström J. A review of research on driving styles and road safety. *Human Factors*. 2015;20(10):1–28. DOI: 10.1177/0018720815591313.
4. Kabalevskaya AI, Dontsov AI. [Features of gender behavior of drivers]. *Voprosy psikhologii*. 2013;4:69–87. Russian.
5. Lobanova YuI. [Driving as an activity, behavior and style characteristic]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Psikhologiya*. 2014;4:97–107. Russian.
6. Petrova MI. [Socio-psychological characteristics of stereotypes women drivers]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2011;7(95):239–243. Russian.
7. Jenenkova O. Personal characteristics of aggressive drivers in the perception of drivers and road traffic inspectors. *Psychological Thought*. 2014;7(1):80–92. DOI: 10.5964/psychtv7i1.40.
8. Dong W, Li J, Yao R, Li C, Yuan T, Wang L. Characterizing driving styles with deep learning. In: *Proceedings of the 2013. IEEE. Intelligent Vehicles Symposium (IV); 2013 June 23–26; Gold Coast, QLD Australia*. 2013;4:1040–1045. DOI: 10.1109/IVS.2013.6629603.
9. Krahe B. Predictors of women's aggressive driving behavior. *Aggressive Behavior*. 2005;31(6):537–546. DOI: 10.1002/ab.20070.
10. Taubman-Ben-Ari O, Yehiel D. Driving styles and their associations with personality and motivation. *Accident Analysis and Prevention*. 2012;45:416–422. DOI: 10.1016/j.app.2011.08.007.
11. Taubman-Ben-Ari O, Mikulincer M, Gillath O. The multidimensional driving style inventory – scale construct and validation. *Accident Analysis and Prevention*. 2004;36(3):323–332. DOI: 10.1016/S0001-4575(03)00010-1.
12. Veevers J. Women in the driver's seat: trends in sex differences in driving and death. *Population Research and Policy Review*. 1982;1(2):171–182. DOI: 10.1007/BF00138442.
13. Klimov EA. [Individual style of activity]. *Psikhologiya individual'nykh razlichii*. Gippenreiter YuB, Romanova VYa, editors. Moscow: Moscow State University Publishing House; 1982. p. 74–77. Russian.
14. Astreyko NS. [Driving style: personal and situational factors]. In: Solodukho AS, Fofanova GA, editors. *Psikhologiya glazami studentov. Materialy KhIV ezhegodnoi nauchnoi konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov fakul'teta filosofskikh i sotsial'nykh nauk; 25 maya 2017 g.; Minsk, Belarus'. Chast' 1* [Psychology through the eyes of students Materials XIV annual scientific conference for students master degree students and postgraduate students of the faculty of philosophy and social sciences; Minsk, Belarus]. 2017;1:6–8 Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 6–8. Russian.
15. Fourmanov IA, Astreyko NS. The adaptation of the multidimensional driving style inventory. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2016;2:88–93. Russian.
16. Rean AA. *Prakticheskaya psikhodiagnostika lichnosti* [Practical psychodiagnostics of personality]. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University; 2001. 222 p. Russian.
17. Fourmanov IA. *Agressiya i nasilie: diagnostika, profilaktika, korrektsiya* [Aggression and violence: diagnosis, prevention, correction]. Saint Petersburg: Rech'; 2007. 480 p. Russian.
18. Taubman-Ben-Ari O, Skvirsky V. The multidimensional driving style inventory a decade later: review of the literature and re-evaluation of the scale. *Accident Analysis and Prevention*. 2016;93:179–188. DOI: 10.16/j.aap.2016.04.038.
19. Ilyin EP. *Pol i gender* [Sex and gender]. Saint Petersburg: Peter; 2010. 688 p. Russian.
20. *Rabochaya kniga po prognozirovaniyu* [Working book on forecasting]. Bestuzhev-Lada IV, editor. Moscow: Mysl'; 1982. 426 p. Russian.

УДК 159.95

СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИЗАЦИИ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ У АКТИВНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Е. И. МЕДВЕДСКАЯ¹⁾

¹⁾Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, бульв. Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь

Обсуждается категоризация как один из ведущих механизмов познавательной деятельности, проявляющийся также в познании личности другого человека. Представлены результаты изучения когнитивной сложности сознания в области социальной перцепции у взрослых активных интернет-пользователей. Эмпирически доказано, что она существенно ниже, чем у любителей традиционного чтения с бумажного носителя. Предложено объяснение зафиксированному упрощению категоризации через особенности медиаобраза как ведущей единицы кодирования интернет-информации.

Ключевые слова: категоризация; когнитивная сложность; знаковая система; печатное слово; медиаобраз; семантический дифференциал; факторный анализ.

SPECIFICS OF CATEGORIZATION IN THE FIELD OF SOCIAL PERCEPTION IN ACTIVE INTERNET USERS

E. I. MEDVEDSKAYA^a

^aBrest State A. S. Pushkin University, 21 Kasmanaŭtaŭ Boulevard, Brest 224016, Belarus

Categorization as one of the leading mechanisms of cognitive activity, which is also manifested in personality cognition of another person is discussed. The results of the study of the cognitive complexity of consciousness in the field of social perception in adult active Internet users are presented. It has been empirically proven that it is significantly lower than that of those who like traditional reading from paper. An explanation is offered to the fixed categorization simplification through the features of the media image as the leading unit for coding Internet information.

Keywords: categorization; cognitive complexity; sign system; printed word; media image; semantic differential; factor analysis.

Введение

Изучение категоризации как процесса познания и категорий сознания как результатов этого процесса имеет довольно длительную историю в философии, психологии, психофизиологии и иных науках. Благодаря работам Дж. Брунера и других представителей когнитивной психологии категоризация является одним из базовых понятий пси-

хологической науки. Это «свойство познания вообще» [1, с. 14], «одна из наиболее базовых функций живых организмов»¹ [2, р. 89], «основной способ организации опыта» [3, с. 10], «базис для построения наших знаний о мире» [4, р. 2]. В отечественной психологии для обозначения этого процесса чаще используются термины «означивание» или «опос-

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. М.

Образец цитирования:

Медведская ЕИ. Специфика категоризации в области социальной перцепции у активных интернет-пользователей. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019;2:108–114.

For citation:

Medvedskaya EI. Specifics of categorization in the field of social perception in active Internet users. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;2:108–114. Russian.

Автор:

Елена Ивановна Медведская – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии психолого-педагогического факультета.

Author:

Helen I. Medvedskaya, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, psycho-educational faculty.
emedvedskaja@mail.ru

редованность значением». В результате теоретико-эмпирических исследований категоризации в современной психологии фактически стали синонимичными такие фундаментальные понятия, как восприятие и познание (Дж. Брунер, С. Харнад), восприятие и осознание (В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев), восприятие и понимание (А. А. Бодалев).

В теоретическом истолковании и эмпирическом изучении категоризации сложилось несколько психологических подходов, основные из которых – классический когнитивный (Дж. Брунер) и прототипический (Э. Рош). Общим основанием названных подходов стали экспериментальные работы представителей Вюрцбургской школы, посвященные процессам перцепции и апперцепции, совокупность которых обеспечивает достаточную независимость восприятия субъекта от внешних условий. Объединяет представителей классического подхода и теории прототипов принятие базовой идеи об осуществлении восприятия в категориях.

Дж. Брунер полагал, что категоризация – это обобщение, а категорию определял через общие признаки образующих ее объектов: «Категоризацию предмета или события – отнесение его к какому-то классу или идентификацию его – можно уподобить тому, что в теории множеств называется отнесением элемента некоего множества к некоторому его подмножеству на основе таких упорядоченных пар, троек или n признаков, как мужчина – женщина, мезоморф – эндоморф – эктоморф или, скажем, высота предмета с точностью до сантиметра» [1, с. 14].

Основной функцией категоризации Дж. Брунер считал функцию построения модели мира: усваивая определенные категории и их системы, субъект научается не только фиксировать происходящее. Благодаря категориям-обобщениям он как раз может выходить за пределы наглядно воспринимаемой ситуации, объяснять и предсказывать явления. Адекватность субъективного отражения мира обусловлена умением сопоставлять воспринимаемые признаки объектов с некоторой эталонной системой категорий, сформированной в итоге обобщения предшествующего опыта и нуждающейся в постоянном дальнейшем уточнении.

Развивая доказанные Дж. Брунером идеи, С. Харнад предлагает отождествлять уже не категоризацию и восприятие, а категоризацию и познавательную деятельность в целом: «Познавать – значит категоризировать: познание есть категоризация» [5, р. 19].

Продолжающиеся с 1970-х гг. дискуссии между сторонниками когнитивного и прототипического подходов к категоризации затрагивают несколько принципиальных вопросов. Один из них – природа категорий и их строение. В рамках когнитивного подхода этот вопрос однозначно решается в пользу

дискретного строения категорий и наличия у них четких границ, в рамках прототипического подхода границы между категориями континуальны. Другой важный вопрос касается возможностей операционализации категоризации. С. Харнад в рамках сугубо когнитивного подхода предлагает дифференцировать три пути изучения:

- моделирование процессов категоризации при помощи искусственного интеллекта, искусственных нейронных сетей, позволяющее с различных сторон описать разные уровни переработки информации;
- экспериментальное изучение и построение моделей выполнения различных задач на категоризацию, а также исследование процессов усвоения категорий в процессах научения и развития;
- изучение категоризации посредством точных психофизических методов. В рамках данного направления анализируются преимущественно механизмы различения (дискриминации) и классификации (отождествления) [6].

Однако, несмотря на аппаратный инструментальный исследования, одним из остродискуссионных вопросов остается следующий: «На какой стадии переработки информации (сенсорной, перцептивной, при принятии решения) происходит категоризация?» [7, с. 72].

Таким образом, даже среди представителей одного теоретического подхода к изучению категоризации отсутствует единство мнений об эмпирических методах ее исследования. В отечественной психологии наиболее разработанной областью науки, изучающей генезис, строение и функционирование категорий обыденного познания, является экспериментальная психосемантика. По мнению академика В. Ф. Петренко, основателя данного направления, психосемантика реализует субъектную конструктивистскую парадигму психологии, позволяющую обнаружить те способы познания, которыми оперирует другой субъект [8].

Согласно сложившейся когнитивной традиции В. Ф. Петренко рассматривает категоризацию как процесс классификации (или когнитивной организации) субъектом актуально воспринимаемой информации в соответствии с уже имеющимся у него знанием. Категории, как обобщенные системы значений, являются тем опосредствующим звеном, через которое преломляются различные формы активности субъекта, в том числе и познавательной.

Основным методом изучения категоризации и одновременно формой модельного представления структур сознания в психосемантике выступает метод моделирования семантических пространств. Под семантическим пространством понимается особым образом структурированная система описания действительности. В. Ф. Петренко выделяет

несколько параметров семантического пространства, каждый из которых соответствует определенному аспекту когнитивной организации сознания. Во-первых, это размерность пространства (или число независимых категорий), отражающая объем знаний или когнитивную сложность сознания субъекта в конкретной содержательной области. Во-вторых, это содержание образующих пространство категорий, которое демонстрирует ведущее основание познания действительности. В-третьих, это перцептуальная или разрешительная сила признака, по которому происходит категоризация, что говорит о субъективной значимости используемого для нее основания.

Категоризация осуществляется на нескольких уровнях. На глубинном, или простом, уровне она строится на эмоционально-оценочных основаниях, а ее итогом выступают три универсальные категории: оценка, сила и активность (пространство *EPA: Evaluation – Potency – Activity*) [9]. Многочисленные экспериментальные работы, проводимые с представителями различных языковых культур, разного уровня образования и категорий психического здоровья, подтвердили универсальность выделенных Ч. Осгудом и его сотрудниками координат человеческого сознания *EPA*: оценки, силы и активности. Инвариантность названных координат объясняется наличием уровня «глубинной семантики», на котором действует синестетический механизм категоризации. Механизм синестезии запускается на ранних стадиях презентации объекта субъекту, когда сознанию в нерасчлененном виде представлены эмоциональные и перцептивные характеристики объекта. Универсальность этого глубинного кода категоризации действительности обусловлена универсальностью человеческих эмоций (точнее, их сигнальной функцией), обеспечивающей адаптацию к окружающему миру. Более сложные, развитые формы категоризации возникают по мере знакомства с некоторой содержательной областью, т. е. в силу усвоения человеком системы обобщений-эталонов, принятых в определенной культуре. Это усложнение выражается как в увеличении числа категорий, так и в изменении принципа их организации уже не столько по коннотативным (эмоциональным), сколько по денотативным (предметным) основаниям. Таким образом, знание предмета приводит к расщеплению универсальных категорий, что делает пространство более многомерным.

Современные исследования, посвященные индексированию значений, идут в нескольких направлениях: во-первых, это линия построения частных семантических пространств для узких понятийных классов объектов; во-вторых, линия построения семантических пространств для однородных популяций, дифференцированных по этническому,

возрастному, гендерному, профессиональному и другим критериям. Многократно экспериментально было доказано, что частные семантические пространства хотя и сохраняют определенную преемственность по отношению к универсальному, но имеют различные размерности и различное содержание выделяемых категорий сознания, которые зависят от знаний респондентов в данной содержательной области.

Одной из разновидностей частных семантических пространств выступают личностные семантические пространства. Еще Ч. Осгуд при изучении тезауруса личности выделил восемь факторов [10], три из которых соответствуют универсальным координатам: моральность (оценка), твердость (сила) и возбудимость (активность), а другие пять являются специфическими: рациональность, уникальность, дружелюбие, гордость, определенность.

В российской психологии широко используется методика личностного семантического дифференциала как инструмент описания и средство анализа личности. Например, А. Г. Шмелев [11], работая над созданием методики личностного семантического дифференциала (ЛСД), использовал список из 140 прилагательных. Оценка личности респондентами (студентами) проводилась по 14 репертуарным позициям. В результате факторного анализа было выделено восемь значимых факторов, из которых три ведущих соответствуют универсальным факторам: оценке («порядочный – подлый»), силе («организованный – ленивый») и активности («активный – тихий»).

При шкалировании мужчинами и женщинами портретов современников В. Ф. Петренко выявил семь значимых факторов: моральность, открытость, сила, общительность, акцентуированность Я, уравновешенность, социальная активность. Исследование показало, что структура личностного семантического дифференциала зависит также от объектов шкалирования: если оцениваются знакомые объекты, то ведущим является фактор «моральность» [12].

Данная работа продолжает линию построения частных семантических пространств для однородных групп респондентов. Оно направлено на моделирование категориальных структур знаний о личности в сознании активных интернет-пользователей.

Медиа, породившие в конце прошлого века интернет, продолжают стремительно совершенствоваться: речь уже идет о новых медиа, для обозначения которых используются также термины «веб нового поколения», *Web 2.0*, «онлайн-медиа», «сетевые медиа». В эту группу объединяются все медиа, содержание которых может быть оцифровано и размещено в интернете. А. Кирби предлагает обозначать современную культурную парадигму как

дигимодернизм (или диджимодернизм), фиксируя в данном понятии влияние компьютеров на все сферы культуры [13]. Ученый считает оцифровывание преобладающим культурным фактором нашего времени, который постепенно затягивает все в свою орбиту и выдает уже отформатированным и отредактированным по своему образу.

Содержание этого образа в силу быстрой эволюции медиа остается неизученным. Идеологи *Web 2.0* наряду с техническими возможностями (оцифровка любого содержания и мгновенная его передача на любые расстояния) отмечают также и собственно психологический момент усиления веб-технологии путем «коллективной активности» и «коллективного разума» пользователей [14]. Это возможно благодаря таким ведущим характери-

стикам *Web 2.0*, как гипертекстовость, интерактивность (диалоговый характер потребления информации), децентрализация источников информации и, как следствие, демократизация общества в целом и сознания отдельного индивида в частности.

С психологической точки зрения названные характеристики новых медиа обеспечивают наличие у них определенного развивающего потенциала. Это позволяет предполагать, что активные интернет-пользователи будут обладать некими когнитивными преимуществами по сравнению с другими, а именно: благодаря объему и доступности веб-информации они будут иметь более сложную категориальную структуру сознания, в частности, в сфере социальной перцепции.

Организация и инструментарий исследования

В исследовании (добровольно и анонимно) приняли участие 600 взрослых в возрасте от 35 до 60 лет, имеющих высшее образование (экономическое, юридическое, педагогическое, медицинское), работающих по специальности, проживающих в городской и сельской местности Брестской области. Сбор данных осуществлялся на протяжении 2017–2018 гг. Таким образом, респондентов можно обобщенно охарактеризовать как работников умственного труда, завершивших основные этапы социализации в социокультурной ситуации доцифровой эпохи.

Общая выборка была дифференцирована на две экспериментальные группы на основании анонимного анкетирования, направленного на выявление ведущей для респондентов знаковой системы информации и ежедневных привычек обращения к различным носителям информации. Отнесение субъекта к экспериментальной группе осуществлялось на основе совпадения двух критериев:

- однозначный выбор ведущей знаковой системы в свободное время (интернет или традиционная книга);
- большая часть свободного времени, посвященная взаимодействию с этой системой.

В качестве инструмента изучения знаний о личности был использован метод семантического дифференциала (СД) – «один из самых информативных и универсальных методов исследования социальной перцепции» [11, с. 62].

Компактным и валидным инструментом изучения самосознания и межличностных отношений, который активно используется русскоязычными психологами в социально-психологической, психодиагностической и клинической работе, является методика личностного дифференциала, разработанная сотрудниками Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института имени В. М. Бехтерева. Названный лич-

ностный дифференциал создан на базе современного русского языка и представляет собой дихотомию из 21 личностной черты. Однако в нашем исследовании не был использован данный готовый инструмент, потому что у этого метода довольно жесткая внутренняя конструкция, он позволяет измерять только три классических осгудовских фактора. Названные факторы при оценивании другого человека по личностному дифференциалу имеют следующее содержание: *оценка* – в восприятии другого выступает как степень его привлекательности/непривлекательности; *сила* – рассматривается как доминирование-подчинение другого; *активность* – категория, которая объединяет в себе коммуникативные черты другого человека. Также необходимо указать на факт, о котором не раз говорил сам Ч. Осгуд и другие специалисты, использующие метод семантического дифференциала: не существует стандартного, пригодного для любого набора стимулов варианта СД, поэтому его необходимо создавать заново для каждого набора оцениваемых объектов и для выборки испытуемых [8–12].

В данном исследовании используется вариант семантического дифференциала, где экспериментальным материалом выступали 40 шкал, обозначающих различные личностные характеристики. При отборе шкал-дескрипторов были учтены следующие моменты.

Во-первых, чтобы инструмент был валидным, необходимо избежать навязывания чуждого респондентам словаря, поэтому в нем использовались те личностные характеристики, которые чаще всего применяют представители конкретной возрастной категории и социального статуса. Для изучения словаря было проведено пилотажное исследование ($n = 100$), представляющее собой ассоциативный эксперимент на слова-стимулы «хороший человек» и «плохой человек». Подобная

инструкция, поляризующая человека, обусловлена тем, что значение никогда не существует в сознании изолированно, само по себе, а только в некоей системе, определенном континууме значений. Говоря словами Ю. М. Лотмана, в означивании какого-либо объекта «исходной точкой оказывается не единичная модель, а семиотическое пространство» [15, с. 146], сам же процесс осознания этого объекта подразумевает его включение «в некоторый смысловой ряд, определяющий наборы синонимов и антонимов» [15, с. 139]. Во-вторых, чтобы не пропустить какого-либо измерения личности, предлагаемые качества были отсортированы по факторам, выделенным в имплицитной теории личности, существующей в обыденном сознании [16]. Поскольку некоторые факторы (прежде всего самоотношения и самопрезентации) фактически отсутствуют в актуальном словаре, они были дополнены наиболее весомыми личностными характеристиками из тезауруса А. Г. Шмелева, а именно: креативный, противоречивый. Таким образом, семантический дифференциал имманентно включал в себя все шесть суперфакторов, обозначающих ведущие личностные категории в русскоязычной культуре. В-третьих, были заданы униполярные шкалы, поскольку их использование «дает дополнительную “степень свободы” в проекции когнитивных структур испытуемых на экспериментальный материал,

так как позволяет выделить субъективную синонимию и антонимию описываемых признаков, не обязательно совпадающую с нормативно-языковой» [8, с. 206].

По заданным шкалам семантического дифференциала участникам исследования предлагалось оценить по 7-балльной шкале (от 1 до 7) несколько личностей: знакомых людей, каждого из которых они сами оценивают как «хорошего» и «плохого» человека, идеального человека и самого себя.

Обработка данных, полученных с помощью семантического дифференциала, осуществлялась посредством факторного анализа. Для решения задачи моделирования категориальных структур знаний о личности были построены матрицы сходства дескрипторов при оценке одного объекта отдельно для разных экспериментальных групп (40 шкал на 100 испытуемых). Затем исходные матрицы (всего 8) подвергались процедуре факторного анализа. Во всех случаях факторный анализ проводился согласно принятой в психосемантике процедуре [8, с. 91, 98, 191, 225]: центроидный метод с извлечением главных компонент, включающий подпрограмму поворота факторных структур *varimax* (программа *SPSS v. 16*). Образующими фактора выступали только те дескрипторы, нагрузка которых имела высокую степень статистической значимости (для 40 переменных $r = 0,4$ при $p \leq 0,01$).

Результаты и их обсуждение

Обработка данных анкетирования позволила разделить общую выборку на три группы:

1) активные интернет-пользователи (180 человек, 30 %);

2) субъекты читающие, т. е. лица, остающиеся приверженцами традиционного печатного слова в своем выборе системы кодирования информации (100 человек, 17 %);

3) смешанный тип, субъекты, не имеющие предпочтений знаковой системы (320 человек, 53 %).

Данное исследование предполагает сравнительный анализ, для осуществления которого был использован метод контрастных групп, поэтому протоколы представителей смешанного типа были исключены из дальнейшей обработки.

Эмпирические данные, полученные посредством семантического дифференциала, позволяют также решить и основную задачу проведенного исследования, заключающуюся в оценке когнитивной сложности знаний о личности у активных интернет-пользователей (другие параметры категориальной организации знаний, т. е. содержание категорий и их валентность, представляется целесообразным исключить из обсуждения). Как уже отмечалось, основным критерием когнитивной сложности в психосемантическом подходе к

операционализации категорий сознания является количество факторов-категорий, однако, несмотря на единодушие в признании данного параметра когнитивной сложности/простоты, дискуссионным остается вопрос об основаниях отбора категорий. Наиболее часто используются критерий Кайзера (или критерий собственных чисел больше единицы) и критерий Хэмфри (абсолютная величина произведения двух максимальных факторных нагрузок должна быть вдвое больше двойки, деленной на корень квадратный из количества наблюдений). Поэтому в таблице отражено количество факторов, полученных на разных критериальных основаниях.

Данные таблицы демонстрируют, что вне зависимости от использованного критерия отбора категорий их число для разных объектов оценивания выше в группе читающих субъектов. Применение критерия Манна – Уитни подтверждает статистическую достоверность выявленных различий ($U = 0$, $p < 0,01$).

Полученные эмпирические данные доказывают, что взрослые активные интернет-пользователи более когнитивно просты в области социальной перцепции по сравнению с субъектами читающими, т. е. они обладают более ограниченными знаниями о личности человека.

Количество факторов, организующих знания о личности у представителей разных групп

The number of factors that organize knowledge about the personality in representatives of different groups

Критерий значимости	Группа респондентов	Объект оценивания			
		Хороший человек	Плохой человек	Я	Идеальный человек
Критерий Кайзера	Субъекты читающие	19	19	19	17
	Активные интернет-пользователи	14	16	15	15
Критерий Хэмфри	Субъекты читающие	6	4	5	5
	Активные интернет-пользователи	1	3	3	2

Таким образом, выдвинутая гипотеза о наличии когнитивных преимуществ у пользователей *Web 2.0* в области социальной перцепции не подтвердилась. Вероятно, объяснение данного факта следует искать не столько в возможностях интернета, сколько в характере ведущей для данной технологии знаковой системы. В цифровой (электронной) культуре, как и в традиционной (печатной), ведущей составляющей продолжает оставаться визуальная. Однако изменяется единица кодирования информации: если традиционно ею выступало слово, то теперь оно вытесняется медиаобразом.

Основными особенностями медиаобраза (точнее, потока образов) выступают:

- технический характер производства и передачи;
- высокая скорость трансляции;
- мультимодальный режим передачи информации;
- преимущественно иконический характер информации;
- суггестивность воздействия.

Названные особенности образа объясняют и его психологическое воздействие (которое, кстати, непсихологами тоже описывается очень образно и метафорично): «бомбардировка» сознания образами (Э. Тоффлер), «захват сознания» (М. Маклюэн), «ослепляющий поток» образов (М. Кастельс), «навязывающий» ящик (Д. Рашкофф) и др. Помимо того что этот поток воздействует преимущественно на зрение как на главный орган восприятия информации, его еще можно считать благоприятствующим содержанию сознания человека, которое в эмпирическом опыте предстает как «непрерывно меняющаяся совокупность чувственных и умственных образов, непосредственно предстающих перед субъектом в его “внутреннем опыте” и пред-

восхищающих его практическую деятельность» [17, с. 368–369]. Однако неестественные и постоянно наращиваемые скорость и мощность потока медиаобразов, вероятно, вызывают и определенные «сдвиги» в сознании и его функционировании, делая его менее способным к концентрации на предмете, целеполаганию и планированию, к остановке и критическому анализу.

Произошедшая в последние десятилетия цифровая революция буквально на глазах трансформировала практически все области социальной практики в цифровую повседневность. Однако с ее наступлением явно смещаются акценты при обращении к электронным технологиям. Если первоначально возможности компьютера и интернета использовались с позиции извне, для решения конкретных задач (увеличения точности расчетов и объема информации, ускорения темпа передачи и др.), то сейчас пользователи находятся преимущественно в позиции внутри: они включены в информационный поток, и поэтому вовлечены не столько в его содержание, сколько в процесс регулирования (нажимать на кнопки, реагировать на всплывающие окна и сообщения, блокировать и т. п.). Иначе говоря, на практике становятся приоритетны не столько целенаправленный поиск и переработка информации (и, соответственно, итог данного процесса, приращение знаний), сколько удобство и комфортность ее получения. Подобное смещение акцентов вполне закономерно приводит к тому, что оптимистические ожидания и в отношении телевидения (как средства когнитивного развития зрителей), и в отношении интернета (как глобальной интеллектуальной лаборатории, предназначенной для производства нового знания) на практике стихийным образом не реализуются.

Заключение

В области социальной перцепции взрослые активные интернет-пользователи более просты когнитивно по сравнению с любителями традиционного чтения. Личность человека, независимо от используемых критериев отбора факторов, представлена в их сознании меньшим количеством категорий.

Это доказывает, что у экрана монитора не происходит совершенствования категоризации, т. е. благодаря новым цифровым технологиям у их

пользователей не формируются произвольным образом новые системы кодирования воспринимаемой информации о личности.

Особенности медиаобраза как ведущего знака кодирования информации в интернет-технологии оставляют пользователя в рамках наглядно данной ситуации, что не позволяет процессу категоризации реализовывать свои основные функции объяснения и предсказания действительности.

Библиографические ссылки

1. Брунер Дж. *Психология познания*. Москва: Прогресс; 1977. 414 с.
2. Mervis CB, Rosch E. Categorization of natural objects. *Annual Review of Psychology*. 1981;32:89–115. DOI: 10.1146/annurev.ps.32.020181.000513.
3. Лакофф Дж. *Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении*. Москва: Языки славянских культур; 2004. 792 с.
4. Cohen H, Lefebvre C. Bridging the category divide. In: Cohen H, Lefebvre C, editors. *Handbook of Categorization in Cognitive Science*. Montreal: Elsevier; 2005. p. 1–15.
5. Harnad S, Cohen H, Lefebvre C. To cognize is to categorize: cognition is categorization. In: Cohen H, Lefebvre C, editors. *Handbook of Categorization in Cognitive Science*. Montreal: Elsevier; 2005. p. 20–42.
6. Harnad S. Psychophysical and cognitive aspects of categorical perception: a critical overview. In: Harnad S. *Categorical Perception: the Groundwork of Cognition*. New York: Cambridge University Press; 1990. p. 1–28.
7. Куракова ОА. Эффект категориальности восприятия: основные подходы и психофизические модели. *Экспериментальная психология*. 2013;6(1):61–75.
8. Петренко ВФ. *Основы психосемантики*. Санкт-Петербург: Питер; 2005. 480 с.
9. Osgood CE, Suci G, Tannenbaum P. *The Measurement of Meaning*. Chicago: University of Illinois Press; 1957. 342 p.
10. Osgood CE. Studies on generality of affective meaning system. *American Psychologist*. 1962;17(1):10–28. DOI: 10.1037/h0045146.
11. Шмелев АГ. Об устойчивости факторной структуры личностного семантического дифференциала. *Вестник Московского государственного университета. Серия 14, Психология*. 1982;2:62–65.
12. Петренко ВФ. *Психосемантика сознания*. Москва: Московский государственный университет; 1988. 208 с.
13. Kirby A. *Digimodernism: how new Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. New York: Continuum Publishing corporation; 2009. 282 p.
14. Киреев ПС. Новые медиа в современном информационно-коммуникационном пространстве. *Социология*. 2010;2:115–127.
15. Лотман ЮМ. Культура и взрыв. В: Лотман ЮМ. *Семiosфера*. Санкт-Петербург: Искусство; 2004. с. 12–148.
16. Шмелев АГ, Похилько ВИ, Козловская-Тельнова АЮ. Репрезентативность личностных черт в сознании носителя русского языка. *Психологический журнал*. 1991;12(2):27–44.
17. Петровский АВ, Ярошевский МГ, редакторы. *Психология: словарь*. Москва: Политиздат; 1990. 494 с.

References

1. Bruner Dzh. *Psikhologiya poznaniya* [Psychology of knowledge]. Moscow: Progress; 1977. 414 p. Russian.
2. Mervis CB, Rosch E. Categorization of natural objects. *Annual Review of Psychology*. 1981;32:89–115. DOI: 10.1146/annurev.ps.32.020181.000513.
3. Lakoff Dzh. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: chto kategorii yazyka goworyat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things: what categories of language tell us about thinking]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2004. 792 p. Russian.
4. Cohen H, Lefebvre C. Bridging the category divide. In: Cohen H, Lefebvre C, editors. *Handbook of Categorization in Cognitive Science*. Montreal: Elsevier; 2005. p. 1–15.
5. Harnad S, Cohen H, Lefebvre C. To cognize is to categorize: cognition is categorization. In: Cohen H, Lefebvre C, editors. *Handbook of Categorization in Cognitive Science*. Montreal: Elsevier; 2005. p. 20–42.
6. Harnad S. Psychophysical and cognitive aspects of categorical perception: a critical overview. In: Harnad S. *Categorical Perception: the Groundwork of Cognition*. New York: Cambridge University Press; 1990. p. 1–28.
7. Kurakova OA. The effect of categorical perception: the main approaches and psychophysical models. *Experimental Psychology (Russia)*. 2013;6(1):61–75. Russian.
8. Petrenko VF. *Osnovy psikhosemantiki* [Basics of psychosemantics]. Saint Petersburg: Piter; 2005. 480 p. Russian.
9. Osgood CE, Suci G, Tannenbaum P. *The Measurement of Meaning*. Chicago: University of Illinois Press; 1957. 342 p.
10. Osgood CE. Studies on generality of affective meaning system. *American Psychologist*. 1962;17(1):10–28. DOI: 10.1037/h0045146.
11. Shmelev AG. [On the stability of the factor structure of the personal semantic differential]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 14, Psikhologiya*. 1982;2:62–65. Russian.
12. Petrenko VF. *Psikhosemantika soznaniya* [Psychosemantics of consciousness]. Moscow: Moscow State University; 1988. 208 p. Russian.
13. Kirby A. *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. New York: Continuum Publishing Corporation; 2009. 282 p.
14. Kireev PS. New media in the modern information and communication space. *Sotsiologiya*. 2010;2:115–127. Russian.
15. Lotman YuM. [Culture and Explosion]. In: Lotman YuM. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskustvo; 2004. p. 12–148. Russian.
16. Shmelev AG, Pokhil'ko VI, Kozlovskaya-Tel'nova AYU. [Representativeness of personality traits in the consciousness of a native Russian speaker]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1991;12(2):27–44. Russian.
17. Petrovskii AV, Yaroshevskii MG, editors. *Psikhologiya: slovar'* [Psychology: dictionary]. Moscow: Politizdat; 1990. 494 p. Russian.

Психология личности

PERSONALITY PSYCHOLOGY

УДК 159.99

ДИНАМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЭСТЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ

А. М. ПОЛЯКОВ¹⁾, М. В. ПУГАЧ²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается динамическая структура эстетического переживания как поэтапное осмысление художественного образа. Описаны знаковый и символический способы осмысления художественного образа. Представлен анализ действия психологических механизмов идентификации, интерпретации, сопротивления в эстетическом переживании художественного образа. Динамическая структура эстетического переживания может служить основанием для дальнейшего конструирования методики экспериментального исследования этого процесса в онтогенезе. В динамической структуре эстетического переживания выделены следующие компоненты: воссоздание предметного содержания художественного образа, выделение художественного образа, осознание антиномии художественного образа, «погружение» в художественный образ, осознание внутренней позиции, формирование субъективного отношения к художественному образу.

Ключевые слова: переживание; эстетическое переживание; структура эстетического переживания; психологические механизмы эстетического переживания; художественный образ; знак; символ.

Образец цитирования:

Поляков АМ, Пугач МВ. Динамическая структура эстетического переживания. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019; 2:115–121.

For citation:

Polyakov AM, Pugach MV. The dynamic structure of aesthetic experience. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;2:115–121. Russian.

Авторы:

Алексей Михайлович Поляков – доктор психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Мария Васильевна Пугач – соискатель кафедры андрагогики факультета дополнительного профессионального образования.

Authors:

Alexey M. Polyakov, doctor of science (psychology), doцент; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

polyakov.bsu@gmail.com

Maria V. Pugach, competitor at the department of andragogy, faculty of additional professional education.

maripyguch@mail.ru

THE DYNAMIC STRUCTURE OF AESTHETIC EXPERIENCE

A. M. POLYAKOV^a, M. V. PUGACH^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bBelarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, 18 Savieckaja Street, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. M. Polyakov (polyakov.bsu@gmail.com)

The article deals with the dynamic structure of aesthetic experience as a step-by-step comprehension of the artistic image. The sign and symbolic ways of understanding the artistic image are described. The article presents an analysis of the psychological mechanisms of identification, interpretation, resistance in the aesthetic experience of the artistic image. The dynamic structure of aesthetic experience can serve as a basis for further construction of the experimental research methodology of this process in ontogenesis. In the dynamic structure of the aesthetic experience, the following components are highlighted: the reconstruction of the objective content of the artistic image, the isolation of the artistic image, awareness of the antinomy of the artistic image, «immersion» in the artistic image, awareness of the inner position, the formation of a subjective attitude to the artistic image.

Keywords: experience; aesthetic experience; structure of aesthetic experience; psychological mechanisms of aesthetic experience; artistic image; sign; symbol.

На протяжении жизни человек испытывает различного рода переживания, связанные с неоднородными по характеру событиями. В психологических исследованиях проблема переживания рассматривается в различных контекстах: в связи с преодолением человеком критических жизненных ситуаций (Ф. Е. Василюк, Л. А. Пергаменщик), поиском смыслов существования (А. Лангле), описанием влияний социальной среды на психологическое развитие ребенка (Л. С. Выготский) [1–4]. С. Н. Жеребцов анализирует специфику переживаний личности в связи с теми или иными историческими культурными контекстами, благодаря которым переживания приобретают свою определенность [5, с. 144]. Важным дополнением выступает замечание о том, что не все культурное содержание становится причастным переживанию личности, а только те моменты, которые вовлечены человеком в его жизнедеятельность. Стать таковым культурное содержание может в случае оцененности, выстраивания человеком к нему отношения. Л. С. Выготский подчеркивал, что с помощью переживания те или иные компоненты социального взаимодействия приобретают значимость для развития индивида [4, с. 73]. Переживание сравнивается с внутренней (интрапсихической) призмой, которая преломляет влияние среды. Она же (призма) не просто пассивно «ждет» этих влияний – с ее помощью «вычерпываются» из социальной среды те или иные стороны, аспекты.

Из этого можно заключить, что процесс переживания подразумевает проявление активности человека. Какого рода эта активность? В различных объяснениях психологического наполнения содержания переживания – как единства особенностей личности и особенностей социальной ситуации (Л. С. Выготский), как особой формы деятельности (Ф. Е. Василюк), как душевного эха, отклика на про-

исходящее (Г. Г. Шпет, В. П. Зинченко), как психического отражения состояния удовлетворенности субъекта в его взаимоотношениях с окружающей общественной средой (Л. И. Божович) – общим моментом выступает категория отношения [1; 2; 4; 6]. Активность человека в переживании не исчерпывается, но подразумевает выстраивание отношения к событиям, другим людям, самому себе.

Во всем многообразии переживаний особое место занимает эстетическое переживание, внимание к которому связано с необходимостью понять, как оно влияет на психическое развитие и социализацию ребенка, и, как следствие, с возможностями создания условий для этого с помощью художественных средств. Такая форма помощи приобретает особую значимость в тех случаях, когда мы имеем дело с какими-либо дефицитами социального взаимодействия ребенка, встречающимися практически при любом типе отклоняющегося психического развития.

В связи с этим важно определить не только содержательную специфику, но и динамическую структуру эстетического переживания, раскрывающую его основные этапы и позволяющую их моделировать в условиях экспериментально-генетического метода, предложенного Л. С. Выготским. Данный метод важен не только тем, что позволяет эмпирически исследовать процесс эстетического переживания, но и тем, что создает возможность раскрыть условия, влияющие на его онтогенетическое развитие. Таким образом, теоретическая разработка динамической модели эстетического переживания, являясь прототипом уже сформировавшегося процесса, служит основанием для экспериментального изучения его развития у детей и разработки программ психологической помощи.

Анализ эстетического переживания представлен нами с позиций культурно-исторической пси-

хологии, поэтому оно может быть понято как процесс осмысления художественного произведения.

Эстетическое переживание выступает одной из отличительных характеристик искусства как специфического вида знания [6–8]. Своеобразие эстетического переживания во многом связано с категорией прекрасного. Отличить красоту подлинную от красоты мнимой помогает понимание того, кто есть человек и в чем суть отношений человека к другому человеку и природе [8]. Можно предположить, что в основе красоты как критерия искусства находится сфера отношений субъекта к субъекту; представление о том, что эти отношения выражаются в культурных формах, которые призваны нести в себе красоту. Такими уникальными культурными формами являются художественные образы.

Под художественным образом понимают способ и форму освоения действительности в искусстве, всеобщую категорию художественного творчества [9, с. 503]. Изучением этой проблемы в психологии занимались Г. Г. Шпет, Л. С. Выготский, А. А. Адашкина, Г. А. Емельянов, Г. Г. Граник, Л. А. Концевая, Г. Н. Кудина, З. Н. Новлянская, К. И. Алексеев и др. [6; 10–15]. Подлинно творческое создание художественных образов исключает действие как по штампу, так и по произволу, капризу (захотелось обрызгать холст краской – вот и проявление творческого воображения). Действие творческого воображения предполагает схватывание всеобщей необходимости (по определению Э. В. Ильенкова), представленной в жизненных противоречиях [8]. В предельном случае противоречие (прежде всего в системе отношений человека к человеку) еще до его определения кем-либо в понятии чувствуется художником и затем выражается в художественном образе. Поскольку художественный образ как культурная форма претендует быть выразителем сложных, многогранных противоречий и парадоксов жизни, то они, будучи претворенными в художественном образе, и там приобретают бытийный статус. Этот процесс претворения обозначает не прямой перенос (буквальное описание событий, фактов), а, наоборот, выстраивание уникальной «партитуры» смысловых оттенков. Следовательно, художественный образ наполняется объективными (не зависящими от субъекта) смыслами.

Несмотря на то что переживание произведений искусства может происходить свернуто, оно все же возникает не автоматически, а «требует серьезной душевной работы» [7, с. 5]. Попытаемся последовательно проследить, как именно осуществляется эстетическое переживание художественного образа. Для этого нами была разработана **структура эстетического переживания**, отражающая его основные этапы. Данная динамическая структура в дальнейшем может служить опорой для теоретического конструирования методики исследования

эстетического переживания и выявления ключевых моментов, своеобразных узлов-связок, в которых наиболее выразительно объективируется диада «социальная среда – индивидуальное развитие человека». Поскольку художественный образ отражает бытийные социальные связи и отношения во всем многообразии, многоплановости, многоконтекстности, противоречивости, то он может выступать как своеобразная «отстраненная» социальная действительность.

В художественном образе выделяют содержание и форму [16]. Одним из психологических механизмов эстетического переживания является «развеществление» художественной формы. Чтобы преодолеть вещный характер художественной формы, важно суметь увидеть условность материала, «преодолеть» его (например, в живописи разглядеть смысловое содержание за красками, линиями, пространственной перспективой, изображением). Для этого необходимо выделить, почувствовать момент изоляции материала, освобождения его от бытийных связей. Важно, что «изоляция или отрешение относится не к материалу, не к произведению как вещи, а к его значению, к содержанию, которое освобождается от некоторых необходимых связей с единством природы и единством этического события бытия» [16, с. 59]. Содержание художественного произведения, как отрезок бытия, изолируется из потока жизни художественной формой. Отрешение осуществляется с помощью пересмотра отношения к действительности, Другому, себе через расстановку смысловых акцентов в каком-то отрезке бытия, который превращается в уникальный открытый мир художественного образа. Следовательно, «форма развеществляется и выносится за пределы произведения как организованного материала, только становясь выражением ценностно определенной творческой активности эстетически деятельного субъекта» [16, с. 27].

На наш взгляд, развернутое описание этапов переживания художественного образа позволит исследовать его специфику и возможные варианты, а также обогатить представления о его значении для психического развития и социализации субъекта.

На основании анализа исследований по данной проблеме и их теоретического анализа нам удалось выделить следующие этапы эстетического переживания, отражающие его динамическую структуру.

1. Воссоздание предметного содержания художественного образа. Несмотря на то что мир художественного произведения можно назвать вымышленным, условным, его «материалом» служит реальность. Предметное содержание художественного образа могут составлять люди, создающие систему персонажей, образы природы, образы-вещи, которые формируют интерьер и т. п.

В отношении текста этот этап можно назвать «выделением нулевого смысла». Это смысл, относящийся к бытийному и нарративному полю текста [17, с. 110]. Качество «прохождения» этого этапа во многом будет зависеть от умения выстраивать контекст. Сюда включаются и уже имеющиеся у человека знания о событиях, в которых разворачивается идея художественного образа, и умение связать собственный опыт с ситуацией, в которой он представлен. Например, отдельные слова, фразы понимаются в тексте через выделенный читателем законченный в смысловом отношении отрывок этого текста. На данном этапе формируется представление о том, что уже известно в художественном образе и что только предполагается, интересно было бы узнать.

2. Выделение художественного образа. Художественное произведение включает в себя три слоя: чувственную материю, художественный образ и духовно-предметный слой [18]. Слой чувственной материи представляет собой материально-вещную составляющую художественного произведения (например, в литературе это слова; в живописи – цвета, линии, пространство и т. п.).

Важно понять, как в слое художественного образа, соотносятся содержание и форма. Содержание – оформленный мир событий, мир людей. Оно отвечает на вопрос: «О чем художественное произведение?» В содержании представлены действительность познания и этического поступка [16]. К нему принадлежат возможные проявления человеческих отношений, а также мира как мира человека (действительность, представленная в содержании художественного произведения, не нейтральна, она несет в себе определенность, законченность, цельность и заряд оцененности). Авторский взгляд на ценности познания и поступка находит свое выражение в содержании, ограниченном художественной формой, с помощью которой автор может расставить смысловые акценты, обозначая свое отношение к содержанию. Художественную форму можно назвать выразителем ценностно направленной активности субъекта (как *Автора*, так и воспринимающего ее *Другого*). Художественно оформленный момент содержания превращается в *художественный образ*.

Художественная форма может проявляться как композиционная и как архитектурная [16]. С помощью композиционной формы организуются внешне чувственные, «телесные» образы (например, композиционной формой для рассказа будет являться сюжет, если под ним подразумевать «расположение материала по законам художественного построения» [10, с. 140]). Относительно композиционной формы можно поставить вопрос: «Каким именно способом представлены события в литературном произведении или выстроена мелодия в музыкальном произведении?»

В архитектурной форме важно возникновение отношения к содержанию. С ее помощью происходит объединение и организация познавательных (например, достоверность, критичность) и этических ценностей (в первую очередь такие ценности взаимоотношений с другими людьми, как справедливость, милосердие). Познавательные ценности помогают судить об истинности определяемой действительности, а этические выражаются в поступках [16]. Говоря об архитектурной форме, задают вопрос: «Что важно, что является главным в художественном произведении?»

На данном этапе происходит придание значимости тем или иным сторонам художественного образа, а также акцентирование, уточнение отношения к нему.

3. Осознание антиномии художественного образа. Духовно-предметный слой несет в себе высшее, главное содержание художественного произведения, которое может быть названо художественным предметом [18]. Этот слой является выразителем символического смысла, который «иррационален и может быть понят только в процессе переживания» [19, с. 59]. Духовно-предметный слой подобен «смысловой вертикали», пронизывающей остальные слои художественного произведения. Об этом слое можно задать такой вопрос: «В чем сущность, высшая необходимость явления или отношения человека к человеку, изображаемых в художественном произведении?»

Структура художественного произведения представляет собой гибкое единство, но не тождество формы, содержания, материала. Такая многокомпонентность художественного текста способна вызывать неоднозначные способы его осмысления. Так, характер протекания эстетического переживания на этом этапе будет зависеть от того, удалось ли объективировать антиномию, которая может быть скрыта в художественном образе. Антиномия – это необходимое противоречие между двумя в равной мере правдоподобными или доказуемыми тезисами [20, с. 39].

Можно выделить два типа таких противоречий. Первое – несоответствие между формой (для музыкального произведения это мелодия и т. п.) и содержанием художественного образа (то, что он идейно представляет). В этом моменте важно уловить неоднозначную связь между художественной формой и тем смыслом, который скрыт в содержании. Например, Л. С. Выготский подчеркивал, что «басня показывает нечто совершенно противоположное своими словами и своим смыслом» [10, с. 102].

Ко второму типу противоречий можно отнести собственно «внутрисмысловое» противоречие. Его обнаружению помогает «открытость» ситуации художественного образа (например, в фильме «Троя», снятом по мотивам поэмы «Илиада» Гомера, воин Ахиллес между вариантами поступка – бесславно

оставить тело убитого им Гектора, своего злейшего врага, или отдать его отцу для погребения с почестями – выбирает последнее). Разрешение противоречия всегда предполагает выбор, однако не всегда выбор выступает решением противоречия.

Вариативность определения описанных противоречий во многом зависит от характера осмысления художественного образа, характера опосредствования этого процесса. В некотором роде осмыслить – значит прибегнуть к освоению реальности с помощью знаков или символов. Задача знакового типа осмысления – «задать четкие границы некоторому предметному содержанию, сделать его произвольным» [19, с. 59]. Происходит обращение к рефлексивному слою сознания, обращенность на самого себя. Задача символического («целостного») типа осмысления заключается в установлении связи с тайной живого *Ты*, с *Другим*; в умении за предметами «увидеть» субъекта. В этом варианте важна представленность символической функции сознания [19].

Если попытаться аналитически подойти к художественному образу, то, по нашему мнению, доминировать будет знаковое осмысление. В этом случае необходимо в какой-то мере дистанцироваться от воспринимаемого, быть как бы над ситуацией, взглянуть на нее со стороны, оценить ее. Выразителем оценки могут быть семантические категории (например, «приятное – неприятное», «теплое – холодное» и др.), отражающие значимые для субъекта свойства [21]. Альтернатива знаковому осмыслению – так называемый целостный подход к познанию художественного образа [6–8]. В таком случае художественный образ переживается как символ, происходит его символическое осмысление. Если символ выражает отношение «часть – целое» [19], то художественный образ, будучи частью, должен заключать в себе возможность проявления целого. Художественный образ как символ содержит указание, намек на главный смысл, к которому еще необходимо прийти. Например, идея добра (целое) может разнообразно выражаться в художественных полотнах, музыкальных произведениях, литературе (части). Символический подход предполагает момент «живого присутствия в ситуации», выстраивание диалога между субъективными смыслами и объективными, заложенными в художественном образе. На этом этапе также продолжается построение, корректировка контекста.

4. «Погружение» в художественный образ. Дальнейшее развитие эстетического переживания обуславливается характером протекания механизмов идентификации, децентрации (полицентризм), сопротивления. Под идентификацией понимают отождествление себя с персонажем художественного произведения, благодаря чему происходит проникновение в смысловое содержание произведения, его эстетическое переживание [22, с. 168].

Чтобы отождествить себя с кем-то, необходимо освободить в себе «пространство» для *Другого*. В этом моменте прослеживается взаимосвязь процессов идентификации и децентрации, так как благодаря присутствию свободного «пространства» появляется возможность сопоставления собственной точки зрения с другими. Изменение собственной точки зрения в соответствии с героем-образцом может происходить вариативно: от растворения в нем до проявления объектного (когда преобладает знаковый тип осмысления художественного образа) или субъектного (преобладает символический тип осмысления художественного образа) сопоставления. Например, когда символическое осмысление художественного образа выступает для меня как выражение другого сознания, происходит выстраивание отношений *Я – Ты*. В этом варианте я не присваиваю лицо *Другого*, но пытаюсь отыскать свое лицо путем ведения диалога с ним.

Взаимодействие вариантов идентификации, децентрации обеспечивает своеобразную многомерность эстетического переживания. Показателен в этом отношении пример Л. С. Выготского: «Достаточно взглянуть только на всякую трагедию, в частности на “Гамлета”, для того чтобы увидеть, что все лица изображены такими, какими их видит Гамлет. Все события преломляются через призму его души, и, таким образом, автор созерцает трагедию в двух планах: с одной стороны, он видит все глазами Гамлета, а с другой стороны, он видит самого Гамлета своими собственными глазами, так что всякий зритель трагедии сразу и Гамлет, и его созерцатель» [10, с. 182]. Таким образом, создается возможность почувствовать ситуацию художественного образа как личную и попытаться увидеть ее глазами героя.

Если художественный образ действительно символический и мы с ним встречаемся как с символом, то его осмысление неизбежно вызовет момент сопротивления. Данный механизм может быть представлен в двух вариантах. Сопротивление в осмыслении художественного образа может быть вызвано сложностью и многомерностью его строения. Возможен путь осмысления «извне вовнутрь», т. е. от внешней чувственной материи через образную ткань к духовно-предметному слою. В таком случае краски и линии необходимо собрать в законченный чувственный образ, а далее «высветить» знаковую или символическую сущность художественного образа. Однако может быть и другой путь осмысления – первоначальное кратковременное «прикосновение» к сущности духовно-предметного слоя художественного произведения, подобно резкому погружению в воду с последующим выталкиванием на ее поверхность. Далее может происходить возвращение к слоям чувственной материи и образов и разворачивание их «обогащенного» осмысления с учетом полученного опыта.

Второй вид сопротивления можно назвать «сопротивлением себе самому». При потребительском отношении к художественному произведению такой вид сопротивления не вступает в силу. Его действие возможно в случае направленности восприятия на обнаружение объективно высших, символических смыслов. При такой направленности осмысления ориентиром выступают не обязательные удовольствие и расслабленность, а напряженный и сосредоточенный поиск значительного, главного в художественном произведении. Сопротивление – очень нужный психологический механизм, который предохраняет от однобокости суждений и переживаний, дает возможность подумать с разных смысловых позиций при общей направленности, заданной Смыслом символа, цельностью, контекстом.

5. Осознание внутренней позиции. На этом этапе происходит осознание собственной смысловой позиции за счет ее сопоставления с позицией героя произведения. Такое сопоставление во многом возможно благодаря заданной художественным образом «точке опоры» (например, образ героя). Так проявляются мои представления, чувства, состояния в ценностном эталонном образе героя. Я сам со своими намерениями, ожиданиями, чувствами в этой ситуации подвергаюсь оценке, и возникает ситуация выстраивания отношения к себе и другим.

6. Формирование субъективного отношения к художественному образу. Если под переживанием понимать установление смыслового соответствия между сознанием и бытием [1, с. 30], то при знаковом типе осмысления выражение смыслового соответствия будет в смысле-значении чего-либо

для субъекта (по Леонтьеву), а при «целостном подходе» – в символическом смысле, который являет тайну живого *Ты, Другого* субъекта [19].

Результатом переживания при знаковом осмыслении будет выступать оценочное отношение. Результатом переживания в случае символического осмысления станет ценностное отношение. Несмотря на то что слова «оценочное» и «ценностное» являются близкородственными слову «ценность», они несут в себе различные смысловые оттенки. Чтобы что-либо оценить, необходимо на некоторое расстояние отдалиться от оцениваемого, занять «внешнюю позицию», произвести его измерение по семантическим категориям (например, «нравится – не нравится»). Момент выстраивания ценностного отношения предполагает не столько измерение, определение, сколько проживание представленных в художественном образе событий как «духовных обстоятельств» (И. А. Ильин), указующих на вневременные, объективные высшие смыслы [18].

Таким образом, характер эстетического переживания художественного образа определяется в первую очередь активностью познающего субъекта, преобладанием знакового или символического способа его осмысления. Уникальность художественных образов (многоплановое, многослойное строение; авторское «вбирание» собой неоднозначностей событийного мира; способность к «развеществлению», представлению смысловой реальности) подразумевает сосредоточенно-напряженный поиск точного, совершенного воплощения прекрасного, а не пустую красоту. Основная функция искусства связана не с развлечением, но с указанием человеку на смыслы, выходящие за рамки обыденной жизни, хотя в ней и представленные.

Библиографические ссылки

1. Василюк ФЕ. *Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций)*. Москва: Издательство Московского университета; 1984. 200 с.
2. Пергаменщик ЛА. *Введение в кризисную психологию. Курс лекций*. Минск: Белорусский государственный педагогический университет; 2003. 240 с.
3. Лангле А. Экзистенциально-аналитическое понимание эмоциональности: теория и практика. *Национальный психологический журнал*. 2015;1(17):26–38. DOI: 10.11621/npj.2015.0104.
4. Выготский ЛС. *Лекции по педологии*. Ижевск: Удмуртский университет; 2001. 304 с.
5. Жеребцов СН. *Психология переживаний личности в динамике культуры: Античность, Средневековье, Возрождение*. Мозырь: Содействие; 2013. 184 с.
6. Шпет ГТ. Искусство как вид знания (этюды). *Культурно-историческая психология*. 2006;4:25–35.
7. Зинченко ВП. Психологические аспекты влияния искусства на человека. *Культурно-историческая психология*. 2006;4:3–21.
8. Ильенков ЭВ. *Об эстетической природе фантазии. Что там в Зазеркалье?* Москва: ЛИБРОКОМ; 2014. 128 с.
9. Подопригора СЯ, Подопригора АС, составители. *Философский словарь*. 2-е издание. Ростов-на-Дону: Феникс; 2013. 562 с.
10. Выготский ЛС. *Психология искусства*. Ярошевский МГ, редактор. Москва: Педагогика; 1987. 344 с.
11. Адашкина АА. Особенности проявления эстетического отношения при восприятии действительности. *Вопросы психологии*. 1999;6:100–109.
12. Емельянов ГА. Восприятие поэтической формы в подростковом и юношеском возрасте. *Вопросы психологии*. 1998;1:31–43.
13. Граник ГТ, Концевая ЛА. Восприятие школьниками художественного текста. *Вопросы психологии*. 1996;3:43–52.
14. Кудина ГН, Новлянская ЗН. Основные принципы и методы экспериментального курса «Литература как предмет эстетического цикла». *Психологическая наука и образование*. 1996;4:48–52.

15. Алексеев КИ. Метафора как объект исследования в философии и психологии. *Вопросы психологии*. 1996;2:73–84.
16. Бахтин ММ. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. В: Бахтин ММ. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература; 1975. с. 6–71.
17. Никитина ЕС. О понятии нулевого смысла текста. *Культурно-историческая психология*. 2015;11(2):108–117.
18. Ильин ИА. Основы искусства. О совершенном в искусстве. В: Ильин ИА. *Собрание сочинений. Том 6, книга 1*. Лисица ЮТ, составитель. Москва: Русская книга; 1996. с. 53–182.
19. Поляков АМ. *Субъект и символ*. Минск: БГУ; 2014. 255 с.
20. Конт-Спонвиль А. *Философский словарь*. Головина ЕВ, переводчик. Москва: Этерна; 2012. 752 с.
21. Артемьева ЕЮ. *Психология субъективной семантики*. Москва: Издательство Московского университета; 1980. 127 с.
22. Мещерякова БГ, Зинченко ВП, редакторы. *Большой психологический словарь*. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак; 2003. 632 с.

References

1. Vasilyuk FE. *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii)* [Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations)]. Moscow: Moscow State University; 1984. 200 p. Russian.
2. Pergamenshchik LA. *Vvedenie v krizisnuyu psikhologiyu. Kurs lektsii* [Introduction to crisis psychology. Course of lectures]. Minsk: Belarusian State Pedagogical Institute; 2003. 240 p. Russian.
3. Langle A. Existential analytic understanding of emotion: theory and practice. *National Psychological Journal*. 2015;1(17): 26–38. Russian. DOI: 10.11621/npj.2015.0104.
4. Vygotskiy LS. *Lektsii po pedologii* [Lectures on pedology]. Izhevsk: Udmurt university; 2001. 304 p. Russian.
5. Zherebcov SN. *Psikhologiya perezhivaniy lichnosti v dinamike kul'tury: Antichnost', Srednevekov'e, Vozrozhdenie* [Psychology of personal experiences in the dynamics of culture: Antiquity, Middle Ages, Renaissance]. Mozyr: Sodejstvie; 2013. 184 p. Russian.
6. Shpet GG. Art as a kind of knowledge (etude). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2006;4:25–35. Russian.
7. Zinchenko VP. [Psychological aspects of art's influence on man]. *Cultural-Historical Psychology*. 2006;4:3–21. Russian.
8. Ilyenkov EV. *Ob esteticheskoi prirode fantazii. Chto tam v Zazerkal'e?* [On the aesthetic nature of fantasy. What is there in the Looking Glass?]. Moscow: LIBROKOM; 2014. 128 p. Russian.
9. Podoprigora SYa, Podoprigora AS, compilers. *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary]. 2nd edition. Rostov-on-Don: Feniks; 2013. 562 p. Russian.
10. Vygotsky LS. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Yaroshewskiy MG, editor. Moscow: Pedagogika; 1987. 344 p. Russian.
11. Adaskina AA. [Features of the manifestation of the aesthetic attitude in the perception of reality]. *Voprosy psikhologii*. 1999;6:100–109. Russian.
12. Emelyanov GA. [The perception of poetic form in adolescence and young adulthood]. *Voprosy psikhologii*. 1998;1:31–43. Russian.
13. Granik GG, Koncevaya LA. [Schoolchildren's perception of artistic text]. *Voprosy psikhologii*. 1996;3:43–52. Russian.
14. Kudina GN, Novlyanskaya ZN. [The basic principles and methods of the experimental course «Literature as a subject of the aesthetic cycle»]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 1996;4:48–52. Russian.
15. Alekseev KI. [Metaphor as an object of study in philosophy and psychology]. *Voprosy psikhologii*. 1996;2:73–84. Russian.
16. Bahtin MM. *Problema soderzhaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve* [The problem of content, material and form in verbal art]. In: Bahtin MM. [Questions of literature and aesthetics. The studies in different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1975. p. 6–71. Russian.
17. Nikitina ES. [On the concept of zero meaning the text]. *Cultural-Historical Psychology*. 2015;11(2):108–117. Russian.
18. Ilyin IA. [Fundamentals of art. About the perfect in art]. In: Ilyin IA. *Sobranie sochinenii. Tom 6, kniga 1* [Collected works. Volume 6, book 1]. Lisitsa YuT, compiler. Moscow: Russkaya kniga; 1996. p. 53–182.
19. Polyakov AM. *Sub'ekt i simbol* [Subject and symbol]. Minsk: Belarusian State University; 2014. 255 p. Russian.
20. Kont-Sponvil A. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. Golovina EV, translator. Moscow: Ehterna; 2012. 752 p. Russian.
21. Artemyeva EYu. *Psikhologiya sub'ektivnoi semantiki* [Psychology of subjective semantics]. Moscow: Moscow State University; 1980. 127 p. Russian.
22. Meshcheryakova BG, Zinchenko VP, editors. *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [Big psychological dictionary]. Saint Petersburg: Prajm-Evroznak; 2003. 632 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2019.
Received by editorial board 08.02.2019.

УДК 159.9.07

ОСНОВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ИГРОКОВ КОСПЛЕЯ С РАЗНЫМ СТАЖЕМ УЧАСТИЯ В ИГРЕ

О. Г. КСЕНДА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Определяется понятие косплея как игровой деятельности. Обсуждаются мотивация и потребности игроков. С помощью метода анализа эссе описаны установленные лидирующие потребности косплееров, которые составляют основу мотивации их участия в игре. Игроки косплея с разным стажем выбирают ее, исходя из главных потребностей: общения, признания собственной значимости и успеха, удовольствия. Полученные данные позволяют скорректировать программы помощи подросткам и юношам, имеющим проблемы в коммуникации и игровые зависимости.

Ключевые слова: косплей; игровая деятельность; игроки косплея; субкультура; потребности игроков косплея.

THE MAIN NEEDS OF COSPLAY PLAYERS WITH DIFFERENT PARTICIPATION IN THE GAME

O. G. KSIONDA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The concept of cosplay is being defined as a game activity, the motivation and needs of its players are discussed. The leading needs of cosplayers, which form the basis of the motivation for their participation in the game, described in the study (using an essay analysis method) are described. Cosplay players with different experience choose it based on their basic needs: communication, recognition of their own importance and success, pleasure. The data obtained will allow to adjust the program of assistance to adolescents and young men with problems in communication and having game dependencies.

Keywords: cosplay; game activity; cosplay players; subculture; needs of cosplay players.

Введение

Каждый исторический период развития общества характеризуется особенными социокультурными явлениями, популярными в молодежной среде, выявляющей, как лакмусовая бумажка, основные тенденции. В современном обществе игровая деятельность более не рассматривается как исключительно детское занятие. С каждым годом все больше и больше взрослых людей увлекаются теми или иными видами игр [1].

Одним из примеров подобных увлечений является косплей (от англ. *costume play* – костюмированная игра), который стоит в одном ряду с такими видами игровой активности, как квесты, настольные игры, киберспортивные мероприятия, ролевые игры. Для всех названных игр характерны следующие особенности: массовое распространение среди молодежи; необходимость контакта с определенным количеством знакомых и незнакомых

Образец цитирования:

Ксенда ОГ. Основные потребности игроков косплея с разным стажем участия в игре. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;2:122–128.

For citation:

Ksionda OG. The main needs of cosplay players with different participation in the game. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;2:122–128. Russian.

Автор:

Ольга Григорьевна Ксенда – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga G. Ksionda, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
olgaksionda@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4667-1099>

людей в процессе игры; собственная терминология, используемая игроками; позитивная атмосфера в ходе всей игры [2].

Основная задача игрока косплея – как можно более точно соответствовать выбранному персонажу, к образу которого подбираются необходимый костюм, аксессуары, грим и прическа, и этот образ обыгрывается. Юноши и девушки могут тратить на подготовку к косплею и его реализацию много времени и совершать весьма затратные покупки для того, чтобы как можно более походить на выбранного ими персонажа.

Сегодня эта молодежная субкультура существует во всем мире. Косплей распространялся постепенно, начавшись в США и Японии. С 1980-х гг. эта субкультура становится все более значимой для молодежи. Например, нынешние японские фестивали косплея очень многочисленны: их организаторы затрудняются дать даже примерные данные о количестве участников. В 2003 г. в Японии состоялось общемировое соревнование косплея, где финалистами стали не только японские игроки, но и участники из Италии, Франции, Германии и Бразилии. В России в косплей стали играть с 1999 г., а первый на постсоветском пространстве фестиваль косплея состоялся в 2002 г. в Воронеже. Сейчас такие мероприятия проводятся ежегодно («Манифест» в Санкт-Петербурге, «Аниматрица» в Москве и «Аниме-фестиваль» в Воронеже), и российские косплееры готовятся к ним особенно тщательно. В 2013 г. Россия была представлена на международном фестивале косплея в г. Нагое. Возрастающий интерес к косплею выражается и в появлении большого количества печатных изданий на данную тему [3; 4].

В Беларуси косплей начал развиваться недавно. Белорусский фестиваль молодежной восточноазиатской культуры, посвященный косплею и аниме, проводится с 2012 г. ежегодно в конце сентября – начале октября в г. Минске. На первом фестивале было около 20 участников и примерно 100 посетителей, в 2013 г. на этом мероприятии присутствовали уже около 100 косплееров и 500 посетителей. Сейчас субкультура косплея представлена ежегодными фестивалями «Юникон» и «Хиган», собирающими сотни отечественных и зарубежных участников, тысячи посетителей. Косплееры имеют собственные ресурсы в интернет-пространстве (<http://unicon.by/>), социальных сетях (<https://vk.com/uniconminskgroup>, https://vk.com/xiii_by). Немногочисленные встречи косплееров посвящены определенным датам или темам: например, Дню космонавтики, дням создания книги, игры, сериала или фильма и т. д. [5].

Косплей анализируется преимущественно в рамках социологии [6], культурологии [7–9], философии [10–13], педагогики, ученые исследуют его влияние на молодежь [14–16].

В ряде статей российских исследователей обсуждаются личностные особенности косплееров, их ценности, потребности и проблемы мотивации участников ролевых игр [5; 17–19]. Психологические исследования на эту тему проводят в основном студенты, магистранты или аспиранты: молодые люди пытаются описать свое участие в этой молодежной субкультуре, набирающей популярность на постсоветском пространстве. В целом основные тезисы их работ свидетельствуют о важности изучения мотивации игроков косплея, поскольку это один из самых дискуссионных вопросов.

За рубежом косплей исследовался чаще, однако ученые признают, что вопрос мотивации игроков довольно спорен и он до сих пор нуждается в более глубоких исследованиях [2; 20–23], что сравнивать мотивацию игроков косплея из разных стран весьма сложно, так как она может отличаться в зависимости от культуры и условий, в которой существует молодежь. К. Н. Кулагина [5] отмечает, что российские игроки косплея больше внимания уделяют содержанию своей роли, чем детализации костюма. И в Беларуси отыгрывание роли персонажа является основным компонентом игры. В то же время японские косплееры придают большее значение качеству своих костюмов, не стремятся скрыть их недостатки или несоответствие игрока выбранной им роли.

Еще одна причина различий кроется в отношении общества к игре и самим косплеерам. В отдельных странах Запада эта субкультура давно популярна, поэтому отношение к ней терпимое и игроки косплея имеют возможности реализовать свое увлечение на различных фестивалях, концертах, устраиваемых специально для них. Отдельных игроков приглашают на подобные мероприятия, даже предлагая за это материальное вознаграждение [20].

Основной результат исследований по данной теме заключается в том, что мотивация косплееров в первую очередь связана с потребностями в общении, самоактуализации, самовыражении, самореализации, а игра становится инструментом, при помощи которого они могут «показать себя другими». Со временем игроки могут приобретать и активную внешнюю мотивацию, так как стимулируются новыми знакомыми (также игроками косплея), обстановкой фестивалей, привычкой [20–22].

Ученые из США Р. С. Росенберг и А. М. Летаменди обнаружили, что ведущие мотивации американских косплееров – это потребности в общении (74 % испытуемых), получении новых ощущений (10 %) и самовыражении (6 %). Результаты остальных испытуемых были выделены авторами в отдельный класс потребностей («другие потребности») [2]. Исследуя при помощи глубинного интервью мотивацию бразильских игроков косплея, К. Телес и Р. Юока выяснили, что для принятия решения

участвовать в фестивалях косплея приоритетно желание представлять определенного персонажа, причем на первом месте – желание быть именно им (24 % респондентов), на втором – желание примерить его костюм (18 %); 21 % респондентов участвовали в косплее под влиянием друзей, 14 % – из-за недостатка веселья в их жизни, 5 % – из-за недостатка общения (надежды найти друзей в процессе игры). Остальные респонденты указывали другие причины своего участия в фестивалях косплея [23].

По мнению российских исследователей [5; 19], доминирующие потребности косплееров – это потребность в общении, самореализации, приобретении нового опыта и новых ощущений. Опыт участия в косплее влияет на потребности и мотивацию игрока. Некоторые ведущие потребности, подтолкнувшие человека к участию в игре, могут быть удовлетворены – в таком случае актуализируются новые потребности.

Развивающаяся в Беларуси субкультура косплея становится все популярнее среди молодежи, но актуальных исследований, учитывающих особенности отечественного косплея, практически нет. Цель данной статьи – изучение основных потребностей игроков косплея, а задача – выявление основных потребностей косплееров и различий у игроков с разным опытом участия.

Понятие «мотивация» всегда было тесно связано с понятием «потребности» (или «нужды»). Сумму теорий, рассматривающих мотивацию в данном ключе, называют потребностными теориями мотивации, в которых потребности – источник активности личности. Так утверждал и А. Маслоу при анализе мотивации индивида. Он разработал собственную классификацию потребностей – «пирамиду», в которой потребности располагались в иерархичном порядке одна за другой на 5 уровнях. Первый уровень – физиологические потребности, необходимые для существования человека (пища, сон и др.). Второй – потребность в безопасности (защита от агрессии, стабильность). На третьем

уровне – потребность в любви (различные социальные потребности). Четвертый – потребность в признании (самоутверждение и одобрение со стороны других). На последнем уровне Маслоу поместил потребность в самоактуализации (самовыражении, самораскрытии). Ученый считал, что потребности не исключают друг друга и они настолько тесно связаны, что их порой сложно отделить друг от друга [24].

В 1920-х гг. начинают появляться теории мотивации, которые также формировались на основе связи понятий «мотивация» и «потребности», однако в них акцент делался на вторичных человеческих потребностях: под ними понимались потребности, возникающие в процессе воспитания и обучения (потребность в достижении успеха, аффилиации, агрессии, независимости и противодействии, уважении и защите, доминировании и привлечении внимания, избегании неудач и вредных воздействий и др.) [25]. Советский психолог Б. И. Додонов утверждал, что приоритетны потребности, основанные на чувственных переживаниях. Он выделял десять комплексов потребностей:

- гедонистические – потребность в комфорте, безмятежности и т. д.;
- глорические – потребность в признании собственной значимости, успехе;
- гностические – потребность в познании и новой информации;
- эстетические – потребность в прекрасном;
- альтруистические – потребность в содействии, помощи другим;
- романтические – потребность в необычном, неизведанном;
- пугнические – потребность в соревновательной деятельности;
- практические – потребность в результате, в оправданности действий;
- коммуникативные – потребность в общении, взаимодействии с социумом;
- акизитивные – потребность в накоплении и коллекционировании материальных ценностей [26].

Материалы и методы исследования

Указанные идеи являются теоретической основой изучения мотивации и потребностей косплееров Беларуси, которое было проведено под нашим руководством. Респондентами были молодые люди – 107 участников ежегодного белорусского фестиваля косплея «Юникон» и ежегодного белорусского молодежного фестиваля поклонников восточноазиатской культуры «Хиган». Выборка гетерогенна по половому составу, каждый испытуемый участвовал в игре не менее года. Участники были разделены на две группы в зависимости от опыта участия в косплее: 1) до 2 лет (57 человек); 2) более 3 лет (50 респондентов).

В качестве диагностического инструментария использовались методика изучения потребности в поисках ощущений (М. Цукерман) и контент-анализ мини-сочинений на тему «Почему я участвую в игре косплей?» В этой письменной самостоятельной работе игрокам предлагалось изложить собственные мысли, суждения, переживания и намерения (так как представители данной субкультуры склонны к творчеству, то написание сочинения на интересную для них тему позволяет им раскрыться). Проанализировав тексты сочинений молодых людей с различным опытом участия, мы выделили наиболее частотные единицы (категории). В про-

цессе контент-анализа подсчитывалась частота упоминания смысловых единиц с фиксацией в них одинакового содержания. Выявленные категории в целом соответствуют комплексам потребностей, которые выделил Б. И. Додонов, но была зафиксиро-

вана также биологическая потребность, направленная на удовлетворение физиологических нужд. Анализ достоверности различий между двумя группами проводился с использованием *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Результаты и их обсуждение

Высказывания играющих в косплей менее 2 лет были разнесены по категориям, расположенным по мере убывания значимости (приводятся аутентичные и обобщенные фразы респондентов; в скобках указана частота упоминания высказывания в процентах):

- коммуникативная потребность – друзья (93,0), общение (84,2), уход от одиночества (61,4), обсуждение (50,8), одна команда (36,8), «играю за компанию» (36,8), «мы как семья» (21), товарищи (19,3);
- глорическая потребность: поднятие самооценки (35,0), внимание (34,0), самореализация (21,0), быть лучше всех (11,0), показать себя (9,0), признание (5,0), притягивать взгляды (4,0), одобрение (2,0);
- гедонистическая потребность – удовольствие (50,8), комфорт (15,8), «кайф» (7,0), безмятежность (5,3), экстаз (3,5);
- пугническая потребность – посоревноваться (19,3), победа (17,0), получить кубок/медаль (10,5);
- практическая потребность – создавать (21,0), делать что-то своими руками (15,8), «крафтить» (8,7);
- эстетическая потребность – красивые люди (24,6), праздник (10,5), нарядно (3,5);
- романтическая потребность – необычно (24,5), нечто новое (8,7);
- гностическая потребность – узнавать новое (14,0), учиться (7,0), получать опыт (7,0);
- биологическая потребность – найти девушку/парня (5,3), поесть (8,7).

Самая высокая частота упоминаний была получена по таким категориям потребностей, как коммуникативная, глорическая, гедонистическая и пугническая. Эти данные соотносятся с результатами исследований Н. В. Кулагиной, М. А. Овчинниковой. Безусловно, у косплееров с малым опытом участия в игре отмечается высокая потребность в общении и признании их достоинств. Удовлетворение глорической потребности выражается в участии в подобных играх, даже если мероприятие не было задумано как соревновательное. Игрок имеет возможность обратить на себя внимание, сравнить свой костюм, грим, прическу с образом других участников. Удовлетворение гедонистической потребности кроется в особой деятельности – ролевой игре, которая приносит удовольствие, комфорт и «кайф» (по выражению игроков). Впрочем, все эти эмоции и переживания характерны для любой игровой деятельности. Видимо, молодые люди не

получают достаточного количества таких позитивных эмоций в обыденной жизни, поэтому стремятся «добрать» их в игре. Пугническая потребность, несмотря на то что у игры высокий командный дух, удовлетворяется признанием другими участниками костюма, над которым косплеер долго трудился, создавая определенный образ.

Самая низкая частота упоминания – у категорий, отражающих гностическую и биологическую потребность. Мы объясняем это тем, что косплееры испытывают некоторый дискомфорт во время игр (неудобные костюмы, многочасовые мероприятия и др.). Человек, у которого доминируют биологические потребности, не сможет долго участвовать в игре (он рано или поздно выйдет из нее). Низкий уровень гностической потребности, полагаем, обусловлен тем, что сама по себе игра косплей не является познавательной в широком смысле. Суть творчества – воспроизведение образа, который уже хорошо известен косплееру.

Высказывания игроков с опытом участия более трех лет были распределены по тем же категориям (в скобках указана частота упоминания высказывания в процентах). Представляем результаты по мере убывания значимости:

- коммуникативная потребность – друзья (80), пришел/играю за компанию (74), команда (66), общение (38), обсуждение (26), уход от одиночества (26), товарищи (24), «поддержать своих» (24);
- глорическая потребность – внимание (46), поднятие самооценки (28), признание (26), быть лучше всех (14), обратить внимание (12), вызвать восхищение (8), самореализация (6), притягивать взгляды (4), показать себя (4);
- гедонистическая потребность – удовольствие (52), комфорт (36), «кайф» (7), безмятежность (4);
- пугническая потребность – победа (28), получить кубок/медаль (16), побороться (8), посоревноваться (4);
- биологическая потребность – секс с другим косплеером (28), поесть (10);
- романтическая потребность – необычно (24), своя атмосфера (7), своя романтика (4);
- гностическая потребность – просвещаться (8), получать опыт (7), узнавать новое (6), изучать методы других косплееров (5), быть в тренде (5);
- практическая потребность – «крафтить» (10), создавать (4), делать что-то своими руками (6);
- эстетическая потребность – эстетически приятно (6), нарядно (5), красивые люди (4).

Итак, у более опытных игроков первые позиции занимают те же виды потребностей, однако их содержание несколько другое. Если у первой группы респондентов важнейшими компонентами коммуникативной потребности были названы друзья (93,0 %) и общение (84,2 %), то у более опытных на первом месте остаются друзья, но значительно возрастает процент упоминания категорий «играю за компанию» (74,0 %) и «команда» (66,0 %). Различия между игроками с разным сроком участия в игре по последним категориям статистически значимы на уровне $p = 0,01$ (t -критерий = 2,62). Снижается также частота упоминаний категорий «общение» и «уход от одиночества» (различия значимы на уровне $p = 0,05$, t -критерий = 1,9).

Глорическая, гедонистическая и пугническая потребности фиксируются стабильно. У людей, продолжающих заниматься косплеем долгое время, возникает мотивация социального характера ввиду особенностей игры. Со временем игроки начинают не просто опираться на свои абстрактные представления о косплее, а получать определенное удовольствие, поэтому участие в игре становится для них приятным. Вместе с тем можно отметить у игроков косплея с разным стажем участия значительные различия ($p = 0,05$) по шкале «комфорт». У более опытных игроков по этому параметру значения в 2 раза больше, что можно объяснить их желанием участвовать в игре, но при этом не ощущать неудобства. Менее опытные игроки могут быть согласны на любые условия. По глорической потребности наблюдаются различия по шкалам «самореализация» и «поднятие самооценки». У участников игры с опытом менее двух лет показатели значительно выше. Желание реализоваться и поднять самооценку может стать поводом для начала участия в косплее. У более

опытных косплееров данные потребности могут быть уже удовлетворены, зато у них появляются такие желания, как «обратить на себя внимание» и «вызвать восхищение».

В группе участников с меньшим опытом игры наблюдается рост значений биологической потребности ($t = 1,92$ при $p = 0,05$) за счет ее особого содержания (секс с другим косплеером), которое заменяет предыдущую потребность (найти девушку/парня).

Вместе с тем падает значение практической и эстетической потребностей, которые занимают низшие ранги у играющих более трех лет. Возможно, это связано с тем, что, приходя на игру за компанию, ради поддержки своих, будучи в команде, опытные косплееры уже не придают большого значения времени, потраченному на подготовку костюма: для них важен сам процесс игры, участие в ней, общение с единомышленниками.

Изучение потребности в поисках ощущений (по методике М. Цукермана) показало, что у большей части косплееров с опытом участия в игре до двух лет преобладает высокий уровень потребности в поиске новых ощущений (64 % респондентов). Средний уровень выраженности этой категории отмечен у 28 %, низкий – у 8 % косплееров с небольшим опытом. У играющих более трех лет также преобладает высокий уровень потребности в новых ощущениях (58 %). Средний уровень зафиксирован у 40 % респондентов, низкий – у 2 % данной выборки. Таким образом, по мере участия в игре у косплееров наблюдается некоторое снижение потребности в новых ощущениях, что вполне объяснимо. Так как сама игра содержательно не меняется, то и такая потребность имеет тенденцию к снижению, однако все равно остается в целом на высоком уровне.

Заключение

Полученные данные дают возможность объяснить феномен косплея в Беларуси. Участники игры выбирают ее в силу главной потребности – потребности в общении и друзьях. Для молодых людей наиважнейшая часть жизни связана с расширением круга знакомств и приобретением новых навыков взаимодействия. Вместе с тем они хотят успеха, признания собственной значимости (глорическая потребность). Если этого нельзя достичь в других сферах, то это можно реализовать в игре. Косплей дает возможность получать удовольствие, испытывать комфорт от погружения в приподнятую атмосферу фестиваля, от внимания участни-

ков, посетителей мероприятия (гедонистическая потребность), соревнования с другими игроками (пугническая потребность). Играющие более двух лет получают от игры значительное количество опыта, знаний и эмоций.

Считаем, что направления дальнейших исследований, посвященных косплеерам, ориентированы на изучение их ценностной сферы, личностных особенностей, специфики поведения в обычной жизни. Полученные данные позволят скорректировать программы помощи подросткам и юношам, имеющим проблемы в коммуникации и игровые зависимости.

Библиографические ссылки

1. Кутас ЭА. Игровая деятельность взрослых. *Философия и социальные науки*. 2011;3(4):94–97.
2. Rosenberg R. Expressions of fandom. *Journal of cult media*. 2009;12(7):176–182.
3. Тюрморезова ЕВ, Шевченко ЕП. История возникновения косплея. В: Андреева ЮЮ, Рахимбаева ИЭ, редакторы. *Развитие личности средствами искусства. Материалы V Международной научно-практической конференции; 15 марта 2018 г.; Саратов, Россия*. Саратов: Саратовский источник; 2018. с. 241–247.

4. Фахретдинова МР, Оселедчик ЕБ. История косплея. *Культура и время перемен*. 2017;1:11–12.
5. Кулагина НВ, Овчинникова МА. Мотивация игроков косплея с разным стажем участия в ролевой игре. *Концепт* [Интернет]. 2014 [протитировано 10.01.2019 г.];5:31–35. Доступно по: <http://e-koncept.ru/2014/14115.htm>.
6. Гришанова МИ. Субкультура косплееров как социальное явление. *Актуальные проблемы теории и практики психологии и социологии. Тезисы III Всероссийской студенческой научно-практической конференции; 7 декабря 2017 г.; Москва, Россия*. Москва: Перо; 2017. с. 139–142.
7. Вакурова АВ. Субкультура косплееров: опыт описания. *Мировая классика и молодежная культура*. 2014;2:42–47.
8. Белугина АС, Сигитова АП. Косплей и его значение в современной культуре. В: *Материалы научной сессии Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ»; 1–30 апреля 2017 г.; Борисоглебск, Россия*. Борисоглебск: Кристина и К; 2017. с. 32–37.
9. Сурина ЛБ, Жаркова ЕВ. Косплей – синтез искусств. В: Ваулин СД, редактор. *Наука ЮУрГУ. Материалы 67-й научной конференции; 14–17 апреля 2015 г.; Челябинск, Россия*. Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного университета; 2015. с. 319–323.
10. Пеннер РВ. De re ad absurdum: проблема идентичности человека в феномене косплея (онто-антропологический анализ). *Социум и власть*. 2016;3:117–122.
11. Самойлова ЕО. Онтологические компоненты феномена косплея. *Фундаментальные исследования*. 2014;9(3): 678–679.
12. Самойлова ЕО. Семиотические и онтологические аспекты феномена «косплей» (к постановке проблемы). В: *Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании. Материалы Международной научно-практической интернет-конференции, посвященной 70-летию факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета; Тверь, Россия*. Тверь: Тверской государственный университет; 2012. с. 165–171.
13. Силаева ВК, Смирнова ОГ. Полидисциплинарный подход к исследованию косплея. В: Грунт ЕВ, Меренков АВ, Антонова НЛ, редакторы. *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Материалы XX Международной конференции Екатеринбург; 26–28 октября 2017 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Издательство «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»; 2017. с. 128–138.
14. Слинкина Е, Самсонова ИГ. Косплей как способ самовыражения личности. В: Гнатышина ЕА, Потапова МВ, редакторы. *Актуальные проблемы образования: позиция молодых. Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции; 28–29 апреля 2016 г.; Челябинск, Россия*. Челябинск: Золотой феникс; 2016. с. 72–73.
15. Хомутникова ЕА. Фанфик и косплей в молодежной среде. В: *Перспективы развития науки и образования. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции; 28 сентября 2012 г.; Тамбов, Россия. Часть 4*. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком»; 2012. с. 103–106.
16. Чекина АВ, Буравков БП. Косплей как форма самовыражения молодежи. *Молодежный инновационный вестник*. 2013;2(1):227.
17. Бурченкова ЛШ. Психологические особенности косплееров, отдающих предпочтение созданию образов различных типов. *Молодой ученый*. 2016;11(17):1741–1745.
18. Мордвинова ЕА, Попова АМ. Влияние японской анимации на самореализацию современных подростков. В: Позднякова ОК, редактор. *Воспитание в современном культурно-образовательном пространстве. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции; 27 октября 2016 г.; Самара, Россия. Том 4*. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет; 2016. с. 175–178. Совместно с Московским психолого-социологическим университетом.
19. Морозов НГ, Рзаев ГТ. Исследование мотивации студентов, играющих в ролевые полигонные игры. В: Байбородова ЛВ, Нижегородцева НВ, редакторы. *Психология и педагогика образования будущего. Материалы международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов; 23 марта 2017 г.; Нижний Новгород, Россия*. Ярославль: Редакционно-издательский отдел Ярославского государственного педагогического университета; 2017. с. 167–169.
20. Domsch S. Staging icons, performing storyworlds – from mystery play to cosplay. *Acta University Sapientiae. Film and Media Studies*. 2014;9:125–139. DOI: 10.1515/ausfm-2015-006.
21. Hime K. Motivation and cosplay. *Science of the Joke*. 2017;121(23):23–47.
22. Loke E. Investigating the freedom of gender performativity within the queers of cosplay. *Universiti Sains Malaysia*. 2016;61(2):11–22.
23. Teles C, Ueoka R. Motivation to cosplay. *Asia Digital Art and Design Association*. 2012;2(1):394–395.
24. Маслоу А. *Мотивация и личность*. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 362 с.
25. Ильин ЕП. *Мотивация и мотивы*. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 512 с.
26. Додонов БИ. Потребности, отношения и направленность личности. *Вопросы психологии*. 1973;1:18–28.

References

1. Kutas EA. [Play activities of adults]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2011;3(4):94–97. Russian.
2. Rosenberg R. Expressions of fantom. *Journal of cult media*. 2009;12(7):176–182.
3. Tyurmorezova EV, Shevchenko EP. [The history of cosplay]. In: Andreeva YuYu, Rakhimbaeva IE, editors. *Razvitie lichnosti sredstvami iskusstva. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 15 marta 2018 g.; Saratov, Rossiya* [Personality development by means of art: proceedings of the V International scientific and practical conference; 2018 March 15; Saratov, Russia]. Saratov: Saratovskii istochnik; 2018. p. 241–247. Russian.
4. Fakhretdinova MR, Oseledchik EB. History of cosplay. *Kul'tura i vremya peremen*. 2017;1:11–12. Russian.
5. Kulagina NV, Ovchinnikova MA. Motivation of the cosplay players with different experience in this type of role-playing games. *Kontsept* [Internet]. 2014 [cited 2019 January 10];5:31–35. Available from: <http://e-koncept.ru/2014/14115.htm>. Russian.

6. Grishanova MI. [Subculture of cosplayers as a social phenomenon]. In: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki psikhologii i sotsiologii. Tezisy III Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 7 dekabrya 2017 g.; Moskva, Rossiya* [Actual problems of the theory and practice of psychology and sociology. Abstracts of the III All-Russian student scientific-practical conference; 2017 December 7; Moscow, Russia]. Moscow: Pero; 2017. p. 139–142. Russian.
7. Vakurova AV. [Cosplayer subculture: description experience]. *Mirovaya klassika i molodezhnaya kul'tura*. 2014;2:42–47. Russian.
8. Belugina AS, Sigitova AP. [Cosplay and its importance in modern culture]. In: *Materialy nauchnoi sessii Borisoglebskogo filiala FGBOU VO «VGU»; 1–30 aprelya 2017 g.; Borisoglebsk, Rossiya* [Materials science sessions of Voronezh State University (Borisoglebsk branch); 2017 April 1–30; Borisoglebsk, Russia]. Borisoglebsk: Kristina & K; 2017. p. 32–37. Russian.
9. Surina LB, Zharkova EV. [Cosplay is an art synthesis]. In: Vaulin SD, editor. *Nauka YuUrGU. Materialy 67 nauchnoi konferentsii; 14–17 aprelya 2015 g.; Chelyabinsk, Rossiya* [Science of South Ural State University. Materials of the 67th scientific conference; 2015 April 14–17; Chelyabinsk, Russia]. Chelyabinsk: Publishing house of South Ural State University; 2015. p. 319–323. Russian.
10. Penner RV. De re ad absurdum: the problem of human identity in the phenomenon of cosplay (onto-anthropological analysis). *Socium and power*. 2016;3:117–122. Russian.
11. Samoilova EO. Ontological components of cosplay phenomenon. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2014;9(3):678–679. Russian.
12. Samoilova EO. [Semiotic and ontological aspects of the phenomenon of «cosplay» (to the formulation of the problem)]. In: *Ponimanie i refleksiya v kommunikatsii, kul'ture i obrazovanii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu fakul'teta inostrannykh yazykov i mezhdunarodnoi kommunikatsii Tverskogo gosudarstvennogo universiteta; Tver', Rossiya* [Understanding and reflection in communication, culture and education. Materials of the International scientific and practical internet conference dedicated to the 70th anniversary of the faculty of foreign languages and international communication of Tver State University; Tver, Russia]. Tver: Tver State University; 2012. p. 165–171. Russian.
13. Silaeva VK, Smirnova OG. Multidisciplinary approach to the study of cosplay. In: Grunt EV, Merenkov AV, Antonova NL, editors. *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya. Materialy XX Mezhdunarodnoi konferentsii. Ekaterinburg; 26–28 oktyabrya 2017 g.; Ekaterinburg, Rossiya* [Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research Materials of the XX International conference Ekaterinburg, 2017 October 26–28; Ekaterinburg, Russia]. Ekaterinburg: Publishing center of Ural Federal University; 2017. p. 128–138. Russian.
14. Slinkina E, Samsonova IG. [Cosplay as a way of personal expression]. In: Gratyshina EA, Potapova MV, editors. *Aktual'nye problemy obrazovaniya: pozitsiya molodykh. Materialy Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 28–29 aprelya 2016 g.; Chelyabinsk, Rossiya* [Actual problems of education: the position of the young. Materials of the All-Russian student scientific and practical conference; 2016 April 28–29; Chelyabinsk, Russia]. Chelyabinsk: Zolotoi feniks; 2016. p. 72–73. Russian.
15. Khomutnikova EA. [Fan fiction and cosplay in the youth environment]. In: *Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 28 sentyabrya 2012 g.; Tambov, Rossiya* [Prospects for the development of science and education. A collection of scientific papers to the materials of the International scientific-practical conference; 2012 September 28; Tambov, Russia]. Tambov: LLC «Consulting Company Yukom»; 2012. p. 103–106. Russian.
16. Chekina AV, Buravkov BP. [Cosplay as a form of self-expression of youth]. *Molodezhnyi innovatsionnyi vestnik*. 2013;2(1):27. Russian.
17. Burchenkova LSh. [Psychological features of cosplayers, preferring the creation of images of various types]. *Molodoi uchenyi*. 2016;11(17):1741–1745. Russian.
18. Mordvinova EA, Popova AM. Japanese animation impact on modern teenagers self-fulfillment. In: Pozdnyakova OK, editor. *Vospitanie v sovremennom kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve. Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 27 oktyabrya 2016 g.; Samara, Rossiya. Tom 4* [Education in the modern cultural and educational space. A collection of articles on materials IV All-Russian scientific-practical conference 2016 October 27; Samara, Russia. Volume 4]. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education; 2016. p. 175–178. Co-published by the Moscow State University of Psychology and Education. Russian.
19. Morozov NG, Rzayev GT. [Study of the motivation of students playing role-playing ground games]. In: Baiborodova LV, Nizhegorodtseva NV, editors. *Psikhologiya i pedagogika obrazovaniya budushchego. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov; 23 marta 2017 g.; Nizhnii Novgorod, Rossiya* [Psychology and pedagogy of education of the future: materials of the international conference of students, undergraduates and graduate students 2017 March 23; Nizhny Novgorod, Russia]. Yaroslavl: Publishing department by the Yaroslavl State Pedagogical University; 2017. p. 167–169. Russian.
20. Domsch S. Staging icons, performing storyworlds – from mystery play to cosplay. *Acta University Sapientiae. Film and Media Studies*. 2014;9:125–139. DOI: 10.1515/ausfm-2015-006.
21. Hime K. Motivation and cosplay. *Science of the Joke*. 2017;121(23):23–47.
22. Loke E. Investigating the freedom of gender performativity within the queers of cosplay. *Universiti Sains Malaysia*. 2016;61(2):11–22.
23. Teles C, Ueoka R. Motivation to cosplay. *Asia Digital Art and Design Association*. 2012;2(1):394–395.
24. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint Petersburg: Piter; 2002. 362 p. Russian.
25. Ilyin EP. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. Saint Petersburg: Piter; 2002. 512 p. Russian.
26. Dodonov BI. [Needs, attitudes and orientation of the personality]. *Voprosy psikhologii*. 1973;1:18–28. Russian.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

THE CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

ХII КАНТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

12th KANT-READINGS

В г. Калининграде (Россия) 21–25 апреля состоялась международная конференция «ХII Кантовские чтения. Кант и этика Просвещения: исторические основания и современное значение». Она проводится на родине великого философа с 1974 г. регулярно, каждые пять лет. Нынешний форум стал крупным научным событием в области международного кантоведения и важной частью серии мероприятий, направленных на подготовку к празднованию 300-летия со дня рождения Иммануила Канта в 2024 г. Как следует из названия конференции, она была посвящена моральной философии Канта, обретающей особенную значимость перед лицом глобальных вызовов, с которыми столкнулось современное общество.

В форуме участвовали 110 философов из 19 стран мира, включая университетских ученых из России, Беларуси, Украины, Эстонии, Германии, Болгарии, Нидерландов, Польши, Италии, Великобритании, США, Бразилии и др. Программа конференции включала в себя пленарные доклады, секционные заседания (всего работало 8 секций), круглые столы и форум молодых ученых. От нашей республики в Кантовских чтениях приняли участие профессор кафедры философии культуры факультета философских и социальных наук БГУ Т. Г. Румянцева, которая выступила с докладом на тему «Моральная философия как предмет полемики Г. Гегеля с И. Кантом в “Феноменологии духа”», и студент четвертого курса отделения философии А. Ермолович.

Пленарные доклады были посвящены следующим темам: «Практический платонизм Канта» (М. Баум), «Моральная философия как просвещение: метод Канта и значение “обыденного нравственного познания разума”» (С. Бачин), «Специфика трансцендентальной дедукции прак-

тического разума в этике И. Канта» (В. Семенов), «Как пользоваться кем-либо “только как средством”» (П. Кляйнгельд), «Четыре смысла понятия “человечество” в философии Канта» (В. Чалый), «О роли умонастроения (*Gesinnung*) в этике Канта» (А. Круглов), «Новый конфликт факультетов: Кант, радикальное Просвещение и еще более “глубинное государство”» (Р. Ханна), «Животное – человек – машина: ответ на вопрос “Что такое Просвещение?” в историко-философском контексте» (Д. Денков), «Кант о политике и истории: поздние взгляды» (С. Шелл) и др.

Основная тематика секционных заседаний была связана с такими вопросами, как этика Канта, ее соотношение с этикой Просвещения и их рецепциями в России и мире. Большое внимание было уделено этике ученого в неокантианстве, а также влиянию этических идей Канта на современную прикладную этику, биоэтику и когнитивные исследования. Были среди докладов и поистине «экзотические» темы: например, «Кантовская этика в теории прав животных», «Компатибилистский шов проекта Просвещения Канта», «Просвещенные головы, храбрые сердца, благородные руки: Кант о достоинстве труда».

В рамках чтений 22 апреля, в день рождения философа, в Кафедральном соборе на острове Канта в честь 295-летия мыслителя состоялось традиционное торжественное собрание «Кантовский лекторий». На нем присутствовали не только участники международной конференции, но и преподаватели, студенты университета, жители и гости Калининграда. Открылся лекторий организованными произведениями И. С. Баха. Затем с приветственным словом выступил директор Академии Кантиана (научного подразделения при Балтий-

ском федеральном университете имени И. Канта и организатора чтений) и главный редактор журнала «Кантовский сборник» Н. Дмитриева. Она отметила большой интерес к философии Канта у современной молодежи и предоставила слово известному специалисту по этике академику РАН А. Гусейнову. В своей лекции «Кант на все времена» он отметил главные идеи моральной философии Канта, которые навсегда вошли в сокровищницу мировой интеллектуальной культуры и не утратили своей актуальности до сих пор. А. Гусейнов указал также на замечательную возможность для специалистов-кантоведов со всего мира собраться на научной конференции такого высокого уровня, чтобы в рабочей атмосфере XII Кантовских чтений вновь прозвучали великие кантовские вопросы с учетом современных реалий, новых идей и научных открытий. После лекции гости направились к могиле Иммануила Канта, чтобы по сложившейся традиции возложить цветы в 17 часов 24 минуты: это время символизирует год рождения философа (1724). С торжественным словом у могилы мыслителя выступили профессор БФУ Л. Калинин

и председатель «Общества друзей Канта и Кёнигсберга» Г. Хорст (Германия).

Празднованию 295-й годовщины со дня рождения Иммануила Канта был посвящен не только международный форум ученых в Калининграде, но и фестиваль «Кантовские дни». В рамках мероприятия состоялись музыкальные представления в Кафедральном соборе, выставка посвященных великому мыслителю картин калининградских художников, лекторий о жизни, идеях и учении Канта, ставшего сегодня своего рода визитной карточкой города и всего региона. Отрадно, что не только ученые-кантоведы, но и жители Калининграда активно участвовали в этих мероприятиях.

Организаторы Кантовских чтений и Калининград в целом уже начали подготовку к следующей большой дате – 300-летию со дня рождения мыслителя.

Есть надежда, что в 2024 г. Всемирный философский кантовский конгресс состоится именно здесь, в Калининграде, на родине великого философа.

*Т. Г. Румянцева*¹

¹Татьяна Герардовна Румянцева – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Tatsiana G. Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

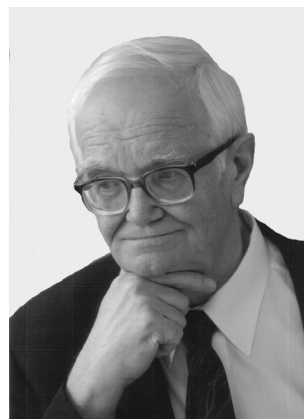
E-mail: tr30@mail.ru

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Вячеслав Семенович
СТЁПИН**

**Vyacheslav Semenovich
STEPIN**

14 декабря 2018 г. ушел из жизни член редакционной коллегии нашего журнала, председатель редакционного совета журнала «Философия и социальные науки», академик Российской академии наук, иностранный член Национальной академии наук Беларуси, доктор философских наук, профессор Вячеслав Семенович Степин.

В 1956 г. В. С. Стёпин окончил отделение философии исторического факультета Белорусского государственного университета, а в 1959 г. – аспирантуру кафедры философии БГУ. В 1981–1987 гг. являлся заведующим кафедрой философии БГУ. С 1987 по 1988 г. был директором Института истории естествознания и техники АН СССР, с 1988 г. по 2006 г. – директором Института философии АН СССР (РАН). В дальнейшем – почетный директор Института философии РАН, академик-секретарь и заместитель академика-секретаря отделения общественных

наук РАН, многолетний президент Российского философского общества.

В 1970–80-х гг., работая в Минске и являясь лидером и организатором Минской философско-методологической школы, В. С. Стёпин разработал концепцию структуры и генезиса научной теории, которую представил в своей докторской диссертации «Проблема структуры и генезиса физической теории» (1976). С его именем связана разработка концепции постнеклассической науки, а также концепции мировоззренческих универсалий культуры и типов цивилизационного развития.

Вячеслав Семенович Стёпин – выдающийся ученый, известный организатор науки и прекрасный лектор, друг нашего журнала – навсегда останется в наших сердцах.

Редколлегия

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Рубанов А. В. Ценности осевого времени</i>	4
<i>Ровбо М. В. Проблема трансцендентального субъекта и ее обоснование в критической философии И. Канта.....</i>	9
<i>Новік І. М. Апроч Абдзіраловіча: характарыстыка жыцця і творчасці Ігната Канчэўскага</i>	15

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Кирвель Ч. С., Бусько И. В. Будущее как проблема духовного опыта человечества.....</i>	23
<i>Доброродний Д. Г. Интернет как технологическая основа культуры постмодерна: философия интернета Л. Ропольи.....</i>	32
<i>Фан Чжэнвэй. Современные исследования о взаимовлиянии традиционной физической культуры Китая и древнекитайской философии.....</i>	39

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Лебедева Е. В., Филипова А. Г. Дружественность городской среды в ракурсе структурно-функционального анализа.....</i>	44
<i>Скорая И. Г. Социодинамика трактовок времени в современной философии и социологии.....</i>	54
<i>Дмитриева О. Е. Внутрисемейные взаимоотношения поколений в Беларуси.....</i>	59
<i>Миронцов И. В. Эффективность онлайн-обучения как компонента высшего образования (на основе количественного метаанализа).....</i>	68
<i>Гаврилик О. Н. Экономическая культура населения Беларуси и России как основа интеграционных процессов.....</i>	75

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Климович Д. В. Кластеризация социальных репрезентаций туристов из различных стран у работников предприятий гостиничного бизнеса</i>	81
<i>Лепешко К. В. Индикаторы социально-сравнительной ревности.....</i>	91
<i>Астрейко Н. С. Стиль вождения автомобиля: половые различия и психологические предикторы</i>	101
<i>Медведская Е. И. Специфика категоризации в области социальной перцепции у активных интернет-пользователей</i>	108

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Поляков А. М., Пугач М. В. Динамическая структура эстетического переживания</i>	115
<i>Ксенда О. Г. Основные потребности игроков косплея с разным стажем участия в игре</i>	122

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Румянцева Т. Г. XII Кантовские чтения</i>	129
--	-----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

<i>Вячеслав Семенович Стёпин.....</i>	131
---------------------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Rubanau A. V.</i> Values of <i>axial age</i>	4
<i>Rovbo M. V.</i> The problem of the transcendental subject and its justification in Kant's critical philosophy	9
<i>Novik I. M.</i> Besides Abdziralovič: characteristic of the life and work of Ihnat Kančeŭski	15

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Kirvel Ch. S., Busko I. V.</i> The future as the problem of spiritual experience of mankind.....	23
<i>Dabrarodni D. G.</i> The Internet as a technological basis of postmodern culture: L. Ropolyi's philosophy of the Internet	32
<i>Fang Zhengwei.</i> The modern researches of the interdependence between traditional physical culture of China and ancient Chinese philosophy	39

SOCIOLOGICAL RESEARCHES

<i>Lebedeva E. V., Filipova A. G.</i> Urban environment friendliness in the perspective of a structural functionalism	44
<i>Skoraya I. G.</i> Sociodynamics of time interpretations in modern philosophy and sociology.....	54
<i>Dmitrieva O. E.</i> Intra-family relationships of generation in Belarus	59
<i>Mirontsov I. V.</i> The effectiveness of e-learning as a component of higher education (on the basis of quantitative meta-analysis).....	68
<i>Gavrilik O. N.</i> Economic culture of the population of Belarus and Russia as the basis of integration processes	75

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Klimovich D. V.</i> Clustering of social representations of tourists from different countries by the hospitality industry employees	81
<i>Lepeshko K. V.</i> Indicators of social-comparison jealousy	91
<i>Astreyko N. S.</i> Driving style: sex differences and psychological predictors	101
<i>Medvedskaya E. I.</i> Specifics of categorization in the field of social perception in active Internet users	108

PERSONALITY PSYCHOLOGY

<i>Polyakov A. M., Pugach M. V.</i> The dynamic structure of aesthetic experience	115
<i>Ksionda O. G.</i> The main needs of cosplay players with different participation in the game.....	122

THE CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

<i>Rumyantseva T. G.</i> 12 th Kant-Readings.....	129
--	-----

TO THE MEMORY OF SCIENTISTS

<i>Vyacheslav Semenovich Stepin</i>	131
---	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 2. 2019**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редакторы *Т. В. Мейкшане, А. С. Люкевич*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректоры *К. Б. Скакун, О. А. Семенец*

Подписано в печать 31.05.2019.
Тираж 100 экз. Заказ 184.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2019

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 2. 2019**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editors *T. V. Meikshane, A. S. Lyukevich*
Technical editor *T. A. Karanovich*
Proofreaders *K. B. Skakun, O. A. Semianets*

Signed print 31.05.2019.
Edition 100 copies. Order number 184.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2019